This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PG
3361
S3P4

HOOVER INSTITUTION
B. I. Nicolaevsky Collection

HOOVER INSTITUTION
on War, Revolution, and Peace

FOUNDED BY HERBERT HOOVER, 1919

Boris I. Nicolaevsky
Collection

PG 3361
S3 P4

К. М. Таръ.

ОЧЕРКЪ ПЕТЕРБУРГСКАГО РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ 90-хъ ГОДОВЪ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ.

HOOVER INSTITUTION
B. I. Nicolaevsky Collection

ЦѢНА 30 коп.

Книгоиздательство
„НОВЫЙ МІРЪ."

1906.

К. М. Таръ.

ОЧЕРКЪ
петербургскаго рабочаго движенія
90-хъ годовъ.

По личнымъ воспоминаніямъ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

ВВЕДЕНІЕ.

Рабочее движеніе въ Петербургѣ имѣетъ за собою большую давность. Его первая волна достигла своей наивысшей точки въ концѣ 70-хъ годовъ. И возникновеніе Сѣверно-Русскаго Рабочаго Союза было провозвѣстникомъ зарожденія сознательнаго и организованнаго рабочаго движенія. Къ этому моменту создался и типъ сознательнаго петербургскаго рабочаго — борца, выдающимся примѣромъ котораго можетъ служить Степанъ Халтуринъ.

Но героическая борьба тѣсной заговорщической организаціи террористовъ Народной Воли какъ-то невольно затягивала въ то время почти всѣхъ, кто способенъ былъ стать революціонеромъ. Не имѣвшимъ никакого политическаго опыта, но рвущимся къ свободной жизни молодымъ энтузіастамъ вѣрилось въ возможность освободиться однимъ могучимъ ударомъ отъ гнета самодержавія. Съ другой стороны, жестокія преслѣдованія со стороны правительства всѣхъ сознательныхъ рабочихъ убѣждали ихъ въ почти полной безплодности попытокъ организовать широкое рабочее движеніе при данныхъ условіяхъ, когда сознательные рабочіе лишь начинали нарождаться, а окружающая рабочая среда давала о себѣ знать главнымъ образомъ какими-то стихійными движеніями, вызывавшимися рѣзкими перемѣнами во время кризисовъ.

Террористическая борьба конспираторовъ Народной Воли отзывалась очень губительно на зарождавшемся сознательномъ рабочемъ движеніи. Ряды сознательныхъ рабочихъ таяли послѣ каждаго новаго покушенія. Дальнѣйшее развитіе и даже существованіе рабочаго союза при такихъ условіяхъ становилось невозможнымъ. Оставшіеся на свободѣ наиболѣе дѣятельные рабочіе, отчаявшись въ возможности существованія союза, переходили въ ряды террористовъ. Поэтому и подавленіе террористическаго движенія партіи *Народной Воли* казалось, хотя и временнымъ, но

полнымъ подавленіемъ всего, что было сознательно рево люціоннымъ.

Однако жизнь и развитіе страны шли впередъ, несмотрс на старанія самодержавной бюрократіи остановить ходт общественнаго развитія. Хотя восьмидесятые годы считаютс годами полнаго торжества реакціи, но именно въ этотт періодъ полнаго подавленія тайныхъ революціонныхъ орга низацій, быстро ростущая сила пролетаріата проявила себ въ цѣломъ рядѣ рабочихъ волненій и стачекъ, заставив шихъ правительство встать на путь фабричнаго законода тельства и ввести фабричную инспекцію. Самымъ выдаю щимся изъ этихъ событій была безъ сомнѣнія стачка на фабрикѣ Морозова въ селѣ Орѣхово-Зуево въ 1884 г. Вож дями Морозовскихъ рабочихъ явились сознательные рабо чіе-соціалисты, Моисеенко и Волковъ. Рабочіе, руководимые ими, выдвинули цѣлый рядъ требованій. Во время этой стачки во второй разъ развернулось на русской землѣ красное знамя. Правительство употребило всѣ средства чтобы задавить движеніе. Масса рабочихъ была брошена въ тюрьму. Былъ назначенъ судъ. Однако присяжные вы несли оправдательный приговоръ, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и обвинительнымъ приговоромъ противъ нашихъ по рядковъ. Катковъ тогда же назвалъ этотъ приговоръ „пер вымъ салютомъ русскому рабочему движенію". Оправдан ные рабочіе были немедленно же послѣ освобожденія аре стованы жандармскими властями. Но вмѣстѣ съ тѣмъ пра вительство признало справедливость требованій Морозов скихъ рабочихъ и осуществило главнѣйшія изъ нихъ въ формѣ особыхъ законовъ о штрафахъ, изданныхъ въ 1886 г

Рабочее движеніе, казалось, должно было быть обще признаннымъ фактомъ. Казалось, недоставало лишь мысли телей, которые смогли бы понять и выяснить смыслъ и общественное значеніе этого движенія. И они явились. Въ 1884 г. въ Петербургѣ самостоятельно возникла группа „Рабочій", которая поставила своею цѣлью соціалдемокра тическую пропаганду среди рабочихъ и учащейся молодежи и выработала собственную программу. Почти одновременно съ этой первой петербургской соц.-дем. группой, или вѣр нѣе еще раньше ея, далеко за предѣлами Россіи возникла, подъ вліяніемъ германскаго соціалдемократическаго движе нія, всѣмъ извѣстная Группа Освобожденія Труда. При пер вомъ же извѣстіи о существованіи группы „Рабочій", Группа *Освоб. Труда завязала* съ ней сношенія. Казалось, русская *соціалдемократія* получила прочное основаніе. Но группа

Рабочій“ просуществовала лишь до 27 января 1886 г., и ачавшаяся было пропаганда снова прервалась. Снова дѣались попытки проникнуть въ рабочую среду, и снова еудачи, благодаря арестамъ. И дѣло пропаганды среди абочихъ дошло до такого упадка, что среди революціонной интеллигенціи стало даже закрадываться сомнѣніе въ озможности работы среди рабочихъ. Но сами рабочіе разили эти сомнѣнія своими рѣчами 1-го мая 1891 г. Еще аньше, въ апрѣлѣ, рабочіе напомнили о себѣ адресомъ ольному писателю Шелгунову. „Вмѣстѣ съ искреннимъ увствомъ признательности къ Шелгунову, какъ къ указателю пути къ свободѣ и братству, — говорили они, - мы робовали, подачею ему адреса и своимъ присутствіемъ съ ѣнкомъ на его похоронахъ, привлечь вниманіе общества ъ рабочему вопросу и, какъ слышно, успѣли въ этомъ“.

„Будемъ учиться, объединяться сами, товарищи, будемъ бъединяться въ сильную партію! Будемъ, братья, сѣять то великое сѣмя съ восхода до захода солнца во всѣхъ голкахъ нашей земли“.—Такъ закончилъ свою рѣчь одинъ зъ петербургскихъ рабочихъ, говорившихъ на тайномъ обраніи рабочихъ 1-го мая 1891 г.

И присутствіе рабочихъ на похоронахъ писателя Шелунова и рѣчи ихъ, произнесенныя 1-го мая 1891 года, ыли ихъ открытымъ заявленіемъ о зарожденіи въ Петерургѣ сознательнаго рабочаго движенія.

Глава I.

Первый періодъ—кружковщина.

Подъ вліяніемъ голодныхъ 1891—92 годовъ и хо
сильно оживилась дѣятельность интеллигенціи и возо
вилась работа народовольцевъ. Въ 1892 году „Группа
родовольцевъ“ издала свои „Письма къ голодающимъ
стьянамъ“. Тогда же вышелъ ихъ „Летучій Листокъ“
носившій главнымъ образомъ радикальный народниче
характеръ. Осенью 93 г. группа выпускаетъ № 2-ой „Лист
„Александръ III“ или „Къ десятилѣтію коронаціи“ и „Бра
товарищи“, обращеніе рабочаго къ рабочимъ.

„Группа народовольцевъ“ имѣла рабочіе кружки
различныхъ фабричныхъ районахъ Петербурга и во г.
кружковъ стояли пожилые рабочіе, оставшіеся еще
временъ „Земли и Воли“. Народовольцы образовывали
ленькія кружковыя кассы и библіотеки. Не знаю,
нужно приписать ихъ устройство — интеллигенціи или
мимъ рабочимъ. Читать — было первою потребностью
вивающихся рабочихъ, и большая часть кассовыхъ де
шла на покупку литературы (преимущественно легальн
Въ кружковыхъ библіотекахъ видное мѣсто занимали
чиненія Шелгунова, Некрасова, Щедрина, Щапова, „
летаріатъ во Франціи“ Михайлова. „Исторія французс
крестьянина“ Шатріана, „Спартакъ“ Джіованіолли, „
номическія бесѣды“ Карышева, разныя статьи изъ стар
журналовъ; попадались и единичные экземпляры „ле
по русской исторіи“ Ключевскаго, „Очерки экономиче
культуры“ Зибера, Лассаль, а въ особой библіотекѣ
интеллигентныхъ рабочихъ имѣлся Марксъ и Н. Черны
скій (Критика политической экономіи). Главный дев
который выставляли тогдашніе народовольцы, было с
женіе самодержавія въ цѣляхъ достиженія лучшаго соці
наго строя. Главнымъ орудіемъ переворота оставалась
прежнему крайне незначительная группа людей, спло

ная организація самоотверженныхъ заговорщиковъ. Сознаніе слабости этого революціоннаго средства побуждало искать опоры во внѣшней средѣ. Отсюда мысль о необходимости „опереться на народъ". Мѣстопребываніе группы въ городѣ заставляло искать поддержки у городского народа, у наиболѣе отзывчивыхъ его слоевъ, т. е. у рабочихъ. Конечно, работать надо и среди крестьянъ, но городскіе рабочіе признавались народовольцами наиболѣе подходящей для этой цѣли группой людей изо всего трудящагося народа. Слѣдовательно, работа должна быть сосредоточена среди городскихъ рабочихъ.

„Стремиться организовать широкое рабочее движеніе, создавать рабочую партію при условіяхъ нашего деспотическаго управленія, — говорили они, — значитъ вращаться въ заколдованномъ кругу. Ибо главнымъ условіемъ возможности широкаго рабочаго движенія является политическая свобода, а главнымъ условіемъ ея достиженія — сверженіе самодержавія. Тратить же силы на рабочее движеніе, какъ таковое, значитъ не добиться ничего (ибо чего же добьешься, когда правительство даже фабрикантамъ не позволяетъ дѣлать рабочимъ уступокъ); значитъ потратить массу средствъ и людей на безчисленныя жертвы идеѣ, чтобы въ концѣ концовъ все-таки возвратиться къ государственному перевороту".

Такова была сущность теоріи тогдашнихъ народовольцевъ. На практикѣ у нихъ дѣло сводилось къ возможно широкой организаціи рабочихъ кружковъ и къ веденію въ нихъ противоправительственной пропаганды. Эта пропаганда велась съ такимъ жаромъ, что ее скорѣе можно было бы назвать политической агитаціей, если бы дѣло велось среди массы рабочихъ, а не въ малочисленныхъ кружкахъ. Я помню, какъ мои пріятели радовались, когда имъ удавалось устроить небольшое собраніе человѣкъ въ 15, особенно изъ такъ называемыхъ „сѣрыхъ", т. е. еще не распропагандированныхъ рабочихъ. Въ кружкахъ пропаганда велась главнымъ образомъ устнымъ путемъ. Бывало, одинъ кончалъ говорить, приходилъ другой и „жарилъ" дальше.

Распропагандированные рабочіе на фабрикахъ держались очень осторожно и обыкновенно не принимали никакого активнаго участія въ тогдашнемъ рабочемъ движеніи, т. е. въ стачкахъ, „рабочихъ безпорядкахъ" и волненіяхъ. Такимъ образомъ дѣло сводилось къ политической пропагандѣ и *къ вербовкѣ отдѣльныхъ личностей* изъ рабочей

среды для этой пропаганды, при посредствѣ рабочихъ кружковъ. Въ концѣ концовъ получалось нѣкоторое число вполнѣ интеллигентныхъ рабочихъ, оторванныхъ отъ рабочей среды.

Такъ обстояло дѣло зимою 93 года. Въ это же время въ средѣ нѣкоторыхъ сознательныхъ и развитыхъ рабочихъ, называвшихъ себя соціалдемократами, сталъ раздаваться протестъ противъ подобнаго положенія вещей. Нѣтъ!—говорили они,—успѣхъ дѣла лежитъ въ рабочемъ движеніи. А для того, чтобы создать сознательное рабочее движеніе, необходимы дѣятели, спеціально для этой цѣли подготовленные. Рабочій пропагандистъ и организаторъ долженъ тонко знать всѣ окружающія условія его рабочей жизни. Его міросозерцаніе должно быть широко и всесторонне, онъ долженъ быть хорошо подготовленнымъ и знающимъ человѣкомъ. А для этого имѣющіеся на лицо сознательные рабочіе должны основывать особые кружки для саморазвитія, приглашая интеллигентовъ для помощи. Иногда доходили до крайностей, высказывая мнѣнія, что въ подобныхъ кружкахъ должны сначала проходиться естественныя науки; и только усвоивши болѣе правильный взглядъ на природу, можно браться за исторію культуры, а потомъ уже за вершину знанія— за политическую экономію. Въ такихъ кружкахъ пользовались главнымъ образомъ легальной литературой. Вышеупомянутой программѣ для саморазвитія нѣкоторые слѣдовали съ такою прямолинейностью, что кто сомнѣвался въ ея цѣлесообразности, тотъ признавался недостаточно серьезнымъ человѣкомъ, еретикомъ, не заслуживающимъ имени „соціалдемократа". Впрочемъ, это не было общимъ явленіемъ. Что касается до пропаганды необходимости для рабочихъ политической борьбы, до участія ихъ въ политической революціи, то среди тогдашнихъ рабочихъ „соціалдемократовъ" существовалъ особый взглядъ. Конечно, сознательные рабочіе хорошо чувствовали всѣ преимущества политической свободы и выясняли ея значеніе своимъ близкимъ товарищамъ. Но въ то же время они очень отрицательно относились къ возможности политической пропаганды среди широкаго круга рабочихъ, а ужъ тѣмъ болѣе къ возможности организаціи рабочихъ для достиженія политической свободы Если вы говорили о необходимости участія рабочихъ въ политической революціи, о борьбѣ рабочихъ за конституцію, то къ вамъ сразу же начинали косо относиться, видя въ васъ народовольца.

Очевидно, это было прямой реакціей отдѣльныхъ сознательныхъ единицъ на народовольческую, не классовую про-

паганду и на главный пунктъ этой пропаганды — на заговорщическую организацію революціонеровъ съ цѣлью сверженія самодержавія. Реакція, какъ извѣстно, всегда вызываетъ противоположную крайность, крайность часто нежелательную, но почти всегда неизбѣжную. Такъ случилось и въ данномъ случаѣ: на необходимость борьбы за политическую свободу временно какъ то перестали обращать вниманіе. Основная мысль пропагандистовъ конца 70-хъ годовъ какъ будто заглохла, и началась новая проповѣдь сознательной жизни.

На помощь къ рабочимъ, рвущимся къ знанію, подоспѣла соціалдемократическая интеллигенція. И изъ этихъ соціалдемократическихъ рабочихъ кружковъ вышли развитые, образованные рабочіе, ставшіе во главѣ петербургскаго движенія. Правда, имъ пришлось перенести немало разочарованій, откинуть немало предвзятыхъ взглядовъ и предразсудковъ, чтобы изъ культурныхъ одиночекъ превратиться въ настоящихъ рабочихъ-бойцовъ, изъ теоретиковъ въ практиковъ-пропагандистовъ и агитаторовъ. Жизнь, создавшая ихъ, помогла имъ въ этомъ.

При сравненіи дѣятельности соціалдемократическихъ кружковъ съ народовольческими мы видимъ, что какъ тутъ, такъ и тамъ, собственно говоря, дѣло сводилось къ выдѣленію изъ рабочей среды культурныхъ единицъ; ибо и культурный рабочій „соціалдемократъ" въ значительной степени терялъ связь со своею менѣе культурною средою. Но оба эти направленія были страшно враждебны. Поле для работы тогда не было широко, а кругъ сознательныхъ рабочихъ былъ еще уже, поэтому весьма естественно, что въ этотъ кругъ перешла и нашла себѣ богатую почву зародившаяся среди интеллигенціи борьба направленій. Въ рабочей средѣ эта борьба повелась поистинѣ съ ожесточеніемъ и непримиримостью. Въ этой борьбѣ приняли участіе и пожилые рабочіе, лично знававшіе Халтурина, Желябова и Тимофея Михайлова, бывшіе и на демонстраціи у Казанскаго собора (6/XII 1876), и на Смоленскомъ кладбищѣ на похоронахъ несчастныхъ жертвъ патроннаго завода (въ 1878 году). Приняли въ ней участіе и молодые рабочіе, только что примкнувшіе къ рабочимъ кружкамъ. Взаимныя теоретическія пререканія подчасъ переходили даже въ личныя дрязги. Такъ рабочій N, стоявшій во главѣ одного кружка, пожертвовалъ 190 рублей на пропаганду среди рабочихъ и передалъ ихъ народовольцамъ. А тѣ употребили деньги или на организаціонныя цѣли, или на

типографію. Въ концѣ концовъ вышла „исторія“, разнесшаяся довольно широко и послужившая почвой для новаго ожесточенія мѣстной борьбы. Словомъ, это соперничество, такъ ярко проявлявшееся въ средѣ самихъ рабочихъ, ихъ дѣленіе на „соціалдемократовъ“ и „народовольцевъ“ представляло порой зрѣлище далеко непріятное. Но что было дѣлать? Съ этой рознью приходится считаться, какъ съ историческимъ фактомъ.

Тутъ умѣстно замѣтить, что даже въ это время розни и пререканій среди развитыхъ рабочихъ существовало нѣкоторое единство. Я говорю про „Объединенную кассу петербургскихъ рабочихъ“. Дѣло въ томъ, что почти каждый кружокъ рабочихъ, какъ соціалдемократическій, такъ и народовольческій, имѣлъ свои деньги. Въ большинствѣ случаевъ это были ничтожныя суммы, шедшія главнымъ образомъ на покупку литературы. Необходимость помогать арестованнымъ товарищамъ и недостаточность для этой цѣли кружковыхъ кассъ, заставила объединиться всѣ извѣстные тогда рабочіе кружки для этой общей цѣли. Немногіе кружки каждаго рабочаго района Петербурга, даже принадлежавшіе къ разнымъ лагерямъ, были хорошо извѣстны другъ другу. Поэтому были избраны представители отъ отдѣльныхъ соціалдемократическихъ и народовольческихъ кружковъ каждаго района, которые время отъ времени, кажется, не чаще одного раза въ мѣсяцъ, собирались на общее собраніе „Объединенной кассы петербургскихъ рабочихъ“. Правда, въ ней участвовали только кружковые рабочіе;—но вѣдь въ то время и все сознательное движеніе ограничивалось кружками. Въ эту кассу поступали деньги изъ кружковыхъ кассъ, а изъ нея шли на помощь арестованнымъ и высланнымъ, ихъ семьямъ, словомъ, жертвамъ революціоннаго рабочаго движенія. Касса издавала гектографомъ свои отчеты, на оборотной сторонѣ которыхъ помѣщалась хроника арестовъ, высылокъ, обысковъ...

Прибавлю, что въ описываемое время въ этой кассѣ участвовало немало „стариковъ“, отъ которыхъ съ большими подробностями можно было услышать про тѣ эпизоды изъ прошедшей исторіи петербургскаго движенія, которые приводятся Плехановымъ въ его талантливой брошюрѣ „Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи“. Послѣ народовольческаго погрома въ апрѣлѣ 1894 г. „Объединенная касса“ стала быстро клониться къ упадку. Вмѣсто нея, при новомъ подъемѣ силъ, въ 95 году стала намѣчаться общая организація рабочихъ Петербурга въ видѣ начав-

шихся общихъ агитаціонныхъ собраній рабочихъ представителей отъ отдѣльныхъ районовъ (Невской заставы, Нарвской заст. съ огромнымъ Путиловскимъ заводомъ, Выборгской и Петербургской стор.). Но объ этой организаціи рѣчь впереди.

Въ январѣ 1894 года я получилъ кружокъ отъ народовольцевъ, которые допустили меня въ качествѣ независимаго соціалиста. Я читалъ съ рабочими „Экономическое ученіе Маркса" Каутскаго и рефераты по рабочему вопросу. Хорошо остался у меня въ памяти одинъ рефератъ, который былъ начатъ съ краткаго очерка народныхъ и нашего революціоннаго движеній (главнымъ образомъ по Тунгу). Пособіями для критики были взяты „Исторія русскаго революціоннаго движенія" Кричевскаго и только что упомянутая брошюра Плеханова. Рефератъ кончался данными изъ нашего промышленнаго развитія и наиболѣе характерными выдержками изъ „Идеи рабочаго сословія" Лассаля. Въ рефератѣ проводилась мысль, что рабочее дѣло должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ, что ему должны быть отдаваемы всѣ лучшія силы рабочихъ, что наша задача приложить всѣ усилія для созданія кадра будущей рабочей партіи. Мнѣ такъ хорошо врѣзались въ память разгоряченныя, полныя жизни и силы, лица рабочихъ...

Наши собранія происходили довольно часто. Но въ концѣ марта мой близкій товарищъ изъ народовольцевъ заявилъ мнѣ однажды: „Какъ ни печально, но намъ придется разстаться съ вашимъ кружкомъ. Мы получили его отъ рабочихъ соціалдемократовъ, но взаимная рознь дошла до того, что они отнимаютъ у насъ кружки, предоставленные намъ въ моментъ соглашенія. Итакъ не ходите больше въ вашъ кружокъ отъ нашего имени". Разумѣется, при первой возможности я отправился къ рабочимъ выяснить дѣло. Они изумились. „Съ народовольцами мы, правда, разошлись, но съ вами, кажется, у насъ не было разногласій, такъ зачѣмъ же вамъ уходить!" Я былъ уже для нихъ свой, какъ и они для меня, и я остался среди своихъ.

Весной того же года народовольцы выпустили недурной рабочій сборникъ, составленный изъ описанія русскихъ стачекъ и изъ хроники заграничнаго рабочаго движенія. Это было главнымъ образомъ дѣломъ Зотова, такъ рано и безжалостно умерщвленнаго русскимъ правительствомъ въ сырыхъ казематахъ Петропавловской крѣпости и извѣстнаго петербургскимъ рабочимъ подъ именемъ „Николая Ивановича".

21 апрѣля 1894 г. послѣдовалъ грандіозный провалъ „Группы народовольцевъ“ и партіи „Народнаго права“, едва успѣвшей извѣстить особымъ манифестомъ о своемъ выступленіи на арену революціонной борьбы. Рабочихъ въ этомъ провалѣ пролетѣло немного, между ними было и нѣсколько соціалдемократовъ. Не мѣшаетъ здѣсь отмѣтить активныхъ дѣятелей этого провала. Во первыхъ, Кузьма Кузюткинъ (Василій Кузьмичъ Кузьминъ), тотъ самый, на счетъ котораго было большое сомнѣніе у нѣкоторыхъ рабочихъ соціалдемократовъ. Онъ предалъ всѣхъ и выдалъ все до мельчайшихъ подробностей. Потомъ онъ служилъ (а можетъ, и сейчасъ служитъ) на ткацкой фабрикѣ Кожевникова. Во вторыхъ, Штрипанъ (Григорій Штрипманъ), оставшійся еще отъ „Земли и Воли“, бывавшій въ ссылкѣ. Ходили слухи, что не безъ его участія обошлись аресты среди рабочихъ въ 1893 году. Я помню, какъ всѣхъ занимала эта личность, и помню всѣ споры на тему, шпіонъ онъ или нѣтъ? Несмотря на эти подозрѣнія съ нимъ водили знакомство самые выдающіеся изъ рабочихъ, знавшіе его еще со временъ Казанской демонстраціи. Про него говорили, что видѣли, какъ онъ ходилъ въ охранное отдѣленіе за жалованьемъ, тѣмъ не менѣе не рѣшались прервать съ нимъ всякую связь. (Слишкомъ уже сжились съ нимъ, должно быть).

Штрипанъ въ провалѣ народовольцевъ игралъ крупную роль. Мало того. Это онъ развратилъ молодого и симпатичнаго „Козленка“ (Козлова) и сдѣлалъ изъ него провокатора. Съ помощью его онъ въ томъ же году выдалъ Нарву и Сестрорѣцкъ.

Послѣ провала народовольцевъ, среди рабочихъ ясно уже преобладало соціалдемократическое направленіе. Работа стала вестись главнымъ образомъ самими рабочими. Временно я оставался единственнымъ интеллигентомъ за Невской заставой, если не считать одного народовольца, который теперь уже почти не появлялся среди рабочихъ, такъ какъ народовольчество совершенно потеряло для себя почву среди рабочихъ Невской заставы. Оставаясь одинъ, я имѣлъ возможность присмотрѣться къ рабочимъ болѣе внимательно, войти въ болѣе тѣсныя личныя отношенія съ ними, взглянуть на нихъ, какъ они были, лучше понять ихъ общій уровень, ихъ потребности и интересы.

Ш—овъ былъ положительно самый выдающійся изъ всѣхъ рабочихъ, какихъ я когда-либо зналъ. Онъ рѣшилъ употребить всѣ свои силы на то, чтобы поддержать, раз-

вить и направить, какъ слѣдуетъ, рабочее дѣло. Онъ отдавался всецѣло служенію общему дѣлу рабочаго движенія, не упуская изъ виду ни малѣйшей мелочи фабричной жизни. Объединеніе рабочихъ представителей отдѣльныхъ рабочихъ районовъ Петербурга, начавшееся къ осени 95 года (какъ уже было упомянуто), было обязано ему и его товарищамъ. Въ то же время вы могли увидать его и въ университетѣ на защитѣ какой-либо интересной диссертаціи, и въ аудиторіи высшихъ женскихъ курсовъ на публичныхъ лекціяхъ.

Вообще средній уровень многихъ кружковыхъ рабочихъ былъ довольно высокъ. Многіе изъ нихъ были вполнѣ сознательными людьми. Стремленіе къ образованію кружковъ и къ занятіямъ, къ совмѣстному чтенію было явленіемъ очень распространеннымъ среди механическихъ рабочихъ. Лично я знаю примѣры, когда рабочіе, стоявшіе въ сторонѣ отъ революціонеровъ, соединялись вмѣстѣ для выписки газетъ и журналовъ. Всегс чаще выписывали Русскія Вѣдомости, изъ которыхъ съ особеннымъ интересомъ вычитывались корреспонденціи Іоллоса о германскомъ соц.-дем. рабочемъ движеніи. Изъ толстыхъ журналовъ выписывали Русское Богатство. Знаю также случаи подписки на Сѣверный Вѣстникъ. Изъ книжекъ особенной популярностью пользовались изданія Павленкова.

Лѣто 1894 года прошло довольно спокойно въ вербовкѣ рабочихъ для новыхъ кружковъ, которые естественно образовывались около болѣе развитыхъ рабочихъ. Къ лучшей постановкѣ и развитію этого дѣла Ш—въ употребилъ немало усилій. Около него сгруппировались всѣ наличныя силы нашего обширнаго района. Эта-то группа рабочихъ, правда не одинаково развитыхъ, но уже съ опредѣленнымъ рѣзкимъ направленіемъ мѣстной рабочей организаціи, и послужила центромъ для дальнѣйшей группировки силъ. Эта группа рабочихъ скоро стала оказывать вліяніе и на другіе районы, и такимъ путемъ создавалось мало-по-малу объединеніе.

Самое дѣло образованія кружковъ шло такимъ образомъ. Какой-либо изъ наиболѣе активныхъ рабочихъ присматривался къ своимъ товарищамъ по мастерской (дѣло идетъ главнымъ образомъ о механическихъ рабочихъ), старался войти въ близкія сношенія съ наиболѣе симпатичными и наиболѣе на его взглядъ пригодными рабочими. Онъ пускалъ по рукамъ газету съ интересной статьей, или какую нибудь книжку, подчасъ и нелегальную, и такимъ спосо-

бомъ пробовалъ почву. Лѣтомъ рабочіе собирались гдѣ-нибудь на лугу или въ рощѣ, вели общіе разговоры, читали. Иногда устраивались и систематическія чтенія, во время и послѣ которыхъ порой бывали жаркіе споры.

На помощь стоящему во главѣ кружка рабочему приглашали интеллигента, въ большинствѣ случаевъ студента.

Зимой 1894 года работа по организаціи рабочихъ кружковъ и культивированія отдѣльныхъ личностей продолжалась. Но въ ней было замѣтно уже нѣкоторое разочарованіе. Чего то не достаетъ! Но чего? Это стало мало-по-малу выясняться и, какъ мнѣ кажется, два событія помогли выясненію. Это были: „безпорядки" на „Невско-механическомъ заводѣ московскаго товарищества" (бывш. Семянникова) за Невской заставой и стачка въ порту.

Картина „безпорядковъ" на Невско-механическомъ заводѣ до сихъ поръ живо сохранилась въ моей памяти. Подъ самое Рождество (1894 г.) я отправился къ рабочимъ, причемъ сильно запоздалъ, благодаря преслѣдованію сыщиковъ. Проѣхавши нѣкоторое разстояніе на паровой „конкѣ" по Шлиссельбургскому тракту, я вышелъ недалеко отъ дома одного рабочаго. Дома его не засталъ.

— Онъ убѣжалъ на пожаръ, на Семянниковомъ что-то неладно,—сказала мнѣ его хозяйка.

И дѣйствительно, выйдя снова на Шлиссельбургскій проспектъ, я замѣтилъ необычное оживленіе. У воротъ то и дѣло попадались группы рабочихъ, о чемъ то оживленно толковавшихъ. Эти группы попадались все чаще и чаще по мѣрѣ моего приближенія къ Семянниковскому заводу. Мимо меня въ карьеръ, съ шумомъ и гикомъ, пронеслась сотня казаковъ, за ней другая съ повозкой для раненыхъ...

— Ну и всыпятъ же они семянниковцамъ, покажутъ, откуда ноги растутъ...—раздалось ироническое восклицаніе съ тротуаровъ.

Наконецъ, я у завода. Тутъ стояли тысячныя толпы. У ограды завода въ два ряда стояли спѣшившіеся казаки, при ружьяхъ, офицеры были на лошадяхъ... Тутъ же отряды полицейскихъ. Я взлѣзъ на имперьялъ паровой конки (3 вагона), остановленной рабочими при помощи баррикады изъ чухонскихъ саней. Съ имперьяла я хорошо могъ наблюдать зрѣлище... Фабричная контора была разнесена, окна и двери выбиты; огня въ нихъ не виднѣлось, но заводъ былъ еще освѣщенъ. Стекла кое-гдѣ были повышиблены. Главный корпусъ завода былъ оцѣпленъ сотнями казаковъ, жандармовъ и полиціи, а эти, въ свою очередь,

были окружены нѣсколькими тысячами рабочихъ. (На Невско-механическомъ заводѣ работало тогда около 3000, но такъ какъ дѣло происходило около 8 часовъ вечера, то къ толпѣ присоединились только что кончившіе работу фабричные).

Вся исторія разыгралась вотъ изъ-за чего. Было уже 2—3 случая, что рабочимъ не выдавали во-время двухнедѣльной платы. Такой порядокъ грозилъ стать обычнымъ. Наступало Рождество. Уже истекъ срокъ получки, а администрація завода отговаривалась неимѣніемъ денегъ. Денегъ не оказалось и наканунѣ праздника, когда онѣ особенно нужны рабочимъ.

Въ результатѣ разгромъ конторы, битье стеколъ въ фабричныхъ корпусахъ, попытка поджога дома управляющаго—съ одной стороны; окачиваніе рабочихъ изъ пожарныхъ трубъ (это зимой-то!); казаки, жандармы, полиція... Впрочемъ это не все. За удравшими въ городъ страха ради конторщиками была послана полиція. Изловленные и окруженные казаками, „данными для прикрытія", въ трехъ саняхъ конторщики были немедленно доставлены на заводъ. Жандармскіе офицеры въ ту же ночь выдавали рабочимъ давно требуемую получку.

„Бунтъ" кончился побѣдой, и побѣда не прошла незамѣченной. Я долженъ прибавить, что во всей этой исторіи „наши" рабочіе не принимали ровно никакого участія; такъ что даже и при нашихъ россійскихъ порядкахъ отыскивать виновныхъ среди тѣхъ, кто на примѣтѣ у полиціи и заводскихъ „ищеекъ", было невозможно: никто изъ „нашихъ" рабочихъ не пострадалъ въ данномъ случаѣ. Но волненіе, возбужденное „бунтомъ" на Семянниковскомъ заводѣ, тѣмъ не менѣе не прошло безъ слѣда; оно явилось поводомъ едва ли не къ первой попыткѣ соціалдемократовъ оказать воздѣйствіе на болѣе широкій кругъ рабочихъ, о необходимости чего начали уже поговаривать въ это время. На скорую руку была изготовлена агитаціонная брошюрка въ видѣ тетради съ изложеніемъ положенія рабочихъ на Семянниковскомъ заводѣ. Прочитанная на собраніи нѣсколькихъ рабочихъ, она была напечатана съ помощью гектографа и распространена по заводу, хотя и не особенно удачно. Этотъ новый пріемъ соціалдемократовъ, хотя еще пока въ видѣ отдѣльнаго случая, обратилъ на себя вниманіе рабочихъ. Пожилые рабочіе стали живо припоминать аналогичную дѣятельность прежнихъ революціонеровъ, разсказывали о брошюрахъ, листкахъ и о бун-

тахъ, происходившихъ раньше на этомъ заводѣ. Конечно большинство разсказчиковъ все сильно преувеличивали, однако эти разсказы сильно вліяли на подъемъ настроенія среди молодежи и подготовляли почву для болѣе широкаго распространенія нелегальной литературы.

Другая „исторія" (стачка въ порту) произошла на масленицѣ. Въ порту новаго адмиралтейства, равно какъ и въ его отдѣленіи на „Галерномъ островѣ" рабочій день былъ съ 7 утра до 6 часовъ вечера и часъ на обѣдъ. При этомъ давалось 15 минутъ *льготныхъ*, т. е. рабочіе могли приходить въ $7^1/_4$ час. утра и въ $1^1/_4$ час. послѣ обѣда. Въ январѣ 1895 года командиръ порта, знаменитый Верховскій, отнялъ льготу, такъ что на работу пришлось являться въ 7 час. утра и въ 1 ч. дня. Въ понедѣльникъ, 6 января были объявлены еще новыя правила: являться на работу въ $6^1/_2$ час. утра, а время для обѣда было сокращено еще на четверть часа.

Во вторникъ часть рабочихъ пришла на работу по старому. Ихъ не пустили. Ворота были заперты и они принуждены были заплатить штрафъ, какъ не работавшіе часть дня. Запоздавшихъ собралось человѣкъ 100. Рабочіе просили сторожей впустить ихъ, но получили отказъ. Тогда они разломали ворота и вошли въ мастерскія. Тамъ они обратились къ работавшимъ товарищамъ, приглашая бросить работу, что немедленно же и было сдѣлано. Администрація немедленно же призвала отрядъ городовыхъ и околоточныхъ съ приставомъ во главѣ. Послѣдовало обычное: „а! вы бунтовать!" и приличная случаю ругань.

На замѣчаніе со стороны рабочихъ, что они желаютъ не ругаться, а поговорить серьезно о дѣлѣ, приставъ стихъ и сталъ обращаться лишь къ отдѣльнымъ рабочимъ:

— Ты бунтуешь! Чего тебѣ надобно?

На это каждый отвѣчалъ, что „бунтовать" онъ не думаетъ, а *надобно* ему лишь исполненіе условій, договоренныхъ администраціей при наймѣ; что желаетъ онъ работать, какъ и прежде, и не согласенъ на прибавку времени. Кромѣ того, одинъ рабочій, отъ имени товарищей, подробно и толково выяснилъ дѣло и высказалъ всѣ требованія. Сдѣланная попытка его арестовать не удалась, благодаря сопротивленію со стороны всей массы рабочихъ.

Въ часъ дня былъ данъ гудокъ на работу, но онъ возымѣлъ какъ разъ обратное дѣйствіе. На слѣдующій день *та же исторія, но* полицейской ругани уже было не слышно.

Порядокъ среди рабочихъ былъ образцовый. Было очевидно, что кто-то умѣло руководитъ движеніемъ. Рабочіе, стоявшіе до 1 часу передъ мастерскими и требовавшіе уступки, немедленно же разошлись по домамъ, лишь только былъ данъ гудокъ „на работу". Въ среду та же исторія.

Въ четвергъ сама администрація „прекратила" работу до конца недѣли подъ предлогомъ „наступленія масленицы", а въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ поста рабочіе пошли на работу при старыхъ условіяхъ. Побѣда была одержана, притомъ на казенномъ заводѣ. Кое-кто изъ заводской администраціи получилъ нагоняй за *сочувствіе* къ рабочимъ и за *вмѣшательство въ не свое дѣло*.

Вотъ два, не лишенныхъ важности, событія зимы 94—95 гг. Третьимъ событіемъ была забастовка на бумагопрядильнѣ Воронина.

Среди кружковыхъ рабочихъ наступаетъ пора новыхъ вѣяній. Совершался переломъ. Все сильнѣе и сильнѣе укрѣпляется мысль, что дѣйствительно сознательный рабочій долженъ ближе стоять къ окружающей жизни, долженъ активнѣе относиться къ нуждамъ и требованіямъ массы рабочихъ и къ повседневнымъ нарушеніямъ всякихъ человѣческихъ правъ; что сознательный рабочій долженъ участвовать въ этой окружающей жизни, а не сторониться отъ нея, какъ онъ дѣлалъ до сихъ поръ. Но какъ участвовать? Что дѣлать? На это не получалось еще вполнѣ опредѣленнаго отвѣта.

Весною 1895 года оттѣнки новаго направленія становятся гуще. Раздается уже довольно рѣзкій протестъ противъ прежняго способа веденія дѣла, протестъ противъ безучастія, индиферентизма къ частнымъ случаямъ жизни окружающей массы рабочихъ. Начинается явное неудовлетвореніе „кружковщиной" и „саморазвитіемъ". Является жажда новой, плодотворной работы. Очевидно, наступилъ переходъ къ новому—агитаціонному—періоду.

Глава II.

Начало агитаціоннаго періода.

Весной и въ началѣ лѣта 1895 года уже громко раздается протестъ: „Довольно кружковщины!“, „У насъ есть достаточное количество личностей, можно и пора перейти къ агитаціи!“ Послѣ годичнаго мира опять начались пререканія.

— Къ чорту кружки! Они создаютъ лишь умственныхъ эпикурейцевъ. Нужно взамѣнъ ихъ собирать маленькія собранія изъ рабочихъ отъ разныхъ мастерскихъ даннаго завода, а также представителей отъ сосѣднихъ фабрикъ. На этихъ собраніяхъ нужно выяснять и обсуждать свое положеніе, записывать о положеніи дѣлъ тамъ и здѣсь, собирать матеріалы... Надо, по примѣру поляковъ, возможно шире распространять литературу, прямо раскидывая ее по мастерскимъ.—Такъ говорили одни, поддерживаемые соціалдемократами интеллигентами, впослѣдствіи положившими начало „Петербургскому Союзу Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса“.

Другіе же продолжали держаться кружковъ. Споры продолжались все лѣто и затянулись до осени. Споры велись и среди интеллигенціи, работавшей среди рабочихъ. Наконецъ, осенью 1895 года большинство пришло къ такому соглашенію: кружки можно сохранить, но тактику слѣдуетъ измѣнить сообразно назрѣвшимъ потребностямъ времени. Надо начать агитацію, собирая рабочихъ съ сосѣднихъ фабрикъ, а также устраивая собранія представителей разныхъ рабочихъ районовъ. Надо на этихъ собраніяхъ обсуждать общее и частное положеніе рабочаго дѣла. Надо разбрасывать литературу въ возможно большемъ количествѣ. Кружки остаются, но значеніе ихъ измѣняется. Весь смыслъ ихъ отнынѣ—служить школой для подготовки *сознательныхъ* и образованныхъ агитаторовъ. Внѣ этой *задачи, кружки* не имѣютъ значенія. Для агитаціи необхо-

димы агитаторы, для выработки послѣднихъ—кружки. Значитъ кружки должны служить цѣлямъ агитаціи.

Дѣло на Торнтоновской фабрикѣ было первымъ поводомъ къ формулированію и примѣненію новой тактики, и опытъ оказался удачнымъ. Но прежде, чѣмъ продолжать свой разсказъ, я упомяну въ немногихъ словахъ о тѣхъ организаціяхъ и группахъ, которыя работали среди рабочихъ и отчасти соперничали между собою. Во главѣ всѣхъ и по талантамъ, и по числу, и по вліянію среди рабочихъ, надо поставить группу такъ называемыхъ „стариковъ", или „старыхъ соціалдемократовъ", или „литераторовъ" по терминологіи другихъ, изъ которой развился „Петербургскій Союзъ Борьбы". Она то и была главной сторонницей новой тактики. Затѣмъ на ряду съ ней существовала другая соціалдемократическая группа „молодыхъ", къ которой, къ несчастію, принадлежалъ извѣстный своимъ предательствомъ зубной врачъ Михайловъ. Обѣ эти группы имѣли сношенія съ рабочими многихъ районовъ. Была небольшая группа, работавшая только за Невской заставой, затѣмъ смѣшанная группа интеллигентовъ различныхъ оттѣнковъ, ограничивавшаяся лишь кружковыми занятіями съ рабочими и не задававшаяся никакими организаціонными цѣлями. Наконецъ, типографская группа народовольцевъ, имѣвшая въ своей средѣ нѣсколько очень видныхъ по своему развитію рабочихъ, но сосредоточившая свои силы главнымъ образомъ на изданіи хорошей рабочей литературы, чѣмъ облегчалось дѣло пропаганды и агитаціи соціалдемократическихъ группъ.

Рабочіе, входившіе въ составъ рабочихъ кружковъ, организованныхъ Ш—вымъ и его товарищами, составляли, какъ было выше упомянуто, особую группу. Эта группа рабочихъ Невской заставы имѣла связи съ только что перечисленными группами соціалдемократовъ. Однако въ своемъ образѣ дѣйствій она была въ значительной степени самостоятельна, находясь подъ вліяніемъ Ш—ва. Онъ былъ ея единственнымъ вождемъ.

Кромѣ этой соціалдемократической группы рабочихъ Невской заставы, въ это время существовала еще особая группа независимыхъ рабочихъ, „дикихъ". Это не было принятымъ ими названіемъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ *такъ* себя называли. Но названіе отвѣчаетъ сущности дѣла, потому я прилагаю его къ нимъ для отличія отъ всѣхъ остальныхъ. „Независимые" организовали свои собственные кружки, которые занимались саморазвитіемъ. Инте-

лигенцію они не подпускали къ себѣ, какъ говорится, на пушечный выстрѣлъ. Они сторонились даже сношеній съ нею, а подчасъ даже и съ другими кружковыми рабочими, имѣвшими связи съ интеллигенціей. Впрочемъ, съ Ш—мъ и еще кой съ кѣмъ имѣлись кой какія сношенія, основанныя скорѣе на личныхъ связяхъ. Во главѣ этого направленія „дикихъ“ стояла довольно характерная и своеобразная личность рабочаго, очень развитаго, но осторожнаго до крайности.

Возвращаюсь къ своему разсказу о торнтоновскомъ дѣлѣ. Положеніе торнтоновскихъ рабочихъ въ описываемое время было по истинѣ кабальное. Гнетъ былъ тѣмъ сильнѣе, что фабрика стоитъ совершенно изолированно на правомъ берегу Невы, какъ разъ противъ многочисленныхъ фабрикъ и заводовъ многолюднаго района, расположеннаго на лѣвомъ берегу. Рабочіе обязаны жить при фабрикѣ въ скверно устроенномъ корпусѣ. Какъ отдѣльныя каморки, такъ и общія казармы (для мужчинъ, для женщинъ и парныя) биткомъ набиты: воздухъ оставляетъ желать много лучшаго. Лавочка фабричная, слѣдовательно, со всѣми „прелестями“. Рабочій день въ то время былъ очень продолжительный. Господствовала особая искусная система штрафовъ. Рабочіе могли отлучаться отъ завода, даже въ праздники, не позже, какъ до 11 часовъ вечера. Иначе запоздавшимъ оставалось хоть ночевать на открытомъ воздухѣ, если сторожъ не захочетъ сдѣлать „одолженіе“.

Въ описываемое время прижимки и надувательства фабричной администраціи перешли всякіе предѣлы. Благодаря заминкѣ въ сбытѣ, придирались къ самымъ пустячнымъ поводамъ, чтобы расчитывать рабочихъ. Расцѣнки на товары понижались самымъ наглымъ образомъ. Напримѣръ, ткался „биберъ“—ткань опредѣленнаго качества и длины, скажемъ, 56 арш. Плата съ куска давалась 4 р. 32 к. Черезъ нѣсколько времени администрація фабрики объявляла, что на „биберъ“ мода прошла. Требуется, молъ, „уралъ“, а цѣна съ каждаго куска будетъ 4 р. 14 к. Рабочіе соглашались работать. Что же оказывалось?—*Новая* ткань была въ сущности тѣмъ же „биберомъ“, только длина куска увеличивалась аршина на 4—6! Въ результатѣ проценты для хозяевъ получались во истину восхитительные. Господамъ Торнтонамъ было тѣмъ легче практиковать всякія надувательства, что рабочіе были очень не*развиты и забиты*, а „казарма“ и „лавочка“ держали ихъ *въ тискахъ*.

Но мало-по-малу у развитыхъ и организованныхъ рабочихъ изъ-за Невской заставы завязались съ торнтоновами сношенія. Нѣкоторые изъ первыхъ прямо приходили ъ казармы къ Торнтону и спеціально бесѣдовали кое съ ѣмъ изъ тамошнихъ рабочихъ. Благодаря опросамъ, удаось завязать знакомство и заполучить многія цѣнныя вѣдѣнія. На одномъ изъ рабочихъ собраній представитеемъ отъ наиболѣе вліятельной соціалдемократической руппы интеллигентовъ были окончательно собраны всѣ еобходимыя свѣдѣнія о Торнтонѣ. На этомъ собраніи ылъ также окончательно выясненъ и рѣшенъ общій обазъ дѣйствій и отношеніе къ кружкамъ. Послѣ горячаго пора представителей группы рабочихъ района Невской аставы съ представителемъ отъ группы интеллигентовъ, старыхъ соціалдемократовъ", иначе „литераторовъ", было ѣшено начать примѣнять новую тактику массовой агитаіи на основаніи насущныхъ потребностей рабочихъ той ли иной фабрики. Агитація должна была вестись путемъ ечатанія и разбрасыванья по фабрикамъ листковъ съ зложеніемъ положенія рабочихъ той или иной фабрики и ъ ихъ требованіями опредѣленныхъ перемѣнъ.

Листки съ изложеніемъ положенія дѣлъ и требованій орнтоновскихъ рабочихъ были разбросаны по мастерскимъ корпусамъ фабрики и произвели огромное впечатлѣніе а рабочихъ. 5-го ноября забастовало 500 ткачей. Прибывлій въ тотъ же день фабричный инспекторъ пытался убѣдить" рабочихъ, но они стояли на своемъ. Наконецъ, імъ была сдѣлана маленькая уступка, и 8 ноября они нова принялись за работу. Рабочіе успокоились на время, ю полиція рвала и метала въ поискахъ „подстрекателей". Однако на этотъ разъ „виновныхъ" не нашли, хотя было арестовано нѣсколько человѣкъ. Но ихъ выпустили за неостаткомъ уликъ. Почти одновременно съ этими арестами ылъ выпущенъ новый листокъ, который можетъ служить орошимъ образчикомъ немногихъ листковъ, изданныхъ до ерваго провала группою „старыхъ соціалдемократовъ", реди руководителей которыхъ были и будущіе основатели руппы и газеты „Искра". Привожу этотъ листокъ.

Рабочіе и работницы фабрики Торнтона!

6-ое и 7-ое ноября должны быть для всѣхъ насъ памятными ни. Ткачи своимъ дружнымъ отпоромъ хозяйской прижимкѣ доали, что въ *нашей средѣ* въ трудную минуту еще находятся *ди, умѣющіе постоять за наши* общіе рабочіе интересы, что еще

не удалось нашимъ добродѣтельнымъ хозяевамъ превратить насъ окончательно въ жалкихъ рабовъ ихъ бездоннаго кошелька. Будемте-же, товарищи, стойко и неуклонно вести нашу линію до конца. будемъ помнить, что улучшить свое положеніе мы можемъ только общими дружными усиліями. Прежде всего, товарищи, не попадайтесь въ ловушку, которую вамъ подстроили гг. Торнтоны. Они разсуждаютъ такимъ образомъ: «теперь время заминки въ сбытѣ товаровъ, такъ что при прежнихъ условіяхъ работы на фабрикѣ не получить намъ нашего прежняго барыша... А на меньшій мы не согласны... Стало быть, надо будетъ поналечь на рабочію братію, пусть-ка они своими боками поэтдуваются за плохія цѣны на рынкѣ... Только дѣльце это надо обстроить не кое-какъ, а съ умѣньемъ, чтобы рабочій по своей простотѣ и не понялъ, какую закуску мы ему подготавливаемъ... Затронь всѣхъ сразу, — сразу всѣ и поднимутся, ничего съ ними не подѣлаешь, а вотъ мы сначала объегоримъ бѣдняковъ-ткачишекъ, тогда и прочіе не увернутся... Стѣсняться съ этими людишками мы не привыкли, да и къ чему? У насъ новыя метлы чище метутъ...» Итакъ, заботливые о благахъ рабочихъ хозяева потихоньку да полегоньку хотятъ приготовить для рабочихъ всѣхъ отдѣленій фабрики такое же будущее, которое они уже осуществили для ткачей... Поэтому, если мы всѣ останемся безучастны къ судьбѣ нашего ткацкаго отдѣленія, то мы выроемъ своими собственными руками яму, въ которую въ скоромъ времени швырнутъ и насъ. Ткачи зарабатывали въ послѣднее время, почитай что на кругъ, по 3 р. 50 к. въ полумѣсяцъ, въ теченіе этого же времени они ухищрялись жить семьями въ 7 человѣкъ на 5 р., семьей же изъ мужа, жены и ребенка—всего на 2 р. Они поспустили послѣднюю одежонку, прожили послѣдніе гроши, пріобрѣтенные адскимъ трудомъ въ ту пору, когда благодѣтели Торнтоны наращивали милліоны на свои милліоны. Но и этого всего было мало, и на ихъ глазахъ выкидывались за ворота все новыя и новыя жертвы хозяйскаго корыстолюбія, а прижимка росла своимъ чередомъ съ самой безсердечной жестокостью... Въ шерсть стали валить безъ всякихъ оговорокъ поллеса и кнопа, отчего страшно замедлялась выработка товара, проволочки на полученіе основы, будто ненарокомъ, увеличились, наконецъ, стали прямо сбавлять рабочіе часы, а теперь вводятъ куски изъ 5 шпицъ вмѣсто 9, чтобы ткачъ почаще возился съ хлопотами по полученію и заправкѣ основъ, за которыя, какъ извѣстно, онъ не получаетъ ни гроша. Изморомъ хотятъ извести ткачей и заработокъ къ 1 р. 62 к. въ полумѣсяцъ, который уже сталъ появляться въ разсчетныхъ книжкахъ нѣкоторыхъ ткачей, можетъ стать въ скоромъ времени общимъ заработкомъ ткацкаго отдѣленія. — Товарищи, хотите-ли и вы дождаться такой хозяйской ласки? А если нѣтъ, если еще, наконецъ, не со-

всѣмъ окаменѣли ваши сердца такихъ же, какъ и мы, бѣдняковъ, сплотимтесь дружно около нашихъ ткачей, выставимъ наши общія требованія и при каждомъ удобномъ случаѣ станемъ отвоевывать себѣ лучшую долю у нашихъ угнетателей. Рабочіе прядильнаго отдѣленія, не самообольщайтесь устойчивостью и нѣкоторымъ повышеніемъ вашего заработка... Вѣдь почти ⅔ вашего брата уже разсчитаны съ фабрики, и вашъ лучшій заработокъ купленъ цѣною голода выкинутыхъ за ворота вашихъ же прядильщиковъ. Это опять-таки хитрая уловка хозяевъ и понять ее не трудно, если только подсчитать, сколько вырабатывало все льнопрядильное отдѣленіе прежде и сколько оно вырабатываетъ теперь.—Рабочіе новой красильни! Вы вырабатываете цѣной 14 съ 11 ч. ежедневнаго труда, пронизываемые съ ногъ до головы убійственными испареніями красокъ, уже и теперь 12 р. въ мѣсяцъ. Обратите вниманіе на наши требованія: мы хотимъ положить конецъ и тѣмъ незаконнымъ вычетамъ, которые производятся съ васъ за неумѣлость вашего мастера.—Чернорабочіе и вообще всѣ неспеціальные рабочіе фабрики, неужели вы надѣетесь удержать свои 60—80 к. поденныхъ, когда спеціалисту-ткачу придется довольствоваться 20 к. въ сутки?—Товарищи, не будьте слѣпыми, не попадайте въ хозяйскую ловушку, крѣпче стойте другъ за друга, иначе всѣмъ намъ плохо придется въ эту симу. Самымъ зоркимъ образомъ должны мы всѣ слѣдить за маневрами нашихъ хозяевъ по части пониженія расцѣнокъ и сопротивляться всѣми силами этому гибельному для насъ стремленію... Будьте глухи ко всѣмъ ихъ отговоркамъ о плохихъ дѣлахъ: для нихъ это только меньшая прибыль на ихъ капиталъ, для насъ—это голодныя страданія нашихъ семей, лишеніе послѣдняго куска черстваго хлѣба, а развѣ можно положить то и другое на одни и тѣ же вѣсы? Теперь жмутъ въ первую голову ткачей, мы должны добиваться:

1) повышенія ткацкихъ расцѣнокъ до ихъ весенней величины, т. е. приблизительно на 6 коп. на шпицъ;

2) чтобы исполняли и для ткачей законъ о томъ, что рабочему должна быть передъ началомъ работы объявлена величина того заработка, на который онъ идетъ. Пусть табель, подписанная фабричнымъ инспекторомъ, не будетъ только на бумагѣ, но и на дѣлѣ, какъ того требуетъ законъ. Для ткацкой, напримѣръ, работы должны быть къ существующей расцѣнкѣ добавлены указанія о качествѣ шерсти, количествѣ въ ней поллеса и кнопа, должно быть просчитано время, идущее на подготовительную работу;

3) рабочее время должно быть распредѣлено такъ, чтобы съ нашей стороны не являлось невольныхъ прогуловъ; теперь, напримѣръ, подстроили *такъ, что ткачъ* на каждомъ кускѣ теряетъ день *на полученіе основы, а такъ* какъ кусокъ станетъ меньше почти

бомъ пробовалъ почву. Лѣтомъ рабочіе собирались гдѣ-н будь на лугу или въ рощѣ, вели общіе разговоры, чита Иногда устраивались и систематическія чтенія, во вре и послѣ которыхъ порой бывали жаркіе споры.

На помощь стоящему во главѣ кружка рабочему пр глашали интеллигента, въ большинствѣ случаевъ студен

Зимой 1894 года работа по организаціи рабочихъ кру ковъ и культивированія отдѣльныхъ личностей продолж лась. Но въ ней было замѣтно уже нѣкоторое разочаро ніе. Чего то не достаетъ! Но чего? Это стало мало-по-ма выясняться и, какъ мнѣ кажется, два событія помогли вы ненію. Это были: „безпорядки“ на „Невско-механическо заводѣ московскаго товарищества“ (бывш. Семянникоі за Невской заставой и стачка въ порту.

Картина „безпорядковъ“ на Невско-механическомъ водѣ до сихъ поръ живо сохранилась въ моей памяти. По самое Рождество (1894 г.) я отправился къ рабочимъ, пр чемъ сильно запоздалъ, благодаря преслѣдованію сыщикоі Проѣхавши нѣкоторое разстояніе на паровой „конкѣ“ Шлиссельбургскому тракту, я вышелъ недалеко отъ до одного рабочаго. Дома его не засталъ.

— Онъ убѣжалъ на пожаръ, на Семянниковомъ что-неладно,—сказала мнѣ его хозяйка.

И дѣйствительно, выйдя снова на Шлиссельбургс проспектъ, я замѣтилъ необычное оживленіе. У воротъ и дѣло попадались группы рабочихъ, о чемъ то оживлен толковавшихъ. Эти группы попадались все чаще и ча по мѣрѣ моего приближенія къ Семянниковскому заво. Мимо меня въ карьеръ, съ шумомъ и гикомъ, пронесла сотня казаковъ, за ней другая съ повозкой для раненыхт

— Ну и всыпятъ же они семянниковцамъ, покажут откуда ноги растутъ...—раздалось ироническое восклица съ тротуаровъ.

Наконецъ, я у завода. Тутъ стояли тысячныя толп У ограды завода въ два ряда стояли спѣшившіеся каза при ружьяхъ, офицеры были на лошадяхъ... Тутъ же с ряды полицейскихъ. Я взлѣзъ на имперьялъ паровой кон (3 вагона), остановленной рабочими при помощи баррика изъ чухонскихъ саней. Съ имперьяла я хорошо могъ н блюдать зрѣлище... Фабричная контора была разнесен окна и двери выбиты; огня въ нихъ не виднѣлось, но з водъ былъ еще освѣщенъ. Стекла кое-гдѣ были повыши лены. Главный корпусъ завода былъ оцѣпленъ сотня казаковъ, жандармовъ и полиціи, а эти, въ свою очере

были окружены нѣсколькими тысячами рабочихъ. (На Невско-механическомъ заводѣ работало тогда около 3000, но такъ какъ дѣло происходило около 8 часовъ вечера, то къ толпѣ присоединились только что кончившіе работу фабричные).

Вся исторія разыгралась вотъ изъ-за чего. Было уже 2—3 случая, что рабочимъ не выдавали во-время двухнедѣльной платы. Такой порядокъ грозилъ стать обычнымъ. Наступало Рождество. Уже истекъ срокъ получки, а администрація завода отговаривалась неимѣніемъ денегъ. Денегъ не оказалось и наканунѣ праздника, когда онѣ особенно нужны рабочимъ.

Въ результатѣ разгромъ конторы, битье стеколъ въ фабричныхъ корпусахъ, попытка поджога дома управляющаго—съ одной стороны; окачиваніе рабочихъ изъ пожарныхъ трубъ (это зимой-то!); казаки, жандармы, полиція... Впрочемъ это не все. За удравшими въ городъ страха ради конторщиками была послана полиція. Изловленные и окруженные казаками, „данными для прикрытія", въ трехъ саняхъ конторщики были немедленно доставлены на заводъ. Жандармскіе офицеры въ ту же ночь выдавали рабочимъ давно требуемую получку.

„Бунтъ" кончился побѣдой, и побѣда не прошла незамѣченной. Я долженъ прибавить, что во всей этой исторіи „наши" рабочіе не принимали ровно никакого участія; такъ что даже и при нашихъ россійскихъ порядкахъ отыскивать виновныхъ среди тѣхъ, кто на примѣтѣ у полиціи и заводскихъ „ищеекъ", было невозможно: никто изъ „нашихъ" рабочихъ не пострадалъ въ данномъ случаѣ. Но волненіе, возбужденное „бунтомъ" на Семянниковскомъ заводѣ, тѣмъ не менѣе не прошло безъ слѣда; оно явилось поводомъ едва ли не къ первой попыткѣ соціалдемократовъ оказать воздѣйствіе на болѣе широкій кругъ рабочихъ, о необходимости чего начали уже поговаривать въ это время. На скорую руку была изготовлена агитаціонная брошюрка въ видѣ тетради съ изложеніемъ положенія рабочихъ на Семянниковскомъ заводѣ. Прочитанная на собраніи нѣсколькихъ рабочихъ, она была напечатана съ помощью гектографа и распространена по заводу, хотя и не особенно удачно. Этотъ новый пріемъ соціалдемократовъ, хотя еще пока въ видѣ отдѣльнаго случая, обратилъ на себя вниманіе рабочихъ. Пожилые рабочіе стали живо припоминать аналогичную дѣятельность прежнихъ революціонеровъ, разсказывали о брошюрахъ, листкахъ и о бун-

тахъ, происходившихъ раньше на этомъ заводѣ. Конечно, большинство разсказчиковъ все сильно преувеличивали, однако эти разсказы сильно вліяли на подъемъ настроенія среди молодежи и подготовляли почву для болѣе широкаго распространенія нелегальной литературы.

Другая „исторія“ (стачка въ порту) произошла на масленицѣ. Въ порту новаго адмиралтейства, равно какъ и въ его отдѣленіи на „Галерномъ островѣ“ рабочій день былъ съ 7 утра до 6 часовъ вечера и часъ на обѣдъ. При этомъ давалось 15 минутъ *льготныхъ*. т. е. рабочіе могли приходить въ $7^1/_4$ час. утра и въ $1^1/_4$ час. послѣ обѣда. Въ январѣ 1895 года командиръ порта, знаменитый Верховскій, отнялъ льготу, такъ что на работу пришлось являться въ 7 час. утра и въ 1 ч. дня. Въ понедѣльникъ, 6 января были объявлены еще новыя правила: являться на работу въ $6^1/_2$ час. утра, а время для обѣда было сокращено еще на четверть часа.

Во вторникъ часть рабочихъ пришла на работу по старому. Ихъ не пустили. Ворота были заперты и они принуждены были заплатить штрафъ, какъ не работавшіе часть дня. Запоздавшихъ собралось человѣкъ 100. Рабочіе просили сторожей впустить ихъ, но получили отказъ. Тогда они разломали ворота и вошли въ мастерскія. Тамъ они обратились къ работавшимъ товарищамъ, приглашая бросить работу, что немедленно же и было сдѣлано. Администрація немедленно же призвала отрядъ городовыхъ и околоточныхъ съ приставомъ во главѣ. Послѣдовало обычное: „а! вы бунтовать!“ и приличная случаю ругань.

На замѣчаніе со стороны рабочихъ, что они желаютъ не ругаться, а поговорить серьезно о дѣлѣ, приставъ стихъ и сталъ обращаться лишь къ отдѣльнымъ рабочимъ:

— Ты бунтуешь! Чего тебѣ надобно?

На это каждый отвѣчалъ, что „бунтовать“ онъ не думаетъ, а *надобно* ему лишь исполненіе условій, договоренныхъ администраціей при наймѣ; что желаетъ онъ работать, какъ и прежде, и не согласенъ на прибавку времени. Кромѣ того, одинъ рабочій, отъ имени товарищей, подробно и толково выяснилъ дѣло и высказалъ всѣ требованія. Сдѣланная попытка его арестовать не удалась, благодаря сопротивленію со стороны всей массы рабочихъ.

Въ часъ дня былъ данъ гудокъ на работу, но онъ возымѣлъ *какъ разъ* обратное дѣйствіе. На слѣдующій день *та же исторія, но* полицейской ругани уже было не слышно.

Порядокъ среди рабочихъ былъ образцовый. Было очевидно, что кто-то умѣло руководитъ движеніемъ. Рабочіе, стоявшіе до 1 часу передъ мастерскими и требовавшіе уступки, немедленно же разошлись по домамъ, лишь только былъ данъ гудокъ „на работу". Въ среду та же исторія.

Въ четвергъ сама администрація „прекратила" работу до конца недѣли подъ предлогомъ „наступленія масленицы", а въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ поста рабочіе пошли на работу при старыхъ условіяхъ. Побѣда была одержана, притомъ на казенномъ заводѣ. Кое-кто изъ заводской администраціи получилъ нагоняй за *сочувствіе* къ рабочимъ и за *вмѣшательство въ не свое дѣло*.

Вотъ два, не лишенныхъ важности, событія зимы 94—95 гг. Третьимъ событіемъ была забастовка на бумагопрядильнѣ Воронина.

Среди кружковыхъ рабочихъ наступаетъ пора новыхъ вѣяній. Совершался переломъ. Все сильнѣе и сильнѣе укрѣпляется мысль, что дѣйствительно сознательный рабочій долженъ ближе стоять къ окружающей жизни, долженъ активнѣе относиться къ нуждамъ и требованіямъ массы рабочихъ и къ повседневнымъ нарушеніямъ всякихъ человѣческихъ правъ; что сознательный рабочій долженъ участвовать въ этой окружающей жизни, а не сторониться отъ нея, какъ онъ дѣлалъ до сихъ поръ. Но какъ участвовать? Что дѣлать? На это не получалось еще вполнѣ опредѣленнаго отвѣта.

Весною 1895 года оттѣнки новаго направленія становятся гуще. Раздается уже довольно рѣзкій протестъ противъ прежняго способа веденія дѣла, протестъ противъ безучастія, индиферентизма къ частнымъ случаямъ жизни окружающей массы рабочихъ. Начинается явное неудовлетвореніе „кружковщиной" и „саморазвитіемъ". Является жажда новой, плодотворной работы. Очевидно, наступилъ переходъ къ новому—агитаціонному—періоду.

Глава II.

Начало агитаціоннаго періода.

Весной и въ началѣ лѣта 1895 года уже громко ра дается протестъ: „Довольно кружковщины!“, „У насъ ест достаточное количество личностей, можно и пора перейт къ агитаціи!“ Послѣ годичнаго мира опять начались пре реканія.

— Къ чорту кружки! Они создаютъ лишь умственных эпикурейцевъ. Нужно взамѣнъ ихъ собирать маленькія со бранія изъ рабочихъ отъ разныхъ мастерскихъ даннаг завода, а также представителей отъ сосѣднихъ фабрик На этихъ собраніяхъ нужно выяснять и обсуждать сво положеніе, записывать о положеніи дѣлъ тамъ и здѣс собирать матеріалы... Надо, по примѣру поляковъ, во можно шире распространять литературу, прямо раскидь вая ее по мастерскимъ.—Такъ говорили одни, поддержи ваемые соціалдемократами интеллигентами, впослѣдстві положившими начало „Петербургскому Союзу Борьбы з Освобожденіе Рабочаго Класса“.

Другіе же продолжали держаться кружковъ. Спор продолжались все лѣто и затянулись до осени. Споры ве лись и среди интеллигенціи, работавшей среди рабочихт Наконецъ, осенью 1895 года большинство пришло къ та кому соглашенію: кружки можно сохранить, но тактик слѣдуетъ измѣнить сообразно назрѣвшимъ потребностям времени. Надо начать агитацію, собирая рабочихъ съ со сѣднихъ фабрикъ, а также устраивая собранія представи телей разныхъ рабочихъ районовъ. Надо на этихъ собра ніяхъ обсуждать общее и частное положеніе рабочаго дѣла Надо разбрасывать литературу въ возможно большемъ ко личествѣ. Кружки остаются, но значеніе ихъ измѣняется Весь смыслъ ихъ отнынѣ—служить школой для подготовк *сознательныхъ* и образованныхъ агитаторовъ. Внѣ это *задачи, кружки* не имѣютъ значенія. Для агитаціи необхо

димы агитаторы, для выработки послѣднихъ—кружки. Значитъ кружки должны служить цѣлямъ агитаціи.

Дѣло на Торнтоновской фабрикѣ было первымъ поводомъ къ формулированію и примѣненію новой тактики, и опытъ оказался удачнымъ. Но прежде, чѣмъ продолжать свой разсказъ, я упомяну въ немногихъ словахъ о тѣхъ организаціяхъ и группахъ, которыя работали среди рабочихъ и отчасти соперничали между собою. Во главѣ всѣхъ и по талантамъ, и по числу, и по вліянію среди рабочихъ, надо поставить группу такъ называемыхъ „стариковъ", или „старыхъ соціалдемократовъ", или „литераторовъ" по терминологіи другихъ, изъ которой развился „Петербургскій Союзъ Борьбы". Она то и была главной сторонницей новой тактики. Затѣмъ на ряду съ ней существовала другая соціалдемократическая группа „молодыхъ", къ которой, къ несчастію, принадлежалъ извѣстный своимъ предательствомъ зубной врачъ Михайловъ. Обѣ эти группы имѣли сношенія съ рабочими многихъ районовъ. Была небольшая группа, работавшая только за Невской заставой, затѣмъ смѣшанная группа интеллигентовъ различныхъ оттѣнковъ, ограничивавшаяся лишь кружковыми занятіями съ рабочими и не задававшаяся никакими организаціонными цѣлями. Наконецъ, типографская группа народовольцевъ, имѣвшая въ своей средѣ нѣсколько очень видныхъ по своему развитію рабочихъ, но сосредоточившая свои силы главнымъ образомъ на изданіи хорошей рабочей литературы, чѣмъ облегчалось дѣло пропаганды и агитаціи соціалдемократическихъ группъ.

Рабочіе, входившіе въ составъ рабочихъ кружковъ, организованныхъ Ш—вымъ и его товарищами, составляли, какъ было выше упомянуто, особую группу. Эта группа рабочихъ Невской заставы имѣла связи съ только что перечисленными группами соціалдемократовъ. Однако въ своемъ образѣ дѣйствій она была въ значительной степени самостоятельна, находясь подъ вліяніемъ Ш—ва. Онъ былъ ея единственнымъ вождемъ.

Кромѣ этой соціалдемократической группы рабочихъ Невской заставы, въ это время существовала еще особая группа независимыхъ рабочихъ, „дикихъ". Это не было принятымъ ими названіемъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ *такъ* себя называли. Но названіе отвѣчаетъ сущности дѣла, потому я прилагаю его къ нимъ для отличія отъ всѣхъ остальныхъ. „Независимые" организовали свои собственные *кружки, которые* занимались саморазвитіемъ. Интел-

лигенцію они не подпускали къ себѣ, какъ говорится, на пушечный выстрѣлъ. Они сторонились даже сношеній съ нею, а подчасъ даже и съ другими кружковыми рабочими, имѣвшими связи съ интеллигенціей. Впрочемъ, съ Ш—мъ и еще кой съ кѣмъ имѣлись кой какія сношенія, основанныя скорѣе на личныхъ связяхъ. Во главѣ этого направленія „дикихъ“ стояла довольно характерная и своеобразная личность рабочаго, очень развитаго, но осторожнаго до крайности.

Возвращаюсь къ своему разсказу о торнтоновскомъ дѣлѣ. Положеніе торнтоновскихъ рабочихъ въ описываемое время было по истинѣ кабальное. Гнетъ былъ тѣмъ сильнѣе, что фабрика стоитъ совершенно изолированно на правомъ берегу Невы, какъ разъ противъ многочисленныхъ фабрикъ и заводовъ многолюднаго района, расположеннаго на лѣвомъ берегу. Рабочіе обязаны жить при фабрикѣ въ скверно устроенномъ корпусѣ. Какъ отдѣльныя каморки, такъ и общія казармы (для мужчинъ, для женщинъ и парныя) биткомъ набиты: воздухъ оставляетъ желать много лучшаго. Лавочка фабричная, слѣдовательно, со всѣми „прелестями“. Рабочій день въ то время былъ очень продолжительный. Господствовала особая искусная система штрафовъ. Рабочіе могли отлучаться отъ завода, даже въ праздники, не позже, какъ до 11 часовъ вечера. Иначе запоздавшимъ оставалось хоть ночевать на открытомъ воздухѣ, если сторожъ не захочетъ сдѣлать „одолженіе“.

Въ описываемое время прижимки и надувательства фабричной администраціи перешли всякіе предѣлы. Благодаря заминкѣ въ сбытѣ, придирались къ самымъ пустячнымъ поводамъ, чтобы расчитывать рабочихъ. Расцѣнки на товары понижались самымъ наглымъ образомъ. Напримѣръ, ткался „биберъ“—ткань опредѣленнаго качества и длины, скажемъ, 56 арш. Плата съ куска давалась 4 р. 32 к. Черезъ нѣсколько времени администрація фабрики объявляла, что на „биберъ“ мода прошла. Требуется, молъ, „уралъ“, а цѣна съ каждаго куска будетъ 4 р. 14 к. Рабочіе соглашались работать. Что же оказывалось?—*Новая* ткань была въ сущности тѣмъ же „биберомъ“, только длина куска увеличивалась аршина на 4—6! Въ результатѣ проценты для хозяевъ получались во истину восхитительные. Господамъ Торнтонамъ было тѣмъ легче практиковать всякія надувательства, что рабочіе были очень не*развиты* и забиты, а „казарма“ и „лавочка“ держали ихъ *въ тискахъ*.

Іо мало-по-малу у развитыхъ и организованныхъ ра-
хъ изъ-за Невской заставы завязались съ торнтонов-
: сношенія. Нѣкоторые изъ первыхъ прямо приходили
азармы къ Торнтону и спеціально бесѣдовали кое съ
› изъ тамошнихъ рабочихъ. Благодаря опросамъ, уда-
завязать знакомство и заполучить многія цѣнныя
ѣнія. На одномъ изъ рабочихъ собраній представите-
› отъ наиболѣе вліятельной соціалдемократической
пы интеллигентовъ были окончательно собраны всѣ
ходимыя свѣдѣнія о Торнтонѣ. На этомъ собраніи
› также окончательно выясненъ и рѣшенъ общій об-
дѣйствій и отношеніе къ кружкамъ. Послѣ горячаго
а представителей группы рабочихъ района Невской
ıвы съ представителемъ отъ группы интеллигентовъ,
ɔыхъ соціалдемократовъ", иначе „литераторовъ", было
ɜно начать примѣнять новую тактику массовой агита-
ıа основаніи насущныхъ потребностей рабочихъ той
иной фабрики. Агитація должна была вестись путемъ
танія и разбрасыванья по фабрикамъ листковъ съ
женіемъ положенія рабочихъ той или иной фабрики и
хъ требованіями опредѣленныхъ перемѣнъ.
:истки съ изложеніемъ положенія дѣлъ и требованій
тоновскихъ рабочихъ были разбросаны по мастерскимъ
рпусамъ фабрики и произвели огромное впечатлѣніе
абочихъ. 5-го ноября забастовало 500 ткачей. Прибыв-
въ тотъ же день фабричный инспекторъ пытался
дить" рабочихъ, но они стояли на своемъ. Наконецъ,
была сдѣлана маленькая уступка, и 8 ноября они
ı принялись за работу. Рабочіе успокоились на время,
ɔлиція рвала и метала въ поискахъ „подстрекателей".
.ко на этотъ разъ „виновныхъ" не нашли, хотя было
говано нѣсколько человѣкъ. Но ихъ выпустили за не-
ıткомъ уликъ. Почти одновременно съ этими арестами
выпущенъ новый листокъ, который можетъ служить
шимъ образчикомъ немногихъ листковъ, изданныхъ до
ıго провала группою „старыхъ соціалдемократовъ",
ı руководителей которыхъ были и будущіе основатели
ıы и газеты „Искра". Привожу этотъ листокъ.

Рабочіе и работницы фабрики Торнтона!

-ое и 7-ое ноября должны быть для всѣхъ насъ памятными
. Ткачи своимъ дружнымъ отпоромъ хозяйской прижимкѣ до-
ı, что въ нашей *средѣ* въ трудную минуту еще находятся
умѣющіе постоять за наши общіе рабочіе интересы, что еще
ı.

не удалось нашимъ добродѣтельнымъ хозяевамъ превратити окончательно въ жалкихъ рабовъ ихъ бездоннаго кошелька. Вы же, товарищи, стойко и неуклонно вести нашу линію до кон демъ помнить, что улучшить свое положеніе мы можемъ толь щими дружными усиліями. Прежде всего, товарищи, не попа въ ловушку, которую вамъ подстроили гг. Торитоны. Они раз ютъ такимъ образомъ: «теперь время заминки въ сбытѣ то такъ что при прежнихъ условіяхъ работы на фабрикѣ не по намъ нашего прежняго барыша... А на меньшій мы не согл Стало быть, надо будетъ поналечь на рабочію братію, пусть своими боками поотдуваются за плохія цѣны на рынкѣ... дѣльце это надо обстроить не кое-какъ, а съ умѣньемъ, что бочій по своей простотѣ и не понялъ, какую закуску мы см готавливаемъ... Затронь всѣхъ сразу, — сразу всѣ и подн ничего съ ними не подѣлаешь, а вотъ мы сначала объе бѣдняковъ-ткачишекъ, тогда и прочіе не увернутся... Стѣс съ этими людишками мы не привыкли, да и къ чему? У на выя метлы чище метутъ...» Итакъ, заботливые о благахъ ра хозяева потихоньку да полегоньку хотятъ приготовить для ра всѣхъ отдѣленій фабрики такое же будущее, которое они уг ществили для ткачей... Поэтому, если мы всѣ останемся безу къ судьбѣ нашего ткацкаго отдѣленія, то мы выроемъ своим ственными руками яму, въ которую въ скоромъ времени шв и насъ. Ткачи зарабатывали въ послѣднее время, почитай кругъ, по 3 р. 50 к. въ полумѣсяцъ, въ теченіе этого ж мени они ухищрялись жить семьями въ 7 человѣкъ на 5 р., же изъ мужа, жены и ребенка—всего на 2 р. Они поспусти слѣднюю одежонку, прожили послѣдніе гроши, пріобрѣтенн скимъ трудомъ въ ту пору, когда благодѣтели Торитоны на вали милліоны на свои милліоны. Но и этого всего было м на ихъ глазахъ выкидывались за ворота все новыя и новы твы хозяйскаго корыстолюбія, а прижимка росла своимъ че съ самой безсердечной жестокостью... Въ шерсть стали валит всякихъ оговорокъ поллеса и кнопа, отчего страшно замед выработка товара, проволочки на полученіе основы, будто н комъ, увеличились, наконецъ, стали прямо сбавлять рабочіе а теперь вводятъ куски изъ 5 шпицъ вмѣсто 9, чтобы тка чаще возился съ хлопотами по полученію и заправкѣ осно которыя, какъ извѣстно, онъ не получаетъ ни гроша. Изморо тятъ извести ткачей и заработокъ къ 1 р. 62 к. въ полум который уже стали появляться въ разсчетныхъ книжкахъ н рыхъ ткачей, можетъ стать въ скоромъ времени общимъ за комъ ткацкаго отдѣленія. — Товарищи, хотите-ли и вы дож такой хозяйской ласки? А если нѣтъ, если еще, наконецъ,

всѣмъ окаменѣли ваши сердца такихъ же, какъ и мы, бѣдняков сплотимтесь дружно около нашихъ ткачей, выставимъ наши общ требованія и при каждомъ удобномъ случаѣ станемъ отвоевыва себѣ лучшую долю у нашихъ угнетателей. Рабочіе прядильнаго о дѣленія, не самообольщайтесь устойчивостью и нѣкоторымъ повы шеніемъ вашего заработка... Вѣдь почти ⅔ вашего брата уже ра считаны съ фабрики, и вашъ лучшій заработокъ купленъ цѣно голода выкинутыхъ за ворота вашихъ же прядильщиковъ. Это опять таки хитрая уловка хозяевъ и понять ее не трудно, если толь подсчитать, сколько вырабатывало все льнопрядильное отдѣлені прежде и сколько оно вырабатываетъ теперь.—Рабочіе новой кра сильни! Вы вырабатываете цѣной 14 съ 14 ч. ежедневнаго труда, пронизываемые съ ногъ до головы убійственными испареніями кра сокъ, уже и теперь 12 р. въ мѣсяцъ. Обратите вниманіе на наши требованія: мы хотимъ положить конецъ и тѣмъ незаконнымъ вы четамъ, которые производятся съ васъ за неумѣлость вашего ма стера.—Чернорабочіе и вообще всѣ неспеціальные рабочіе фабрики, неужели вы надѣетесь удержать свои 60—80 к. поденныхъ, когда спеціалисту-ткачу придется довольствоваться 20 к. въ сутки?—Товарищи, не будьте слѣпыми, не попадайте въ хозяйскую ло вушку, крѣпче стойте другъ за друга, иначе всѣмъ намъ плохо придется въ эту симу. Самымъ зоркимъ образомъ должны мы всѣ слѣдить за маневрами нашихъ хозяевъ по части пониженія расцѣ нокъ и сопротивляться всѣми силами этому гибельному для насъ стремленію... Будьте глухи ко всѣмъ ихъ отговоркамъ о плохихъ дѣлахъ: для нихъ это только меньшая прибыль на ихъ капиталъ, для насъ—это голодныя страданія нашихъ семей, лишеніе послѣд няго куска черствого хлѣба, а развѣ можно положить то и другое на одни и тѣ же вѣсы? Теперь жмутъ въ первую голову ткачей, и мы должны добиваться:

1) повышенія ткацкихъ расцѣнокъ до ихъ весенней величины, т. е. приблизительно на 6 коп. на шпицъ;

2) чтобы исполняли и для ткачей законъ о томъ, что рабочему должна быть передъ началомъ работы объявлена величина того за работка, на который онъ идетъ. Пусть табель, подписанная фа бричнымъ инспекторомъ, не будетъ только на бумагѣ, но и на дѣлѣ, какъ того требуетъ законъ. Для ткацкой, напримѣръ, работы должны быть къ существующей расцѣнкѣ добавлены указанія о ка чествѣ шерсти, количествѣ въ ней поллеса и кнопа, должно быть просчитано время, идущее на подготовительную работу;

3) рабочее время должно быть распредѣлено такъ, чтобы съ нашей стороны не являлось невольныхъ прогуловъ; теперь, напри мѣръ, подстроили такъ, что ткачъ на каждомъ кускѣ теряетъ день на полученіе основы, а такъ какъ кусокъ станетъ меньше почти

не удалось нашимъ добродѣтельнымъ хозяевамъ превратить насъ окончательно въ жалкихъ рабовъ ихъ бездоннаго кошелька. Будемте-же, товарищи, стойко и неуклонно вести нашу линію до конца, будемъ помнить, что улучшить свое положеніе мы можемъ только общими дружными усиліями. Прежде всего, товарищи, не попадайтесь въ ловушку, которую вамъ подстроили гг. Торитоны. Они разсуждаютъ такимъ образомъ: «теперь время заминки въ сбытѣ товаровъ, такъ что при прежнихъ условіяхъ работы на фабрикѣ не получить намъ нашего прежняго барыша... А на меньшій мы не согласны... Стало быть, надо будетъ поналечь на рабочію братію, пусть-ка они своими боками поотдуваются за плохія цѣны на рынкѣ... Только дѣльце это надо обстроить не кое-какъ, а съ умѣньемъ, чтобы рабочій по своей простотѣ и не понялъ, какую закуску мы ему подготавливаемъ... Затронь всѣхъ сразу, — сразу всѣ и поднимутся, ничего съ ними не подѣлаешь, а вотъ мы сначала объегоримъ бѣдняковъ-ткачишекъ, тогда и прочіе не уварнутся... Стѣсняться съ этими людишками мы не привыкли, да и къ чему? У насъ новыя метлы чище метутъ...» Итакъ, заботливые о благахъ рабочихъ хозяева потихоньку да полегоньку хотятъ приготовить для рабочихъ всѣхъ отдѣленій фабрики такое же будущее, которое они уже осуществили для ткачей... Поэтому, если мы всѣ останемся безучастны къ судьбѣ нашего ткацкаго отдѣленія, то мы выроемъ своими собственными руками яму, въ которую въ скоромъ времени швырнутъ и насъ. Ткачи зарабатывали въ послѣднее время, почитай что на кругъ, по 3 р. 50 к. въ полумѣсяцъ, въ теченіе этого же времени они ухищрялись жить семьями въ 7 человѣкъ на 5 р., семьей же изъ мужа, жены и ребенка—всего на 2 р. Они поспустили послѣднюю одежонку, прожили послѣдніе гроши, пріобрѣтенные адскимъ трудомъ въ ту пору, когда благодѣтели Торитоны наращивали милліоны на свои милліоны. Но и этого всего было мало, и на ихъ глазахъ выкидывались за ворота все новыя и новыя жертвы хозяйскаго корыстолюбія, а прижимка росла своимъ чередомъ съ самой безсердечной жестокостью... Въ шерсть стали валить безъ всякихъ оговорокъ поллеса и кнопа, отчего страшно замедлялась выработка товара, проволочки на полученіе основы, будто ненарокомъ, увеличились, наконецъ, стали прямо сбавлять рабочіе часы, а теперь вводятъ куски изъ 5 шпицъ вмѣсто 9, чтобы ткачъ почаще возился съ хлопотами по полученію и заправкѣ основъ, за которыя, какъ извѣстно, онъ не получаетъ ни гроша. Изморомъ хотятъ извести ткачей и заработокъ къ 1 р. 62 к. въ полумѣсяцъ, который уже сталъ появляться въ разсчетныхъ книжкахъ нѣкоторыхъ ткачей, можетъ стать въ скоромъ времени общимъ заработкомъ ткацкаго отдѣленія. — Товарищи, хотите-ли и вы дождаться *такой хозяйской ласки*? А если нѣтъ, если еще, наконецъ, не со-

всѣмъ окаменѣли ваши сердца такихъ же, какъ и мы, бѣдняковъ. Сплотимтесь дружно около нашихъ ткачей, выставимъ наши общія требованія и при каждомъ удобномъ случаѣ станемъ отвоевывать себѣ лучшую долю у нашихъ угнетателей. Рабочіе прядильнаго отдѣленія, не самообольщайтесь устойчивостью и нѣкоторымъ повышеніемъ вашего заработка... Вѣдь почти ⅔ вашего брата уже разчитаны съ фабрики, и вашъ лучшій заработокъ купленъ цѣною голода выкинутыхъ за ворота вашихъ же прядильщиковъ. Это опять-таки хитрая уловка хозяевъ и понять ее не трудно, если только сосчитать, сколько вырабатывало все льнопрядильное отдѣленіе прежде и сколько оно вырабатываетъ теперь.—Рабочіе новой крапильни! Вы вырабатываете цѣной 14 съ 14 ч. ежедневнаго труда, пронизываемые съ ногъ до головы убійственными испареніями краокъ, уже и теперь 12 р. въ мѣсяцъ. Обратите вниманіе на наши требованія: мы хотимъ положить конецъ и тѣмъ незаконнымъ вычетамъ, которые производятся съ васъ за неумѣлость вашего мастера.—Чернорабочіе и вообще всѣ неспеціальные рабочіе фабрики, неужели вы надѣетесь удержать свои 60—80 к. поденныхъ, когда спеціалисту-ткачу придется довольствоваться 20 к. въ сутки?—Товарищи, не будьте слѣпыми, не попадайте въ хозяйскую ловушку, крѣпче стойте другъ за друга, иначе всѣмъ намъ плохо придется въ эту симу. Самымъ зоркимъ образомъ должны мы всѣ слѣдить за маневрами нашихъ хозяевъ по части пониженія расцѣнокъ и сопротивляться всѣми силами этому гибельному для насъ стремленію... Будьте глухи ко всѣмъ ихъ отговоркамъ о плохихъ дѣлахъ: для нихъ это только меньшая прибыль на ихъ капиталъ, для насъ—это голодныя страданія нашихъ семей, лишеніе послѣдняго куска черстваго хлѣба, а развѣ можно положить то и другое на одни и тѣ же вѣсы? Теперь жмутъ въ первую голову ткачей, и мы должны добиваться:

1) повышенія ткацкихъ расцѣнокъ до ихъ весенней величины, т. е. приблизительно на 6 коп. на шпицъ;

2) чтобы исполняли и для ткачей законъ о томъ, что рабочему должна быть передъ началомъ работы объявлена величина того заработка, на который онъ идетъ. Пусть табель, подписанная фабричнымъ инспекторомъ, не будетъ только на бумагѣ, но и на дѣлѣ, какъ того требуетъ законъ. Для ткацкой, напримѣръ, работы должны быть къ существующей расцѣнкѣ добавлены указанія о качествѣ шерсти, количествѣ въ ней поллеса и кнопа, должно быть просчитано время, идущее на подготовительную работу;

3) рабочее время должно быть распредѣлено такъ, чтобы съ нашей стороны не являлось невольныхъ прогуловъ; теперь, напримѣръ, подстроили такъ, *что ткачъ* на каждомъ кускѣ теряетъ день *на полученіе основы, а такъ* какъ кусокъ станетъ меньше почти

вдвое, то ткачъ и на этомъ будетъ нести, независимо отъ табели расцѣнокъ, двойную потерю. Хочетъ у насъ хозяинъ грабить заработокъ, такъ пусть идетъ въ чистую, такъ чтобы мы твердо знали, что отъ насъ хотятъ отжилить;

4) фабричный инспекторъ долженъ слѣдить за тѣмъ, чтобы въ расцѣнкахъ не было обмана, чтобы онѣ не были двойными. Это значитъ, напримѣръ, что въ табели расцѣнокъ не должно за одинъ и тотъ же сортъ товара, но только съ различными названіями, допускать двухъ различныхъ цѣнъ. Напримѣръ, биберъ мы ткали по 4 р. 32 к. а уралъ всего 4 р. 14 к.—а развѣ по работѣ это не одно и то же? Еще болѣе наглымъ надувательствомъ является двойная цѣна работы при товарѣ одного наименованія. Такимъ путемъ гг. Торитоны обходили законы о штрафахъ, въ которыхъ сказано, что штрафъ можно наложить только за такую порчу работы, которая зависѣла отъ небрежности рабочаго, въ такомъ случаѣ вычетъ долженъ заноситься въ рабочую книжку подъ графою штрафа не позже трехъ дней со дня его наложенія. Всѣ же штрафы вмѣстѣ должны находиться въ строгомъ отчетѣ, и сумма, изъ нихъ составленная, не можетъ итти въ карманъ фабриканта, а должна итти на нужды рабочихъ этой фабрики. А у насъ—посмотрите въ наши книжки—чисто, можно подумать, что наши хозяева изо всѣхъ хозяевъ предобрѣйшіе. На самомъ же дѣлѣ они обходятъ по нашему незнанію законъ и ловко обстраиваютъ свои дѣлишки... Насъ, видите ли, не штрафуютъ, а у насъ производятъ вычетъ, платя по меньшей расцѣнкѣ, и пока существовали двѣ расцѣнки — меньшая и большая — придраться къ нимъ никакъ нельзя, а они себѣ вычитаютъ да вычитаютъ въ свой карманъ.

5) Вмѣстѣ съ введеніемъ одной расцѣнки, пусть каждый вычетъ заносится въ графу штрафомъ съ обозначеніемъ, почему онъ произведенъ.

Тогда намъ будетъ видна неправильная штрафовка, меньше будетъ пропадать даромъ нашего труда и уменьшится число такихъ безобразій, которыя творятся въ настоящее время, напримѣръ, въ красильной, гдѣ рабочіе вырабатывали меньше по винѣ неумѣлаго мастера, что по закону не можетъ быть причиной неоплаты труда, такъ какъ тутъ небрежность рабочаго не при чемъ. А мало ли у всѣхъ насъ такихъ вычетовъ, въ которыхъ мы ничуть не виноваты?

6) Мы требуемъ, чтобы за квартиру съ насъ брали столько, сколько брали до 1891 года, т. е. по 1 р. съ человѣка въ мѣсяцъ, потому что платить 2 рубля при нашемъ заработкѣ положительно не изъ чего, да и за что?... За эту грязную, вонючую, тѣсную и опасную въ пожарномъ отношеніи конуру? Не забывайте, товарищи, это во всемъ Питерѣ плата по 1 р. въ мѣсяцъ считается достаточной, только одни наши заботливые хозяева не довольствуются

ею и мы должны ихъ заставить прекратить и здѣсь свою алчность. Защищая свои требованія. товарищи, мы вовсе не бунтуемъ, мы только требуемъ, чтобы намъ дали то, чѣмъ пользуются уже всѣ рабочіе другихъ фабрикъ по закону, что отняли у насъ, надѣясь лишь на наше неумѣніе отстоять свои собственныя права. Докажемъ же на этотъ разъ, что наши «благодѣтели» ошиблись.

10 ноября произошелъ такъ называемый „бунтъ" папиросницъ у Лаферма. Волненія происходили еще въ августѣ. Введенныя только что машины сильно увеличили количество брака, а браковка производилась со всякими плутнями и придирками. И зачастую „бракованныя" папиросы продавались за первый сортъ. Выведенныя изъ терпѣнія непосильными штрафами, браковкой, низкой платой и грубымъ обращеніемъ, работницы рѣшили бастовать. Забастовка вышла бурная: стекла бились, выламывались рамы; папиросная бумага, табакъ, обломки мебели летѣли на улицу... Требовали уничтоженія штрафовъ и недобросовѣстной браковки. Въ результатѣ — жандармы, полиція, пожарныя трубы, плоскія выходки градоначальника Валя, аресты, это—съ одной стороны; съ другой стороны,—циркуляръ фабричной инспекціи, запрещающій фабрикантамъ произвольно браковать товаръ и приказывающій записывать штрафныя суммы въ шнуровую книгу и употреблять ихъ на нужды рабочихъ.

Вскорѣ послѣ этого происходила трехдневная стачка на фабрикѣ „Т-ва механическаго производства обуви", сопровождавшаяся уступками администраціи.

Листки, а потомъ уступки производили какое то магическое дѣйствіе на рабочихъ: подымалась энергія, появлялась вѣра въ возможность бороться, вѣра въ силу массового натиска и въ силу единенія. Дѣло объединенія рабочихъ разныхъ районовъ Петербурга и созданія общей организаціи подвигалось впередъ. Настроеніе среди организованныхъ рабочихъ было самое бодрое. Наконецъ-то найдено средство примѣнять свои силы, развитіе и знанія, накопившіяся за время чисто кружковой жизни. На одномъ изъ собраній, происходившемъ въ ноябрѣ, было до 10 представителей отъ разныхъ рабочихъ районовъ и отъ соціалдемократической группы „стариковъ". На собраніи сообщалось о положеніи дѣлъ въ Петербургѣ, въ различныхъ его районахъ и въ отдѣльныхъ заведеніяхъ: каково тамъ положеніе труда и условія работы, отношеніе адми-

нистраціи и рабочихъ другъ къ другу? Гдѣ особенно мѣчается недовольство, причины и слѣдствія ихъ? имѣются связи и можно ли надѣяться на хорошій усп агитаціи? На этомъ же собраніи былъ поставленъ вопр объ общей петербургской рабочей кассѣ, т. е. возобнов ніи и дальнѣйшемъ развитіи года уже полтора прекрат шей свое существованіе „Объединенной кассы петерб скихъ рабочихъ". Этотъ вопросъ былъ выдвинутъ со с роны рабочихъ района Невской заставы. Они настаив на организаціи общей самостоятельной боевой рабо кассы, и въ подтвержденіе ея цѣлесообразности говори что такая касса послужитъ средствомъ для дальнѣйш объединенія рабочихъ, какъ кружковыхъ, такъ и един изъ остальной массы. Представители же отъ группы теллигентовъ, отрицая значеніе этой кассы, какъ средс объединенія рабочихъ, проводили идею, чтобы всѣ ден шли къ нимъ, въ соціалдемократическую кассу, и отт выдавались бы членамъ мѣстныхъ группъ на нужды р района. Разговоры о кассѣ ни къ чему рѣшительному привели, всякій остался при своемъ мнѣніи, а гру рабочихъ Невской заставы рѣшила основать свою особ районную рабочую кассу.

Благодаря провокаторству зубного врача Михайло 8-го декабря и 4-го января 1896 г. были произведе большіе аресты. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ захваченъ и вершенно готовый къ печати № 1 „Рабочаго Дѣла", зеты, которую предполагала издавать группа „старых соціалдемократовъ. Аресты захватили въ общей сложно 115 человѣкъ. Но полиція и жандармерія очень ошибл въ своемъ расчетѣ: массового движенія не задавишь а стомъ отдѣльныхъ личностей. И дѣйствительно, движе не только не улеглось, но разлилось, словно пожаръ, всему Петербургу, по всѣмъ его районамъ. Этому высшей степени способствовала усвоенная тактика ши кой агитаціи путемъ листковъ, которые стали уже множествѣ появляться отъ имени „С.-Петербугскаго Со Борьбы за освобожденіе рабочаго класса". Вотъ прок мація, которою Союзъ оффиціально объявилъ 15 декаб 1895 г. о своемъ существованіи:

Отъ Союза Борьбы за освобожденіе рабочаго класса.

«Товарищи и рабочіе!

Стачки послѣдняго времени привели въ необычайное смуще *нашихъ капиталистовъ* хозяевъ. Съ ужасомъ увидали они, что

тербургскіе рабочіе начинаютъ бороться противъ невыносимаго гнета. Подъ вліяніемъ страха, Товарищества Лафермъ и Торнтонъ попытались кое-какими уступками успокоить выведенныхъ изъ терпѣнія рабочихъ; при видѣ волненія, вызваннаго на Путиловскомъ заводѣ листками, заводское управленіе поспѣшило уменьшить объявленную сбавку. Сама фабричная инспекція стала тщательнѣе относиться къ своимъ обязанностямъ, и на дняхъ въ особомъ циркулярѣ фабричный инспекторъ призналъ незаконность тѣхъ браковокъ, противъ которыхъ поднялись мастерицы фабрики Лафермъ. Но уступивъ тамъ, гдѣ опасно было не уступать, капиталисты обратились къ правительству за помощью противъ осмѣлившихся пошевелиться рабочихъ. Вѣрныя своему долгу—оберегать интересы богачей, власти горячо принялись за дѣло, чтобы на будущее время избавить гг. Торнтоновъ отъ непріятныхъ уступокъ ненавистнымъ рабочимъ. Какъ же сдѣлать, чтобы впредь не было такихъ стачекъ? По мнѣнію жандармовъ, стачки и безпорядки вызываются не нищетой и страданіями тѣхъ, чьимъ трудомъ живетъ все общество, по мнѣнію ихъ, все это дѣло «подстрекателей», безпокойныхъ людей. Еще-бы. Кто, какъ не «подстрекатели», распространяютъ при каждой новой прижимкѣ тѣ воззванія, отъ одного вида которыхъ у капиталистовъ дыбомъ встаютъ волосы?

И вотъ, чтобы разомъ вырвать съ корнемъ зло, въ ночь съ 8 на 9 декабря по всѣмъ концамъ города жандармы произвели набѣги. Десятки подозрѣваемыхъ людей брошены въ тюрьмы, фабрики наводнены шпіонами. «Порядокъ водворенъ, стачекъ больше не будетъ, листки исчезнутъ»,—такъ думаютъ капиталисты въ то время, какъ ихъ полицейскіе друзья облизываются при мысли о предстоящей праздничной наградѣ за дикое усердіе. Сейчасъ же послѣ арестовъ гг. Торнтоны выбрасываютъ передъ праздниками на улицу нѣсколько десятковъ ткачей изъ числа стачечниковъ, вымещая на нихъ свою вынужденную уступчивость. Новый градоначальникъ любезно предлагаетъ имъ единственную помощь — даровой билетъ на родину, въ голодающую деревню. Денежный кошель и полицейскій мундиръ не знаютъ жалости. Тѣмъ не менѣе стачки не прекращаются. Поговариваютъ о новыхъ волненіяхъ на фабрикѣ Лафермъ, о стачкѣ на лѣсопилкѣ Лебедева и на Сампсоньевской мануфактурѣ. А листки появляются по прежнему, читаются и встрѣчаютъ повсюду сочувствіе и Союзъ Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса, который ихъ распространяетъ, остается невредимъ и будетъ продолжать свое дѣло. Полиція ошиблась въ адресѣ. Арестами и высылками не подавятъ рабочаго движенія: стачки и борьба не прекратятся до тѣхъ поръ, пока не будетъ достигнуто полное освобожденіе *рабочаго* класса изъ подъ гнета капитала.

Товарищи, будемъ же по прежнему дружно защищать свои интересы!

Дня черезъ 3—4 или около того, Союзъ выпустилъ большой листокъ „ко всѣмъ Петербургскимъ рабочимъ", въ которомъ излагались событія послѣднихъ мѣсяцевъ и указывалось, какъ ведутъ себя относительно рабочихъ капиталисты, фабричные инспектора, градоначальникъ и вообще полиція.

«Присмотритесь къ своей жизни, товарищи, — говорится въ концѣ листка, — и вы увидите, что условія жизни всѣхъ насъ плохи. Развѣ не совершается уже 2—3 года постоянное, быстрое пониженіе платы на Путиловскомъ заводѣ, развѣ у Максвеля не дѣлаютъ того же, что у Торнтона, пуская подъ видомъ новаго сорта, съ болѣе дешевой оплатой труда, старый сортъ ткани, развѣ на казенныхъ заводахъ, на Балтійскомъ, Александровскомъ, Патронномъ, въ Порту не уменьшаютъ заработки тѣмъ или инымъ способомъ?

Всюду одно и то же, пусть же всюду рабочіе слѣдуютъ примѣру своихъ товарищей, работающихъ у Торнтона, Лаферма и т. д. Насъ вездѣ норовятъ прижать — будемте повсюду давать отпоръ. Не потому ли мы до сихъ поръ такъ мало боролись со своими хозяевами, что слишкомъ еще мало столковались между собою, слишкомъ еще мало между нами единенія, слишкомъ мало вѣры въ то, что сообща сумѣемъ добиться лучшей доли, что въ соединеніи наша сила? При каждомъ новомъ набѣгѣ нашихъ благодѣтелей на наши карманы будемъ сговариваться о томъ, какъ дать отпоръ, будемъ бороться единодушно, не будемъ прекращать борьбы, пока не добьемся своего. Чтобы избѣжать поводовъ для вмѣшательства грубой военной силы, будемъ вести свою борьбу спокойно, безъ безпорядковъ и насилій.

Держитесь дружно, товарищи! Не давайте себя въ обиду и пусть всякая новая прижимка хозяевъ застигнетъ васъ единодушными и готовыми бороться...

От Союза Борьбы за освобожденіе рабочаго класса.

Я не буду останавливаться на подробностяхъ зимы въ началѣ 1896 года. Однако, я не могу не упомянуть о нѣкоторыхъ событіяхъ, а главное о томъ общемъ настроеніи, которое складывалось среди петербургскихъ рабочихъ подъ вліяніемъ агитаціонной дѣятельности Союза. Отдѣльныя забастовки были на ткацкой фабрикѣ Лебедева, у Кенига, на Сампсоньевской мануфактурѣ, на бумагопря-

дильнѣ Воронина, въ Новомъ Адмиралтействѣ, на Александровскомъ чугунномъ заводѣ (въ апрѣлѣ), опять у Воронина (въ апрѣлѣ же), на Сестрорѣцкомъ оружейномъ заводѣ (5 апрѣля), на Калинкинской мануфактурѣ, въ мастерскихъ варшавской желѣзной дороги, на Балтійскомъ судостроительномъ, вновь у Лаферма... Всякій разъ или до стачки или во время и послѣ ея на сцену выступали листки Союза съ изложеніемъ дѣла и требованій рабочихъ и съ приглашенімъ твердо и дружно, стоять за рабочее дѣло. Союзъ старался не пропустить ни одного случая безобразій фабричной жизни, чтобы не указать на него рабочимъ. Попутно на примѣрахъ разъяснялась и та роль, которую играютъ правительственныя власти во взаимныхъ отношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ. Впрочемъ, пока дѣло ограничивалось лишь указаніемъ на роль полиціи, жандармеріи и фабричныхъ инспекторовъ, ибо съ представителями высшей власти рабочіе столкнулись лицомъ къ лицу лишь во время лѣтнихъ стачекъ 1896 года, о чемъ рѣчь будетъ впереди.

Надо замѣтить, что репутація Союза гремѣла по всему Петербургу и о листкахъ шли разговоры по всѣмъ фабрикамъ. Рабочіе тѣхъ фабрикъ, гдѣ не было никого, кто бы имѣлъ сношенія съ Союзомъ, молили всѣхъ боговъ, чтобы и къ нимъ какъ-нибудь проникли „студенты“ со своими листками.

Вотъ какъ сами рабочіе описываютъ день перваго появленія листковъ на какой-нибудь фабрикѣ: „Съ самаго утра начинается необычное праздничное оживленіе. „Листки!“ слышится то шопотомъ, то вполголоса. Тутъ и тамъ кучки, происходитъ чтеніе вслухъ. Кучки дѣлаются все гуще и гуще. „Ловко!“ „Такъ такъ!“ „Совершенно вѣрно!“ и другіе возгласы прерываютъ чтеніе. „Къ директору! послать къ директору!“ Но... посылать не приходится. Заводскіе ищейки уже все пронюхали и донесли, кому слѣдуетъ. Начинается переполохъ. Мастера, директора, хозяинъ—все приходитъ въ движеніе. Посылаются гонцы во всѣ стороны—къ жандармамъ, въ полицію, къ фабричному инспектору. Впрочемъ послѣдніе иногда даже предупреждаютъ приглашеніе, ибо Союзъ потомъ усвоилъ обыкновеніе разсылать листки по почтѣ фабричнымъ инспекторамъ, въ жандармское управленіе и градоначальнику, иногда министрамъ.

На заводъ наѣзжали власти всѣхъ сортовъ. На глазахъ у *рабочихъ фабричная* инспекція и жандармскій пол-

ковникъ производили изслѣдованія, пробовали тухлую некипяченую воду въ бакахъ, свѣшивали гири, провѣряли вѣсы, мѣряли куски... Словомъ, эффектъ получался полный. Настроеніе у рабочихъ было самое радостное, особенно когда послѣ всей этой встряски уничтожались уже очень очевидныя злоупотребленія.

Во время стачки обыкновенно рабочими посылался листокъ къ директору чрезъ сторожа или какого-либо мелкаго служителя. Рабочіе воздерживались отъ единоличнаго разговора съ заводскими или съ полицейскими властями; и если ихъ спрашивали, чего вамъ надо, то обыкновенно всѣ кричали: „все, что надо, прописано, читайте сами". Если же власти задавали вопросы, на которые приходилось отвѣчать, то у рабочихъ выработался обычай: отвѣчающаго окружала густая толпа, чтобы не видно было его лица, чтобы не могли его расчитать.

Я приведу еще разсказъ одной знакомой, очень хорошо характеризующій то впечатлѣніе, которое производили листки и всѣ слѣдующія за ними передряги даже на пожилыхъ и отупѣвшихъ на фабричной работѣ рабочихъ. Моя знакомая какъ то увидѣла у своей кухарки ея брата, рабочаго съ прядильной фабрики. Онъ былъ совсѣмъ не затронутый пропагандой и пожилыхъ лѣтъ. Моя знакомая разговорилась съ нимъ о его работѣ и пр. И тутъ то рабочій разошелся.

— Вы подумайте, какія у насъ времена-то!—разсказывалъ рабочій. — Раньше мы работали, работали, свѣту не видѣли. Своими глазами видишь, какъ надуваютъ, а что подѣлаешь? Теперь не то! Теперь какъ пріѣдетъ инспекція, да полковникъ, да начнутъ вездѣ нюхать —администрація то на ципочкахъ заходитъ. Чудно! Прежде тамъ и тутъ видишь прижимку, фальшъ—вниманія не обращаешь, привыкли! А теперь малый мальчишка пархатый, и тотъ вездѣ все замѣтитъ, да подмѣтитъ. Въ Союзъ, слышишь-ли, говоритъ, надо дать знать.

— Кто же распространяетъ листки?

— Студенты, надо полагать. Дай, Господи, добраго здоровья тѣмъ людямъ, которые эти листки печатаютъ.

И рабочій истово перекрестился.

Особенно много шума надѣлалъ майскій листокъ Союза, распространенный 19 апрѣля (96 г.) въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ по всѣмъ заводамъ и фабрикамъ, гдѣ только имѣлись связи. Многіе рабочіе потомъ говорили, что если бы не майскій листокъ, то, можетъ быть, не

было бы и лѣтнихъ стачекъ. Вѣроятно, это мнѣніе преувеличено, но оно характерно. Привожу этотъ листокъ.

Рабочій праздникъ перваго мая (по нашему 19 апрѣля).

Товарищи, посмотримъ внимательно на наше положеніе; оглянемся на ту обстановку, гдѣ мы проводимъ свою жизнь. Что мы увидимъ? Мы работаемъ много, мы созд емъ несмѣтныя богатства, золото и ткани, парчу и бархатъ, добываемъ изъ нѣдръ земли желѣзо и уголь, строимъ машины, сооружаемъ корабли и дворцы, проводимъ желѣзныя дороги. Все богатство міра создано нашими руками, добыто нашимъ потомъ и кровью. Какую же мзду получаемъ мы за нашъ каторжный трудъ? — По справедливости мы должны бы жить въ хорошихъ квартирахъ, носить хорошее платье и ужъ во всякомъ случаѣ не нуждаться въ хлѣбѣ насущномъ. Но всѣмъ намъ хорошо извѣстно, что нашей заработной платы хватаетъ едва на то, чтобы существовать. Наши хозяева понижаютъ расцѣнки, заставляютъ работать сверхурочное время, несправедливо штрафуютъ, словомъ притѣсняютъ насъ всячески, а въ случаѣ неудовольствія съ нашей стороны, разсчитываютъ безъ разсужденія.

Мы много разъ убѣждались, что всѣ, къ кому мы обращались за защитой, оказываются прислужниками и друзьями хозяевъ. Насъ рабочихъ держатъ во тьмѣ, намъ не даютъ знанія, чтобы мы не надѣялись бороться за улучшеніе своего положенія. Насъ держатъ въ неволѣ, прогоняютъ съ работы, высылаютъ и арестуютъ всякаго, кто д етъ отпоръ притѣсненіямъ, намъ запрещаютъ бороться. Тьма и неволя — вотъ тѣ средства, которыми держатъ насъ въ угнетеніи капиталисты и все дѣлающее въ угоду имъ правительство. Какое же есть у насъ средство, чтобы улучшить свое положеніе, повысить заработную плату, сократить рабочій день, защититься отъ оскорбленій, читать умныя книги? Противъ насъ всѣ — и хозяева, потому что имъ жить тѣмъ лучше, чѣмъ хуже намъ, и всѣ ихъ прислужники, всѣ тѣ, кто живетъ подачками капиталистовъ и въ угоду имъ держитъ насъ въ невѣжествѣ и неволѣ. Намъ неоткуда ждать помощи, мы можемъ надѣяться только на самихъ себя. Наша сила въ единеніи, наше средство *дружное, единодушное и упорное сопротивленіе хозяевамъ.* Они-то давно уже поняли, въ чемъ наша сила и всячески стараются разъединить насъ, не дать намъ понять, что у насъ рабочихъ одни общіе интересы. Они понижаютъ расцѣнки, но не всѣмъ сразу, а по одиночкѣ; заводятъ старшихъ; вводятъ поштучную плату, а сами, посмѣиваясь въ бороду, видя, какъ нашъ братъ надрывается надъ работой, исподволь понижаютъ расцѣнки. *Ну да не все* же коту масленица! Всякому

терпѣнію бываетъ конецъ. Въ минувшемъ году русскіе рабочіе по казали своимъ хозяевамъ, что покорность рабовъ смѣняется в нихъ стойкимъ мужествомъ людей, неподдающихся наглости жад ныхъ до дарового труда капиталистовъ. Въ разныхъ городахъ воз никло множество стачекъ: въ Ярославлѣ, Тейковѣ, Иваново-Возне сенскѣ, Бѣлостокѣ, Вильнѣ, Минскѣ, Кіевѣ, Москвѣ и другихъ горо дахъ. Большинство стачекъ кончилось удачно для рабочихъ; но неудачныя стачки неудачны только повидимому. На самомъ дѣл онѣ страшно пугаютъ хозяевъ, приносятъ имъ большіе убытки заставляютъ изъ страха передъ новой стачкой итти на уступк Фабричные инспектора тоже начинаютъ суетиться и замѣчат бревна въ глазу фабрикантовъ. Они бываютъ слѣпы до тѣхъ поръ пока рабочіе стачкой не откроютъ имъ глаза. Гдѣ же, въ самом дѣлѣ, замѣтить фабричнымъ инспекторамъ безобразіе на фабрик такихъ вліятельныхъ особъ, какъ господинъ Торитонъ, или акціо неры Путиловскаго завода? Надѣлали мы хлопотъ хозяевамъ и насъ въ Петербургѣ. Стачка ткачей у Торитона, палиросницъ Лаферма, прядильщиковъ у Лебедева, на фабрикѣ механическаг производства обуви, волненія рабочихъ у Кенига, Воронина и в Порту показали, что мы перестали быть безотвѣтными страстотерп цами и принялись за борьбу. Какъ извѣстно. рабочіе изъ многих фабрикъ и заводовъ образовали у насъ *Союзъ борьбы за осво божденіе рабочаго класса*, съ цѣлью разоблачать всѣ злоупотре бленія, искоренять безобразія, бороться съ наглыми притѣсненіям и прижимками нашихъ безсовѣстныхъ эксплуататоровъ хозяевъ добиться полнаго освобожденія отъ ихъ власти. Союзъ распростра няетъ листки, при видѣ которыхъ трепещутъ сердца хозяевъ и их прислужниковъ-властей. Не листки имъ страшны, а возможност нашего дружнаго сопротивленія, проявленія нашей могучей силы которую мы имъ не разъ показали. Мы, петербургскіе рабочіе члены *Союза*, приглашаемъ всѣхъ остальныхъ нашихъ товарище присоединиться къ *нашему союзу* и способствовать великому дѣл объединенія рабочихъ для борьбы за свои интересы. Пора и намъ русскимъ рабочимъ, разорвать цѣпи, которыми спутали насъ капи талисты и правительство, чтобы держать въ угнетеніи, пора намъ присоединиться къ борьбѣ нашихъ братьевъ-рабочихъ других государствъ, стать съ ними подъ общее знамя на которомъ напи сано: *Рабочіе всѣхъ странъ, соединяйтесь!*

Во Франціи, Англіи, Германіи и другихъ странахъ, гдѣ рабочі уже объединились въ сильные союзы и завоевали себѣ много прав они устраиваютъ 19 апрѣля (по заграничному перваго мая) все общій праздникъ труда.

Бросивъ душныя фабрики, они, съ музыкой и знаменами, строй *ными толпами* проходятъ по главнымъ улицамъ города. показыва

хозяевамъ все возрастающую свою силу, они собираются на многочисленныя и многолюдныя собранія, гдѣ говорятъ рѣчи, пересчитывая побѣды надъ хозяевами, одержанныя въ минувшемъ году и намѣчая планы борьбы въ будущемъ.

Подъ страхомъ стачки ни одинъ хозяинъ не штрафуетъ рабочихъ неявившихся въ этотъ день на работу. Въ этотъ день рабочіе напоминаютъ также хозяевамъ свое главное требованіе: ограниченія рабочаго дня 8 часами: 8 часовъ работы, 8 часовъ сна и 8 часовъ отдыха. Вотъ о чемъ заявляютъ теперь рабочіе другихъ государствъ. Было время, и не такъ давно, когда они такъ же, какъ мы теперь, не имѣли права заявлять о своихъ нуждахъ, такъ же были подавлены нуждой и разъединены, какъ мы теперь. Но они упорной борьбой и тяжелыми жертвами завоевали себѣ право обсуждать сообща свое рабочее дѣло. Пожелаемъ же нашимъ братьямъ въ другихъ странахъ, чтобы борьба привела ихъ скорѣе къ желанной побѣдѣ, къ тому времени, когда не будетъ ни господъ, ни рабовъ, ни рабочихъ, ни капиталистовъ, а всѣ будутъ одинаково работать и одинаково разумно наслаждаться жизнью.

Товарищи! Если мы будемъ дѣйствовать дружно и единодушно, то недалеко то время, когда и мы, сомкнувшись въ стройные ряды, будемъ въ состояніи открыто присоединиться къ этой общей борьбѣ всѣхъ рабочихъ всѣхъ странъ безъ различія вѣры и племени противъ всѣхъ капиталистовъ всего міра. И подымется наша мускулистая рука, и падутъ позорныя цѣпи неволи; подымется на Руси рабочій народъ и затрепещутъ сердца капиталистовъ и всѣхъ прочихъ враговъ рабочаго класса.

Союзъ Борьбы за Освобожденіе рабочаго класса.

19 апрѣля, 1896 года.

Такимъ путемъ Союзъ Борьбы велъ свою работу, пользуясь всякими случаями, чтобы сдѣлать сознательной и планомѣрной начавшуюся борьбу рабочихъ. Союзъ указалъ рабочимъ, какъ бороться, научилъ рабочихъ формулировать ихъ требованія,—въ этомъ была его великая заслуга.

ГЛАВА III.

Петербургскія лѣтнія стачки 1896 г.

«...Жаль, что у насъ трудно устраи
вать кассы на случай стачки. Буд
у насъ хлѣбъ, мы не прекратили б
стачки и царское правительство н
могло бы похвастать своими разу
ными мѣрами». (Слова одного раб
чаго).

Весна была въ полномъ разгарѣ. Приближалось лѣто
Пришло торжество коронаціи, стоившее тысячъ искалѣ
ченныхъ труповъ и нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ
рублей. Не успѣлъ еще слухъ о московскихъ кровавых
событіяхъ облетѣть всю Россію, какъ разразились петер
бургскія стачки.

Почвой для стачекъ были давно уже ставшія невыно
симыми условія труда на бумаго-прядильныхъ и ткацких
фабрикахъ Петербурга. Хотя въ теченіе года, благодар
частичнымъ забастовкамъ и листкамъ, уничтожены был
кое-какія вопіющія безобразія, но низкій заработокъ
длинный рабочій день оставались по прежнему. Межд
тѣмъ, рабочіе уже нѣсколько искусились въ борьбѣ... Не
посредственнымъ толчкомъ, поводомъ и предлогомъ к
забаставкамъ были вынужденно-безработные коронаціонны
дни, за которые фабриканты отказались выдать обычну
заработную плату.

Эти стачки, какъ и большинство массовыхъ движеній
начались и шли какъ то стихійно, выдвигая временных
вождей изъ рабочей среды. Хотя Союзъ, благодаря агита
ціонной работѣ въ теченіе цѣлой зимы, и далъ рабочим
методъ борьбы, создалъ нѣкоторое общее настроеніе, н
онъ былъ еще слишкомъ слабъ, чтобы руководить таким
широкимъ движеніемъ. Силы молодой, неокрѣпшей, по
стоянно опустошаемой арестами организаціи уходили це
ликомъ на агитаціонную работу. Въ этомъ была и е
слабая сторона: у Союза было въ то время мало рабочих
кружковъ, и рабочіе, принадлежащіе къ Союзу, были ск

рѣе агентами по собиранію свѣдѣній о положеніи дѣлъ и по распространенію книгъ и напечатанныхъ уже листковъ, чѣмъ организаторами и пропагандистами среди массы рабочихъ. Притомъ же, чтобы руководить стачкой, всякая организація должна обладать матеріальными средствами для ея поддержанія. У Союза, конечно, не было этихъ средствъ, ибо что значатъ какіе-нибудь 3000 рублей для поддержанія семей 30000 забастовавшихъ рабочихъ! Въ силу этихъ главныхъ условій и кой-какихъ случайныхъ причинъ, роль Союза во всѣхъ этихъ стачкахъ можно скорѣе назвать вспомогательною, чѣмъ руководящею.

Стачки начались на Обводномъ каналѣ, 23-го мая на „Россійской" мануфактурѣ (она же Калинкинская) подручные явились въ контору и потребовали уплаты за коронаціонные дни. Контора выдала деньги. Подоспѣлъ фабричный инспекторъ. Подручные заявили, что они требуютъ также уплаты за тѣ лишнія минуты, которыя они работаютъ ежедневно благодаря тому, что машины пускаются раньше положеннаго времени. На фабрикѣ шло сильное волненіе. На другой день, проработавъ до обѣда, фабрика стала до 27-го числа. Въ этотъ день опять было начали работать, но послѣ обѣда всѣ окончательно бросили работу. Волненіе быстро распространялось на другія фабрики, и въ тотъ же день 27-го забастовала большая „Екатерингофская" мануфактура. Затѣмъ въ слѣдующіе дни присоединились двѣ „Кениговскихъ", „Митрофаньевская", „Тріумфальная", „Новая", „Кожевниковская мануфактуры Нарвской заставы и Обводнаго канала", а также „Невская" мануфактура около Смольнаго (двѣ фабрики Штиглица).

Послѣ „Воззванія къ рабочимъ", рукописной прокламаціи *) рабочаго Невской заставы къ своимъ товарищамъ, съ сообщеніемъ о дѣлахъ на Обводномъ каналѣ и съ призывомъ примкнуть, началась стачка и за Невской заставой (стачка на мануфактурахъ Спасской, Петровской, Паля, волненія на заводахъ Александровскомъ, Семянниковскомъ и Обуховскомъ).

Въ послѣднихъ числахъ мая рабочіе представители забастовавшихъ заведеній собрались въ количествѣ

*) Вотъ эта прокламація: «Товарищи! Я хорошо въ томъ увѣренъ, что очень немногіе изъ васъ знаютъ о томъ, что дѣлается на Обводномъ каналѣ. Тамъ съ обѣда во вторникъ работала одна только Новая *Бумагопрядильная фабрика*, а всѣ остальныя не работали. Вы меня, ко-

около ста человѣкъ въ Екатерингофскомъ паркѣ, та сообща выработали свои требованія и передали Сою Первая прокламація Союза „Чего требуютъ рабочіе пете бургскихъ бумагопрядиленъ и ткацкихъ“ была выпуще 30-го мая. Привожу ее здѣсь:

Чего требуютъ рабочіе Петербургскихъ бумагопрядиленъ ткацкихъ.

1) Мы хотимъ, чтобы рабочій день у насъ продолжался о 7 ч. утра до 7 ч. вечера, вмѣсто теперешнихъ отъ 6 ч. утра 8 ч. вечера.

2) Чтобы обѣденное время длилось полтора часа и, таки образомъ, весь рабочій день продолжался 10½ час. вмѣсто 13 ч

3) Чтобы расцѣнки были повышены такъ, чтобы наши за ботки не уменьшились бы.

4) Чтобы шабашили по субботамъ вездѣ одновременно 2 часа.

5) Чтобы хозяева самовольно не останавливали машинъ и пускали ихѣ въ ходъ раньше времени.

6) Чтобы заработокъ за первую половину мѣсяца выдавали пр вильно и во время, а не оттягивали.

7) Чтобы было заплачено сполна за коронаціонные дни.

Союзъ Борьбы за Освобожденіе рабочаго класса.
30-го мая 1896 г.

Черезъ день былъ выпущенъ новый листокъ:

Къ рабочимъ всѣхъ Петербургскихъ бумагопрядиленъ.

Долго терпѣли мы, рабочіе Петербургскихъ бумагопрядилен и наконецъ не выдержали. Невтерпежъ намъ больше стало раб тать до изнеможенія силъ, сносить хозяйскія прижимки, видѣ какъ каждый день насъ обсчитываютъ и обвѣшиваютъ, какъ чу не каждые полгода сбавляютъ расцѣнокъ. А въ послѣдніе д пуще прежняго проявилась жадность хозяевъ. Жалко нашимъ б гачамъ стало даже тѣхъ грошей, что причитались намъ за д

нечно, спросите, какъ и почему онѣ не работали? Очень просто, то рищи; тамъ, какъ видно, наши братья рабочіе поняли, что 15 часов рабочій день выгоденъ для хозяевъ, но слишкомъ вреденъ для раб чихъ. Вотъ это то человѣческое сознаніе и побудило ихъ прекрати работы и требовать сокращенія рабочаго дня на 2½ час.

Товарищи! Послѣдуемъ же и мы ихъ примѣру, потребуемъ и дружно, въ одинъ голосъ сокращенія рабочаго дня на столько же, *сколько требуютъ* наши ново-канавскіе братья, т. е. на 2½ часа. Д *вольно съ нихъ и* того, что они будутъ пить нашу кровь 10 или *час., а никакъ не* 14 и 15 час. въ сутки».

коронаціи; не захотѣли они и отдохнуть то дать хорошенько отъ работы; такая, молъ, это скотина, что въ отдыхѣ особенно не нуждается.

Довольно! сказали мы тогда себѣ. Довольно мы молча и безропотно слушались нашихъ хозяевъ! Долго мы ждали отъ нихъ улучшенія своего положенія, но ничего не дождались. И рѣшили мы сами добиваться всего. Не хотятъ они уступить, будемъ мы требовать. А нужно намъ требовать прежде всего:

1) Чтобы рабочій день продолжался отъ 7 ч. утра до 7 ч. вечера съ полутора-часовымъ перерывомъ на обѣдъ, т. е. всего 10½ часовъ; чтобы въ субботу вездѣ шабашили въ 2 часа.

2) Чтобы расцѣнки были повышены такъ, чтобы заработки не уменьшились.

3) Чтобы были уничтожены всѣ несправедливыя, незаконныя прижимки и чтобы было заплачено за коронаціонные дни.

Будемъ спокойно выжидать, пока хозяева не согласятся на наши требованія. Не уступятъ они черезъ недѣлю, будемъ ждать вторую; не сдадутся на второй, подождемъ третью; не согласятся и тогда, еще будемъ ждать. Довольно съ нихъ будетъ нашего каторжнаго труда и въ теченіе 10½ часовъ! Достаточно они прибыли и безъ того отъ насъ имѣютъ.

Товарищи, будемъ помнить, что взоры рабочихъ всего міра обращены теперь на насъ. Они съ восторгомъ привѣтствуютъ въ насъ борцовъ за рабочее дѣло. Петербургскіе рабочіе всячески стараются прійти къ намъ на помощь, устраивая по мастерскимъ сборы въ нашу пользу.

Покажемъ и мы, что рабочій народъ умѣетъ добиваться исполненія своихъ требованій, будемъ дѣйствовать дружно и спокойно, безъ буйства и насилій, и побѣда навѣрное останется за нами!

Союзъ Борьбы за Освобожденіе рабочаго класса.

1-го іюня 1896 г.

За стачками на Обводномъ и за Нарвской и Невской заставами, забастовка распространилась въ первыхъ числахъ іюня на Выборгскую и Петербургскую стороны (мануфактуры: „Сампсоньевская“ „Новая Сампсоньевская“, „Охтенская“, „Бека“, „Невка“), захватила и Васильевскій островъ (Воронина, бывш. Гука, сахарный заводъ Шухера). Примкнули кой какія мелкія заведенія. Пошли волненія на „Россійско-Американской резиновой мануфактурѣ“, на Путиловскомъ и Балтійскомъ заводахъ, на писчебумажной фабрикѣ Варгунина.

Рабочія собранія и сходки происходили непрерывно. Наиболѣе горячее произошло въ первыхъ числахъ іюня на Волковомъ *кладбищѣ*. Сознательные рабочіе хотѣли по-

лучше разъяснить политическое значеніе этой невиданной стачки. Благодаря преслѣдованію сыщиковъ и полиціи собраніе продолжалось очень недолго, по той-же причинѣ на немъ было лишь около сотни рабочихъ. Многіе, въ томъ числѣ и интеллигентъ представитель Союза, не попали во-время, благодаря травлѣ сыщиковъ. Потомъ приходило много рабочихъ, но было поздно. Тѣмъ не менѣе это собраніе было замѣчательно по своему духу. Тамъ было высказано глубочайшее негодованіе рабочихъ на отношеніе правительства къ рабочему классу и его нуждамъ.

Кромѣ общихъ листковъ съ требованіями всѣхъ забастовавшихъ фабрикъ, Союзъ выпускалъ листокъ за листкомъ къ рабочимъ отдѣльныхъ фабрикъ, на основаніи собранныхъ свѣдѣній о частныхъ злоупотребленіяхъ и неустройствахъ той или другой фабрики. Въ каждомъ такомъ листкѣ излагалось общее положеніе дѣлъ и положеніе дѣлъ на данной фабрикѣ, рабочіе приглашались стоять дружно; и затѣмъ къ общимъ требованіямъ всѣхъ забастовщиковъ присоединялись еще частныя требованія рабочихъ именно этой фабрики. Иногда рабочіе сами составляли листокъ и просили его напечатать и издать отъ имени Союза; были случаи, что пускались въ ходъ рукописные листки и гуляли съ большимъ успѣхомъ. Кромѣ вышеприведеннаго „Обращенія", мнѣ извѣстны еще листокъ путиловскій—„Братья-рабочіе" и „Совѣтъ".

Послѣдній листокъ очень своеобразенъ. Онъ былъ написанъ съ грамматическими ошибками довольно „сѣрымъ" рабочимъ, стоявшимъ до того времени въ сторонѣ отъ кружковъ и организацій. Привожу его здѣсь потому, что онъ можетъ дать понятіе о настроеніи рабочихъ, начинавшихъ сознавать свое положеніе.

Гг. рабочимъ петербургскихъ фабрикъ

Совѣтъ.

Начатая нами стачка для улучшеніи нашего положенія начинаетъ колебаться и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ перевѣсъ въ нашу пользу, но, къ сожалѣнію, многіе падаютъ духомъ и поддаются работѣ на прежнихъ основаніяхъ.

Гг. рабочіе! прошу не выдавайте себя на смѣхъ, не сдавайтесь ни одинъ до тѣхъ поръ, пока не установятъ требуемыхъ нами правилъ. Начатое вами дѣло очень важное. Объ этомъ дѣлѣ, т. е. объ улучшеніи нашего положенія много хлопотали люди, которыхъ мы должны благодарить; но вотъ глупость, которая ярко отражается на рабо-

чемъ людѣ: мы вмѣсто благодарности платимъ зломъ, которое и сами не замѣчаемъ. Мы ихъ топимъ, выдаемъ своими необдуманными восклицаніями; многіе за насъ навѣчно страдаютъ на каторгѣ, но мы этого не замѣчаемъ и не дорожимъ нашими ревнителями. Но сольемтесь, братцы, въ одинъ духъ и будемъ стойко бороться за улучшеніе нашего положенія, сами будемъ грудью стоять въ помощь нашимъ ревнителямъ. Замѣтьте, что рабочій классъ прочихъ державъ радъ за насъ, какъ только услышатъ, что русскіе настаиваютъ на улучшеніи своего положенія. Конечно, вамъ покажется страннымъ, что иностранцы такъ вліятельны (?). Я долженъ бы вамъ объяснить, но много времени заберетъ это объясненіе, но вы и сами это поймете, когда прибѣгнете къ образованію.

Гг. рабочіе-товарищи! Обратите вниманіе и вашъ взглядъ на жизнь свою. Если бы вамъ пришлось встрѣтить иностранца, по чину равнаго себѣ, то вы сразу сознаетесь, что вы противъ ихъ дикари. Они также были угнетаемы своими хозяевами, но благодаря ихъ острому понятію давно улучшили свое положеніе.

Они по нашему въ часы отдыха не валяются въ грязи, въ рваной одежѣ около кабаковъ и трактиронъ, не относятся съ ругательствомъ и нерѣдко съ побоями къ своимъ товарищамъ, какъ русскій мужикъ, а собираются вмѣстѣ и толкуютъ объ улучшеніи, или же захочетъ развеселиться, то садится на велосипедъ и ѣдетъ кататься и вмѣстѣ съ тѣмъ развиваетъ свою мускульную силу.

Такъ будемъ, братцы, помогать другъ другу впродолженіи этой стачки. У кого есть, то постараемся дать сосѣду, у котораго страдаетъ отъ голода все семейство; онъ возьметъ на ваши 30 коп. хлѣба и прокормится нѣсколько дней. Что дѣлать, надо потерпѣть, зато улучшимъ положеніе.

Привожу здѣсь нѣсколько сценъ, переданныхъ очевидцами, происходившихъ при началѣ забастовокъ.

„На Новой бумагопрядильнѣ, лишь только пришли извѣстія о стачкахъ на Екатерингофской и Кениговской, пошло сильное волненіе. 30 мая съ самаго утра подручные не явились на работу. Въ 9 часовъ прядильщики стали уходить съ фабрики, говоря что они не могутъ работать безъ подручныхъ. Послѣ обѣда фабрика окончательно стала: къ стачкѣ присоединились и ткачи. Каждаго рабочаго и работницу, которые являлись послѣ обѣда къ воротамъ фабрики, молодые рабочіе останавливали: „Куда идешь?“ — „*Вѣстимо, на работу.*“ — „Стой!“ Такъ у воротъ

собралась громадная толпа. Появился управляющій и фабричный инспекторъ.

— Чего вы хотите? —спрашиваетъ управляющій.

— Работать только отъ 7 ч. утра до 7 ч. вечера.

— Отчего же вы работать не хотите? Фабрика у насъ хорошая; чѣмъ же вы недовольны? Я думалъ, что вы будете молодцами и не бросите работы, несмотря на стачки на другихъ фабрикахъ.

„Фабричный инспекторъ сталъ читать рабочимъ законы о стачкахъ и приглашалъ возобновить работу. Тогда изъ толпы вышелъ одинъ молодой рабочій (ткачъ) и началъ говорить о бѣдственномъ положеніи рабочихъ и говорилъ очень хорошо. Потомъ нѣкоторые рабочіе благодарили его и жали ему руки. „Зачѣмъ,—говорилъ онъ,—у насъ школы строятъ, когда намъ въ нихъ учиться не даютъ?“

„Рабочимъ наскучили и управляющій, и фабричный инспекторъ съ его законами, потому съ криками „ура!“ они удалились отъ воротъ. Потомъ опять къ воротамъ фабрики подходили кучки и расходились съ тѣми же криками.“

„На Петровской и Спасской фабрикахъ (онѣ же Максвелля) стачки начались въ корпусѣ мюльщиковъ, гдѣ мальчики первыми бросили работу. Ткацкую остановили подручные, давъ знать въ паровое отдѣленіе, чтобы остановили машины. Узнавъ объ этомъ, управляющій сказалъ, что онъ давно этого ждалъ. Пришелъ приставъ и просилъ рабочихъ обходиться безъ буйствъ; онъ-де давно служитъ въ Шлиссельбургскомъ участкѣ и никогда у него никакихъ безпорядковъ не бывало. Рабочіе заявили, что все будетъ спокойно, если только не будетъ полиціи. Вскорѣ пріѣхалъ окружной фабричный инспекторъ вмѣстѣ съ участковымъ, и оба прошли прямо въ контору. Рабочимъ было предложено выбрать человѣкъ 5, которые изложили бы ихъ желанія. Начали было выбирать, но раздались голоса, что выбирать совсѣмъ не надо. Пусть инспекторъ самъ выйдетъ и разговариваетъ со всѣми. Оба инспектора вышли. Окружной строго обратился къ рабочимъ, но, получивъ нѣсколько рѣзкихъ отвѣтовъ, онъ измѣнилъ тонъ и началъ уговаривать рабочихъ приняться за работу. Онъ указывалъ имъ, что ихъ образъ дѣйствій по закону считается уголовнымъ преступленіемъ. Тѣмъ не менѣе рабочіе наотрѣзъ отказались приняться за работу и заявили свои требованія: $10^1/_2$ ч. рабочій день, увеличеніе расцѣнковъ и уничтоженіе произвольныхъ штрафовъ. Участковый фаб-

ричный инспекторъ на это заявилъ имъ, что проектъ о сокращеніи рабочаго дня до $10^1/_2$ ч. уже у государя.

— Когда же этотъ проектъ будетъ подписанъ? спросили рабочіе.

— Года черезъ два.

— Ну такъ мы лучше сейчасъ забастуемъ,—отвѣтили на это рабочіе.

— Все равно голодъ скоро заставитъ васъ снова приняться за работу,—замѣтилъ инспекторъ.

— Помирать на мостовой будемъ, а работать на прежнихъ условіяхъ не пойдемъ!—раздалось въ отвѣтъ со всѣхъ сторонъ.

«На другой день фабричной администраціей было вывѣшено объявленіе, приглашающее всѣхъ желающихъ работать явиться въ понедѣльникъ къ 6 часамъ утра на работу. Явились только немногіе, но и тѣ были задержаны толпой, поджидавшей ихъ у фабричныхъ воротъ".

Союзомъ выпускались листки и для поддержанія колеблющагося духа бастующихъ на той или другой фабрикѣ, и для приглашенія къ стачкѣ тѣхъ фабрикъ, которыя еще не стали. Бывало, что подъ вліяніемъ листка стачечники, принявшіеся было за работу, снова бросали ее, какъ, напримѣръ, у Кенига.

Союзъ по силѣ возможности старался помогать и деньгами. Но какъ уже было сказано, у него не было достаточно средствъ, чтобы оказать существенную денежную помощь. Въ этомъ отношеніи деньги, раздаваемыя Союзомъ, имѣли, мнѣ кажется, болѣе нравственное значеніе, чѣмъ матеріальное. Одни слухи о томъ, что Союзъ помогаетъ, равно какъ и о томъ, что заграничные рабочіе обѣщали свою помощь, поднимали падающій духъ не у одной сотни рабочихъ.

Но матеріальную помощь, и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, оказывали рабочіе большихъ механическихъ заводовъ, поставленные, въ смыслѣ заработка, въ лучшія условія, чѣмъ какіе-либо другіе рабочіе. На заводахъ шли правильно организованные сборы по мастерскимъ. Деньги немедленно же и непосредственно передавались стачечникамъ. Къ несчастію нѣтъ рѣшительно никакой возможности, хотя бы приблизительно, опредѣлить сумму, собранную такимъ путемъ. Давалъ всякій, кто могъ. Я знаю даже случай присылки рабочимъ 5 рублей на стачку... изъ предварилки! Былъ моментъ, когда шли усиленные толки *о забастовкѣ на* большихъ механическихъ заводахъ

подъ вліяніемъ прокламацій Союза. Возможно, что забастовка заводовъ была бы очень умѣстна; въ Союзъ поступили свѣдѣнія, что министерства внутреннихъ дѣлъ и финансовъ сильно боялись, чтобы не стали заводы,—тогда, молъ, ни за что не сладить, придется пойти на уступки. Однако стачки на заводахъ не состоялось. На сколько я знаю, среди рабочихъ механическихъ заводовъ, возражавшихъ противъ стачки, выдвигалось такое соображеніе: кто же будетъ помогать забастовщикамъ, если и они забастуютъ?

Союзъ въ своихъ прокламаціяхъ приглашалъ рабочихъ стоять дружно и стойко, не производить ни безпорядковъ, ни буйствъ, которые были бы лишь на руку полиціи. И дѣйствительно, спокойствіе и выдержанность забастовщиковъ поразили всѣхъ и особенно правительство.

Впрочемъ бывали и такіе случаи. Соберется толпа человѣкъ въ сто. „Ребята! Идемъ на Петербургскую! Мы всѣ тутъ стоимъ, стоитъ весь Обводный, а тѣ работаютъ!“ — говоритъ какой-нибудь ораторъ. „Къ Гуку“— раздается въ толпѣ. И вотъ утромъ у какого-нибудь „Гука“ или „Бека“ происходила свалка. Камни изъ мостовой летѣли въ окна, попадали порой и въ машины. Часомъ или двумя позднѣе можно было видѣть идущую по городу толпу рабочихъ, оцѣпленную полиціей... Это вели „подстрекателей“ въ какой-нибудь не заполненный еще участокъ, гдѣ держали нѣсколько часовъ или дней, потомъ высылали. Въ этихъ толпахъ, попадавшихся на улицахъ Петербурга, вы могли увидѣть и довольно хорошо одѣтыхъ „квалифицированныхъ“ и бѣдно одѣтыхъ чернорабочихъ, даже молодыхъ матерей съ ребятами на рукахъ, и отца съ шагавшимъ подлѣ сынишкой. И шли они часто даже какъ будто веселые; и невольно вспоминались слова „Коммунистическаго Манифеста“ „...имъ нечего терять, кромѣ цѣпей“. Впрочемъ они шли съ сознаніемъ исполненнаго дѣла: у „Гука“ или „Бека“ уже начиналась забастовка.

Какъ-то, проѣзжая мимо Обводнаго, я видѣлъ такого рода сцену. Передъ Калинкинской мануфактурой стояла толпа народу. Среди нея на кучахъ наваленнаго булыжника тамъ и сямъ возвышались надъ толпой отдѣльные рабочіе. Мнѣ было не видно, читали ли они что-нибудь или говорили рѣчь предъ рабочимъ собраніемъ.. А вокругъ толпы смиренно ходили городовые и околоточные не вмѣшиваясь въ „чужое“ дѣло. По неволѣ приходили

въ голову тѣ далекія отъ насъ страны, гдѣ рабочіе могутъ свободно организовываться и собираться на митинги. Когда-то, думалось мнѣ, у насъ настанетъ то время когда полицейскіе не будутъ вмѣшиваться „въ чужія дѣла“ не изъ боязни толпы, а изъ признанія ея *права* собираться!?

Помню также случай, кажется, на „Новой“ бумагопрядильнѣ. Городовой, поставленный „смотрѣть“ за рабочими, замѣтилъ на мостовой свертокъ. Это была только что изданная прокламація Союза, но по какой то случайности не дошедшая до „Новой“ бумагопрядильни. Поднявши свертокъ и прочтя прокламацію, блюститель порядка нашелъ, что „хорошо написано, справедливо сказано“, и передалъ свертокъ обступившей толпѣ рабочихъ, „завѣряя“, что ихъ дѣло правое и они навѣрное получатъ свое...

Но... такія идилліи бывали изрѣдка и лишь въ первые дни стачки. Мало-по-малу наши „охранители“ оправились отъ смущенія, вызваннаго этой неожиданной стачкой и рѣшились попытаться терроризировать рабочихъ и такимъ путемъ задавить движеніе. По распоряженію градоначальника, рабочіе кварталы стали запружать отрядами казаковъ, жандармовъ и даже пѣхоты. (Новочеркасскій полкъ былъ поставленъ около Торнтона). Отряды городовыхъ (человѣкъ около 100) селились въ близь лежащихъ трактирахъ, гдѣ они жили, ѣли и пили на счетъ фабрикантовъ, которые ихъ сюда пригласили, чтобы имѣть ихъ всегда наготовѣ. На фабрикахъ, гдѣ еще продолжалась работа, и на заводахъ шныряли шпіоны и полиція. Правительство разослало всѣмъ мировымъ судьямъ секретный циркуляръ, предписывая разбирать дѣла фабрикантовъ съ рабочими не по закону, а по обычаямъ, какіе существуютъ на каждой фабрикѣ.

Стали арестовывать всѣхъ, кто казался „подозрительнымъ“, вѣрнѣе, кто попадался подъ руку. Тюрьмы были переполнены. Для допроса водили въ „Окружный судъ“ за неимѣніемъ мѣста въ „жандармскомъ“. Допытывались, главнымъ образомъ, кто распространяетъ листки. Конечно, рѣдко чего добивались. Если у кого находили въ карманѣ листокъ, у обвиняемаго всегда наготовѣ былъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ — нашелъ на улицѣ, ибо во многихъ случаяхъ такъ и было.

По опустѣвшимъ улицамъ рабочихъ районовъ передвигались отряды жандармовъ и казаковъ. Петербургъ казался *на военномъ положеніи*. Можно было бы подумать,

что на улицахъ его совершается революція. Да и дѣй ствительно революція совершалась, но только не на ули цахъ Петербурга, а въ головахъ петербургскихъ рабочихъ Но объ этомъ потомъ.

Хотя, благодаря лѣту, въ Петербургѣ не было наиболѣ отзывчивой учащейся молодежи, однако слухи о стачк взбудоражили „общество". Ходили толки вкривь и вкось и вообще *стачки* сдѣлались на время злобой дня. Чтоб привлечь общественное вниманіе къ этой, небывалой в Россіи по своимъ размѣрамъ и стройности, борьбѣ рабо чихъ за свои интересы, Союзъ Борьбы издалъ прокла мацію „Къ русскому обществу", которая была разослан по городу въ нѣсколькихъ сотняхъ экземпляровъ.

Градоначальникъ, съ одной стороны, посылая отряд казаковъ, полицейскихъ, жандармовъ и сыщиковъ, думал застращать рабочихъ; съ другой стороны, думалъ подѣй ствовать убѣжденіями и воззваніями къ „патріотическому чувству. „Успокойтесь",—говорилъ онъ.—„Подумайте, чт царю надо возвращаться домой. Какъ же онъ въѣдетъ в бунтующую столицу?" „Увѣщанія" не помогали, все шл по прежнему. Стачки продолжались, на заводахъ шли толк и волненія. Союзъ издавалъ прокламаціи ежедневно, иногд даже по 2 — 3 въ день. Прокламаціи кой гдѣ читалис безъ всякаго стѣсненія, иногда даже на улицахъ. Во мно гихъ прокламаціяхъ, иногда даже по спеціальной просьб рабочихъ, выставлялось требованіе—освободить арестован ныхъ. Рабочіе не разъ ходили толпами къ участкамъ требовали выпустить заключенныхъ и, случалось, добива лись своего.

Градоначальникъ отъ увѣщаній снова переходилъ к „устрашенію". Начались повальные обыски (обыскивали цѣ лыми домами) и повальные аресты. Не было мѣста в тюрьмахъ и участкахъ, начали сажать въ манежъ. Пошл массовыя высылки на родину. Стали силою принуждат рабочихъ итти на работу. Конные жандармы, напавши н толпу рабочихъ на улицѣ, гнали ее по направленію к фабрикѣ и загоняли во дворъ... Околоточные и городовые въ сопровожденіи дворниковъ, по утрамъ врывались в квартиры, стаскивали рабочихъ съ постелей, полураздѣ тыхъ женщинъ отрывали отъ дѣтей и тащили на фабрик Рабочіе прятались, куда могли: на чердаки, въ отхожі мѣста. Происходили раздирающія сцены...

Стачка продолжалась. Мѣры насилія не помогали, пу *скались въ ходъ* хитрости. Встаютъ утромъ рабочі, ви

дятъ изъ фабричныхъ трубъ валитъ дымъ. На минуту западаетъ сомнѣніе, „ужъ не начали ли работать?“ Въ окнахъ фабрикъ мелькали фигуры рабочихъ... то бишь дворниковъ, переодѣтыхъ рабочими. Конечно, въ концѣ концовъ всѣ эти выдумки возбуждали лишь смѣхъ.

По предложенію градоначальника, рабочіе не разъ отправляли къ нему депутаціи. Рабочіе надѣялись убѣдить его въ томъ, что ихъ дѣло правое, и нѣкоторые думали даже, что градоначальникъ можетъ склонить фабрикантовъ къ уступкамъ. Конечно, изъ депутацій ничего не выходило. Даже жандармскіе офицеры порой пробовали заговаривать съ рабочими, критикуя листки Союза, а рабочіе вступали въ споръ и отстаивали „свои“ листки.

Рабочіе постоянно собирались и также постоянно ихъ разгоняли. Усердіе полиціи дошло до того, что полицейскіе дѣлали обходы даже по полямъ и избивали попадающихся имъ навстрѣчу рабочихъ. Рабочіе собирались въ полѣ, чтобы въ свободное время, на вольномъ лѣтнемъ воздухѣ, почитать и поучиться политической экономіи. Правительство же своими преслѣдованіями наглядно ихъ учило русскому государственному праву. Если не удавалось устраивать собраній и въ полѣ, рабочіе забирались куда-нибудь подальше, въ лѣсъ. Однажды было собраніе даже на взморьѣ. Рабочіе лежали въ камышахъ и лежа совѣщались.

Послѣ этого отъ полиціи было временное распоряженіе, совершенно непонятное для публики: на взморьѣ были поставлены городовые и не позволяли катавшейся публикѣ выходить на берегъ подъ предлогомъ, что это запрещено градоначальникомъ въ виду де повторяющихся въ этихъ мѣстахъ оргій (!!).

Беззаконныя дѣйствія властей и ихъ насильственныя мѣры не приводили стачку къ желанному концу. Снова было рѣшено дѣйствовать „убѣжденіемъ“. На стѣнахъ фабрикъ и на заборахъ появился циркуляръ градоначальника, взывающій къ „разсудительности“ рабочихъ.

„Отъ С.-Петербургскаго градоначальника симъ объявляется прекратившимъ работу и присоединившимся къ стачкѣ рабочимъ, — говорилось въ циркулярѣ, — что всѣ претензіи и требованія ихъ, послужившія предлогомъ и поводомъ къ забастовкѣ, останутся безъ всякаго разсмотрѣнія до тѣхъ поръ, пока рабочіе не станутъ на работу. Когда же рабочіе приступятъ къ обычнымъ занятіямъ согласно правиламъ внутренняго распорядка, установленнаго на фабрикахъ, жалобы и заявленія ихъ будутъ подверг-

нуты надлежащему разсмотрѣнію чинами фабричной инспекціи. И жалобы, подлежащія удовлетворенію согласно закону (устава о промышленности), будутъ удовлетворены немедленно. Тѣ же заявленія, которыя не могутъ быть удовлетворены по силѣ дѣйствующихъ законовъ, будутъ представлены на усмотрѣніе высшаго начальства.

Градоначальникъ ген.-майоръ *Клейгельсъ.*
10-го іюня 1896 г."

На другой день, для большей внушительности, „убѣжденіе" было подкрѣплено угрозой разсчитать и выслать на родину всѣхъ, кто не примется за работу.

Наконецъ, на сцену выступило само „царское правительство", въ лицѣ министра финансовъ Витте, со своей знаменитой прокламаціей къ рабочимъ, отъ 15 іюня, объявляющей, что „правительству одинаково дороги какъ дѣла фабрикантовъ, такъ и рабочихъ". Отмѣчу одинъ курьезный эпизодъ при распространеніи этой прокламаціи. Министерская прокламація, какъ ей и надлежитъ быть, была расклеена на стѣнахъ и заборахъ и раздавалась полицейскими. Но во многихъ мѣстахъ рабочіе проходили мимо и не читали ее, а получая отъ полицейскихъ, просто рвали и бросали съ упоминаніемъ всѣхъ родителей. Тогда кое гдѣ усердные городовые начали разбрасывать прокламаціи подобно тому, какъ разбрасывались листки Союза. „Было уморительно смотрѣть, — говорили нѣкоторые рабочіе, — какъ слуги правительства не нашли ничего лучшаго, какъ подражать въ тактикѣ Союзу".

Между тѣмъ крайняя нужда начинала дѣйствовать. Среди рабочихъ начались разговоры о прекращеніи забастовки, колебанія... Этому способствовали отчасти и неопредѣленныя обѣщанія правительства. Кое гдѣ фабриканты обѣщали сдѣлать кой какія частныя улучшенія и уступки; что же касается главныхъ требованій, то слышались лишь одни обѣщанія разсмотрѣть дѣло. Листки Союза, призывавшіе къ продолженію стачки, уже не производили никакого дѣйствія. Одна фабрика за другой становилась на работу.

Наконецъ, къ 18-му іюня стачка улеглась. Рабочіе всюду вновь вернулись къ своимъ станкамъ, *но уже не тѣми, какими отъ нихъ отошли.* За время стачки рабочимъ пришлось столкнуться съ правительствомъ лицомъ къ лицу, и столкновеніе не прошло безслѣдно. Съ одной стороны, „увѣщанія", подкрѣпляемыя угрозами, съ другой стороны, крутыя мѣры, примѣняемыя къ мирнымъ заба-

стовщикамъ, производили настоящую революцію въ головахъ даже наименѣе сознательныхъ и наиболѣе забитыхъ рабочихъ, заставляя ихъ задуматься надъ вопросомъ, кто ихъ дѣйствительные друзья и защитники ихъ интересовъ и кто ихъ угнетатели и враги. По свидѣтельству самихъ рабочихъ, подъ вліяніемъ всѣхъ событій за время стачки, измѣнилось отношеніе широкихъ слоевъ рабочихъ къ соціалистамъ и агитаторамъ и къ нелегальной соціалистической литературѣ. Среди массы рабочихъ обнаружилась такая жажда знанія, такое стремленіе выяснить многія стороны окружающей дѣйствительности и найти выходъ, какихъ до того времени никогда не замѣчалось. Тѣмъ, чѣмъ раньше интересовались лишь единицы и десятки, теперь стали интересоваться тысячи. Спросъ на нелегальную литературу достигъ небывалыхъ до того времени размѣровъ и далеко превысилъ предложеніе.

Правительству и другимъ классамъ общества впервые пришлось взглянуть на рабочій классъ, какъ на новую народившуюся общественную силу. Для правительства и реакціонеровъ стало уже поздно повторять избитую ложь, что у насъ въ Россіи нѣтъ рабочаго вопроса, и хвастаться „патріархальными отношеніями“ хозяевъ къ рабочимъ, якобы царящими на русскихъ фабрикахъ.

Несмотря на все желаніе, движенія нельзя было скрыть, ибо оно было вынесено, какъ говорится, на улицу и благодаря прокламаціямъ Союза получило широкую огласку. Весь Петербургъ могъ провѣрить то, что писалось въ листкахъ. Дѣлать было нечего, и правительство, умудренное горькимъ опытомъ, пускается на новую штуку — объявить оффиціально о забастовкахъ. И вотъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ № 158 появляется памятное всѣмъ интересующимся рабочимъ дѣломъ сообщеніе правительства о стачкахъ рабочихъ Петербурга. Конечно, сообщеніе было тотчасъ же перепечатано другими газетами и облетѣло всѣ даже самые отдаленные уголки Россіи. Правительство постаралось однако и тутъ слукавить: чтобы умалить грандіозность движенія оно убавило число забастовщиковъ больше, чѣмъ на половину. Любопытно также, что на этотъ разъ члены Союза Борьбы и другихъ революціонныхъ организацій изъ „*подстрекателей*“, какими они являлись въ прежнихъ секретныхъ циркулярахъ министра Витте, превратились въ „злонамѣренныхъ личностей“, которыя „*пытались воспользоваться уже совершившимися стачками съ цѣлью придать имъ преступный политическій характеръ*“.

Какъ бы въ отвѣтъ на всѣ эти правительственныя сообщенія, осенью Союзомъ была выпущена длинная прокламація, которая обличала лицемѣріе правительства, разъясняла рабочимъ его поведеніе и выясняла важность и значеніе стачекъ вообще.

Итакъ, стачка кончилась. Главныя требованія рабочихъ— уменьшеніе рабочаго дня и соотвѣтственное повышеніе расцѣнковъ—не были выполнены.

Правительствомъ была образована изъ фабричныхъ инспекторовъ и градоначальника комиссія для изслѣдованія причинъ забастовокъ. Фабричнымъ инспекторамъ было поручено составить описаніе фабрикъ и условій работы. Несмотря на всю осторожность и сдержанность ихъ авторовъ, эти описанія нарисовали довольно некрасивую картину. Министръ финансовъ выразилъ фабричнымъ инспекторамъ свое неудовольствіе по поводу того, что они могли допустить существованіе такихъ вопіющихъ безобразій. Неудовольствіе было выражено и самимъ фабрикантамъ *), и нѣкоторые изъ послѣднихъ были обязаны подпиской безусловно устранить кой-какія безобразія, всплывшія наружу во время стачекъ Такимъ образомъ кое-гдѣ было уплачено за лишнія минуты, которыя оттягивались у рабочихъ ежедневно по утрамъ и вечерамъ, благодаря тому, что машины пускались въ ходъ раньше времени и останавливались позже. Кое-гдѣ были удалены мастера-взяточники; была уничтожена чистка машинъ въ нерабочее время; кое-гдѣ была улучшена питьевая вода. На нѣкоторыхъ фабрикахъ были выданы деньги за коронаціонные дни, а на Екатерингофской даже выдали половинную плату за недѣлю стачки всѣмъ рабочимъ, кромѣ мюльщиковъ.

---

*) Дабы кто-нибудь на основаніи этого не заподозрилъ г. Витте въ пристрастіи и въ симпатіи къ рабочимъ и ихъ нуждамъ, не могу здѣсь не отмѣтить очень важнаго факта, касающагося поведенія Витте во время стачекъ: онъ въ своемъ усердіи поддержать «престижъ власти» превзошелъ даже министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ Союзъ было сообщено, что еще въ самомъ началѣ стачекъ происходило экстренное засѣданіе, гдѣ присутствовали министры финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, градоначальникъ съ помощникомъ и фабричные инспектора. Витте настаивалъ, *чтобы во время стачки рабочимъ не было сдѣлано никакихъ уступокъ*, хотя на собраніи было выяснено, что многіе фабриканты *готовы пойти* на уступки. Требованіе Витте было горячо поддержано *старшимъ* фабричнымъ инспекторомъ Рыковскимъ.

Но не объ этихъ результатахъ, добытыхъ стачкой 30000 ткачей и прядильщиковъ, приходится намъ говорить, если мы желаемъ отмѣтить наиболѣе крупные плоды этой борьбы. Главное значеніе этой стачки заключалось, во первыхъ, въ томъ, что она дала сильный толчекъ развитію классоваго самосознанія широкихъ массъ рабочихъ. Во вторыхъ, стачка имѣла огромное организаціонное значеніе для развитія профессіональной борьбы рабочихъ.

Что стачка дала огромный толчекъ развитію классоваго самосознанія, это достаточно доказано измѣненіемъ отношеній широкихъ круговъ рабочихъ къ кружковымъ рабочимъ, къ соціалистамъ и къ агитаторамъ. Это достаточно доказано также небывалымъ спросомъ на нелегальную брошюрную литературу пропагандистскаго характера и требованіемъ книгъ политическаго содержанія.

Что касается организаціоннаго значенія стачки, то объ этомъ говоритъ уже самый фактъ, что это былъ не рядъ стачекъ рабочихъ различныхъ фабрикъ и заводовъ, а общая мѣстная стачка рабочихъ почти всѣхъ бумагопрядиленъ и ткацкихъ Петербурга, общая стачка почти всѣхъ петербургскихъ рабочихъ, занятыхъ въ данной отрасли производства. Стачка дѣйствительно велась сообща, требованія стачечниковъ были сообща выработаны на особомъ совѣщаніи рабочихъ представителей отъ фабрикъ. Несмотря на затрудненія, которыя ставитъ правительство, были организованы сборы. И, какъ послѣдствіе стачки, остались кое-гдѣ возникшія за время стачки фабричныя стачечныя кассы.

Правда, стачка была широкою, но лишь временною профессіональною организаціею. Она была лишь временнымъ цеховымъ союзомъ рабочихъ даннаго производства. Что изъ того? Возникновеніе такихъ союзовъ для русскихъ рабочихъ было особенно важно въ виду тѣхъ непреодолимыхъ препятствій, какія наше правительство ставитъ организаціи постоянныхъ боевыхъ цеховыхъ рабочихъ союзовъ, руководимыхъ рабочими безъ всякаго вмѣшательства полицейской опеки.

Итакъ, резюмируя главное значеніе стачки въ немногихъ словахъ, мы говоримъ, что лѣтняя стачка имѣла огромное значеніе съ двухъ сторонъ: во первыхъ, *для развитія широкаго классоваго самосознанія рабочихъ, а слѣдовательно, для дальнѣйшаго развитія и расширенія нашего соціалдемократическаго движенія:* во вторыхъ, *для развитія профессіональнаго движенія.*

Перечисленіе результатовъ лѣтней стачки было бы не

полнымъ, если бы мы не упомянули о томъ впечатлѣніи, какое произвела борьба петербургскихъ рабочихъ на рабочихъ всей Россіи. Всѣмъ памятны тѣ волненія среди рабочихъ, которыя происходили въ то время въ Москвѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Само правительство помогало этому, высылая стачечниковъ изъ Петербурга. Никогда не забуду разсказа одного ткача, которому послѣ стачки пришлось работать на Хлудовской мануфактурѣ.

„Насъ, — разсказывалъ этотъ рабочій,—поступило на Хлудовскую довольно много. Приняли насъ со всѣмъ удовольствіемъ, потому что въ провинціи всякому фабриканту выгодно имѣть ткача, обученнаго въ столицѣ. Сколько насъ ни пришло, всѣ получили работу. Когда рабочіе узнали, что мы изъ Питера, какъ мухи начали льнуть. Разскажи да разскажи о стачкѣ. Ну и разсказываешь. Слушаютъ да удивляются. Вотъ такъ молодцы, говорятъ. И намъ бы, ребята, такъ надо; долго ли мы будемъ терпѣть. И пошли ходить исторіи про нашу славную стачку, про Союзъ, про листки и про наши требованія“.

Необходимо также отмѣтить то впечатлѣніе, какое стачка произвела на сознательныхъ рабочихъ за границей. Она была, собственно говоря, первымъ фактомъ, который вполнѣ осязательно свидѣтельствовалъ предъ лицомъ европейскихъ рабочихъ о выступленіи русскаго пролетаріата на сознательную борьбу за лучшее будущее. Англійскіе рабочіе привѣтствовали своихъ петербургскихъ собратьевъ особымъ „адресомъ“. Это обращеніе было подписано вождями всѣхъ соціалистическихъ организацій и важнѣйшихъ профессіональныхъ союзовъ Англіи. Переведенное по-русски оно было распространено среди петербургскихъ рабочихъ и произвело на нихъ сильное впечатлѣніе. Подлинникъ обращенія хранился въ архивѣ Петербургскаго Союза Борьбы, а теперь, по всей вѣроятности, погребенъ гдѣ-нибудь въ архивахъ Департамента полиціи.

Чтобы картина лѣтнихъ стачекъ лучше запечатлѣлась въ умѣ читателей, привожу описаніе стачки на фабрикѣ Кожевникова, составленное однимъ очень развитымъ рабочимъ, народовольцемъ, но принадлежавшимъ къ группѣ, имѣвшей близкія сношенія съ Союзомъ. Это описаніе въ свое время было оттиснуто на мимеографѣ и ходило по Петербургу въ видѣ листка. (Забастовка на фабрикѣ Кожевникова началась 30-го мая и продолжалась до 12 іюня)

ізсказъ рабочаго о стачкѣ на ткацкой фабрикѣ Кожевникова *).

„Съ 1888 года у насъ на фабрикѣ въ продолженіе 8½ ѣтъ послѣдовалъ цѣлый рядъ сбавокъ расцѣнки. Съ нѣоторыхъ товаровъ даже нѣсколько разъ было сбавляемо. акъ, напримѣръ, въ 1889 году за кусокъ бумазеи мы (рачіе) получали по 63 коп., и кусокъ былъ въ 84 аршина, въ 1890 году мы стали получать 58, 55 и 53 коп. за усокъ, а кусокъ сталъ уже, самое меньшее, въ 86½ аршинъ, а то и въ 92 и 98½ арш. За „пике" платили намъ 1 руб. 50 коп. съ куска. „Пике" переименовали въ фасоне" и стали платить по 63 копейки; „пике" мѣра ыла 60 аршинъ, а „фасоне" не меньше 86½ аршинъ хотя по табели надо бы не больше 84 аршинъ). Прежде ля полотна мѣра куска была 42 аршина и платили по 2 копейки, теперь по табели значится 60 аршинъ, но ыходитъ 64, 66, 68 аршинъ и платятъ 42 копейки, т. е. а 20 съ лишнимъ аршинъ прибавили только 10 копеекъ.

„Относительно берда и нитокъ въ основѣ, набора и коесъ—произволъ полнѣйшій, да и вездѣ, и во всемъ произволъ. Пять минутъ опоздалъ на работу, хотя и прибѣкишь, сейчасъ штрафъ; иногда стоишь у двери и смотришь въ окно, а тебѣ пишутъ штрафъ; а если гуляешь по винѣ хозяина, то не платятъ, хотя гулять приходится часто.

„И вотъ, наконецъ, наши ткачи, подъ вліяніемъ стачекъ, уже начавшихся тогда на другихъ фабрикахъ, прекратили работу 30 мая въ 12 часовъ дня и не возобновляли до 12 іюня 9 часовъ утра. Требованія наши были: 12-часовой рабочій день, съ 7 час. утра до 7 вечера и въ томъ числѣ 1½ часа на обѣдъ, а въ субботу въ 2 часа кончать совсѣмъ, при чемъ, конечно, чтобы заработная плата не уменьшалась прежняя, а, гдѣ можно, тамъ повысить.

„Въ первый день забастовки нѣсколько человѣкъ (около 30 изъ всего числа 500 рабочихъ) пошли работать. Но при такомъ количествѣ рабочихъ могла попортиться машина, и рабочихъ пришлось выслать, а фабрику совсѣмъ остановить. Управляющій сдѣлалъ это, надѣясь, что утромъ

*) *30 мая—12 іюня 1896 г.*

всѣ вернутся на работу. (Нашъ управляющій изъ простыхъ безъ всякаго образованія, у него на фабрикѣ много родственниковъ и земляковъ. Онъ поетъ на клиросѣ у Предтечи. Вообще его попы и глупые люди считаютъ хорошимъ человѣкомъ. По всей вѣроятности, и онъ о себѣ думаетъ то же, что онъ кормилецъ и благотворитель рабочихъ, но онъ жестоко ошибался: теперь онъ увидѣлъ себя такимъ каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ по отношенію къ рабочимъ).

„На слѣдующій день, въ половинѣ пятаго часа утра нагнали массу полицейскихъ, боясь, что рабочіе — зачинщики стачки — будутъ останавливать желающихъ начать работать. Но останавливать вовсе некого было, потому что ни одинъ изъ рабочихъ утромъ даже не вышелъ (на работу) изъ своей квартиры, за исключеніемъ одного старика Семена Плѣшиваго. Такимъ образомъ, полицейскіе немало были удивлены, когда то же самое повторилось нѣсколько разъ: каждое утро они собирались возстановлять порядокъ, а мы спокойно спали по своимъ квартирамъ. Наконецъ, они рѣшили дѣйствовать иначе, и на четвертый день забастовки пошелъ слухъ, что утромъ околодочные, городовые и дворники будутъ брать съ квартиръ и таскать на фабрику силой. Я, признаться, мало этому вѣрилъ, но многіе изъ рабочихъ запаслись водкой и, какъ погода была теплая, разошлись на ночь—кто куда.

„И дѣйствительно, съ вечера полицейскіе къ чему-то стали приготовляться; въ подкрѣпленіе городовымъ пригнали много жандармовъ, которые разъѣзжали по фабричнымъ улицамъ и гнали рабочихъ въ квартиры. Улицы буквально опустѣли и наступила какая-то зловѣщая тишина, чувствовалось, какъ приближалась минута борьбы. Неравенство силы каждому было ясно, а главное, у каждаго мало было надежды на остальныхъ товарищей.

„Но вотъ, наконецъ, настало утро. Дѣйствительно, безобразіе полиціи возстало передъ рабочими во всей наготѣ. Около 5 часовъ утра во дворъ дома № 12 по Воронежской улицѣ, гдѣ помѣщается около $^3/_4$ всѣхъ рабочихъ Кожевниковской фабрики, пригнали массу жандармовъ и полицейскихъ съ дворниками. *Околодочные, въ сопровожденіи городовыхъ и дворниковъ стали ходить по квартирамъ и таскали съ постели. Раздѣтыхъ женщинъ брали съ постели отъ мужей.* Особенную ревность въ этомъ дѣлѣ *проявилъ околодочный* 3-го участка Ал.-Невской ч. Рапоткинъ. *Такимъ* образомъ полицейскіе разбудили и выгнали

изъ дома большую половину его жильцовъ. Впрочемъ большая часть разошлась только изъ квартиръ и попряталась, кто на чардакъ, кто въ ватерклозетъ. Несмотря на то, что на фабрику подъ руку водили. всего удалось загнать туда человѣкъ 20, и тѣ съ 8 час. утра ушли всѣ до единаго.

„Выгнавши всѣхъ изъ квартиръ, околодочный Рапоткинъ объявилъ управляющему, что онъ всѣхъ выгналъ на работу. Но не видя этого, управляющій клялъ и ругалъ полицію, что она бездѣйствуетъ. Ему казалось: быть не можетъ, чтобы рабочаго не заставить работать...

„Такимъ образомъ кончилась вполнѣ неудачно попытка силою заставить насъ приняться за работу.

„Затѣмъ отъ градоначальника появились объявленія, приглашавшія рабочихъ, подъ угрозой уголовнаго преслѣдованія, въ трехдневный срокъ приняться за работу. Но рабочіе только посмѣивались надъ этимъ объявленіемъ и говорили: „наши лучше“, т. е. — прокламаціи. Особенно понравились народовольческія *). И при сравненіи министерскихъ прокламацій съ народовольческими рабочіе говорили: „вотъ бы кого поставить инспекторомъ, а не этихъ дурней“. Вообще прокламаціи у насъ читались очень охотно, и всегда рабочіе при чтеніи замѣчали: „вотъ правда-то гдѣ!“ И въ самомъ дѣлѣ: вѣдь мы чувствовали, только сказать не могли, какъ написано. Замѣчу еще, что не осталось ни одного человѣка на всей фабрикѣ, кто бы не читалъ прокламацій или книжекъ, въ такомъ же духѣ написанныхъ.

„Въ первый день стачки, часа въ 4 вечера, явился фабричный инспекторъ и попросилъ для объясненій. Рабочіе заявили свои требованія; инспекторъ-же приглашалъ начать работы, а дѣло обѣщалъ разобрать и сдѣлать, если можно, все, какъ требуютъ. Но рабочіе требовали

---

*) Таково было мнѣніе рабочаго-народовольца. Надо замѣтить, что упоминаемая прокламація (ибо множественное число обозначаетъ въ данномъ случаѣ многіе экземпляры одной и той же прокламаціи) была единственною, изданною народовольцами за все время стачекъ. Всѣ остальныя прокламаціи, числомъ больше 30, были изданы Союзомъ и примыкавшими къ нему соц.-дем. группами. Любопытно отмѣтить, что и эту единственную прокламацію, прекрасно отпечатанную въ типографіи, народовольцы словно не рѣшились издать отъ своего собственнаго имени. Подъ нею стояла подпись «Рабочій Союзъ», совершенно неизвѣстная какъ до этого времени, такъ и послѣ него. Очевидно, эта подпись была поставлена въ разсчетѣ на болѣе широкое распространеніе прокламаціи, изданной отъ имени «Рабочаго Союза».

сначала сдѣлать такъ, какъ требуютъ, а потомъ они начнутъ работу, и, конечно, эти объясненія ни къ чему не привели. Потомъ инспекторъ являлся чуть не каждый день и до того надоѣлъ, что мы перестали съ нимъ разговаривать. Однажды явился онъ къ фабричнымъ воротамъ; рабочихъ около фабрики было много; онъ издалека сталъ звать рукой рабочихъ поговорить. Но они только смѣялись. Наконецъ, онъ истощилъ все терпѣніе, — плюнулъ и ушелъ.

„Послѣ этого, на слѣдующій день, явился околодочный и попросилъ, чтобы мы избрали отъ себя депутацію къ градоначальнику. Мы избрали пять человѣкъ, во главѣ которыхъ былъ сыщикъ Василій Кузьмичъ Кузюткинъ (какъ оказалось потомъ). Они предстали передъ очами жреца петербургской полиціи, который не далъ сказать ни единаго слова, а сказалъ, что онъ знаетъ, что фабриканты насъ притѣсняютъ и что онъ поручилъ это дѣло разобрать, а насъ проситъ начать работу; затѣмъ расшаркался и ушелъ. Но сыщикъ, по своимъ соображеніямъ, рѣшилъ воротить градоначальника и попросилъ выслушать рабочихъ, самъ-же и сталъ говорить, какъ притѣсняютъ рабочихъ и каковы ихъ требованія. Градоначальникъ повторилъ прежнее, „что онъ поручилъ разсмотрѣть, а вы начинайте работать“. На слѣдующій день градоначальникъ прислалъ телеграмму рабочимъ, что онъ выслушалъ нашихъ депутатовъ и вполнѣ сочувствуетъ намъ, что вслѣдствіе этого дѣло онъ поручилъ уже разобрать и самъ будетъ стараться, насколько это возможно, поддерживать насъ, а до рѣшенія дѣла проситъ приняться за работу. И вотъ околодочный тысячу разъ прочиталъ, что „его превосходительство...“, а дальше рабочіе кричатъ: „не согласны!...“

„Затѣмъ придумали новый фокусъ: стали насъ *вызывать къ слѣдователю въ фабричную контору*. Но мы стояли на своемъ. Когда и это нашли недѣйствительнымъ, тогда потребовали въ зданіе Окружного Суда, и изъ первой же партіи рабочихъ слѣдователь засадилъ въ предварилку троихъ рабочихъ. Этимъ онъ хотѣлъ заставить рабочихъ отказаться отъ своихъ требованій, но рабочіе говорили: „какъ всѣ, такъ и я; люди начнутъ работать, и я пойду работать. А то какъ же: я пойду — меня могутъ побить!“ Хотя рабочій вполнѣ былъ увѣренъ, что дѣлаетъ такъ по доброй волѣ и что бить его никто не будетъ.

„*Слѣдователь* не спрашивалъ, какъ насъ притѣсняютъ,

а спрашивалъ: „кто насъ подговаривалъ прекратить работу, кто даетъ денегъ и разбрасываетъ листки и книжки?" Всѣ рабочіе заявили, что листковъ они не видали [1]), а деньжонокъ не худо бы, если бъ кто далъ хоть пятерочку; а что подговаривать у насъ некому, — всѣ сами не пошли (на работу).

„Когда фабрикантъ убѣдился, что никто рабочихъ не въ состояніи заставить приняться за работу — ни полиція, ни слѣдователь. (а въ началѣ стачки онъ на нихъ шибко надѣялся и даже попросилъ, чтобы ему выслали казаковъ отодрать рабочихъ и плетью заставить работать; но драть было нельзя, потому что рабочіе вели себя примѣрно), то перемѣнилъ свой тонъ. Выйдя на улицу, онъ сталъ зазывать рабочихъ поговорить съ нимъ. Рабочіе отъ себя послали дворника, чтобы Кожевниковъ, если желаетъ говорить, выслалъ полицію и управляющаго прочь. Онъ такъ и сдѣлалъ, но попросилъ рабочихъ къ себѣ во дворъ. Здѣсь рабочіе, быть можетъ, въ первый разъ почувствовали себя равными фабриканту и стали говорить ему горькую правду, что онъ далъ волю управляющему и насъ отъ себя гонитъ прочь: „благо тебѣ хорошо, а мы работаемъ чуть не даромъ". Когда же хозяинъ сталъ оправдываться, то рабочіе, чуть не съ бранью, отвѣчали, что онъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ сбавлялъ расцѣнки и прибавлялъ мѣры въ кускахъ. Тогда онъ сказалъ: „хорошо, вы только начинайте работать, я расцѣнки прибавлю, но время я сейчасъ сбавить не могу: дѣло теперь, какъ ваше, такъ и мое, разбирается, а если я убавлю время, то меня посадятъ за это въ тюрьму".

„Наконецъ, рабочіе, какъ ни крѣпко стояли съ начала дѣла и какъ ни надѣялись тогда на успѣхъ своего дѣла, стали терять надежду; да кромѣ того у многихъ и экономическая необезпеченность давала себя знать самымъ чувствительнымъ образомъ, и подъ вліяніемъ этого рабочіе мало-по-малу, начинали работать, и уже 12 іюня фабрика пошла полнымъ ходомъ. *Но духомъ мы не упали и при первой же возможности повторимъ тоже самое.* Товарищи говорятъ: если же мы и не работали двѣ недѣли, то намъ

[1]) Хотя однажды утромъ, послѣ ночи, въ которую появилась масса листковъ и часть ихъ попала въ руки полиціи, даже жандармскій офицеръ разговаривалъ съ нами о содержаніи ихъ. Онъ хвалилъ, называлъ ихъ «глупыми и дурацкими», тогда какъ рабочіе хвалили. Также при чтеніи телеграммы отъ градоначальника изъ заднихъ рядовъ кричали: „*мы не вѣримъ писанному, у насъ свои есть печатныя*".

на товаръ набавили немного, такимъ образомъ въ теченіе года мы все свое возьмемъ, кромѣ того въ барышахъ останется то, что мы въ двѣ недѣли отдохнули.

„Болѣе начитанные изъ насъ сходились все время стачки человѣкъ по 5 и больше, брали каждый себѣ, и въ укромномъ мѣстечкѣ читали или „Рабочій день“, или „Новыя правила“ (она же „Что нужно знать каждому рабочему“), или „Царь-голодъ“. Вообще замѣчу, что теперь рабочій не таковъ, какимъ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и долго гнуть себя не позволитъ.

„Жаль, что у насъ трудно устраивать кассы на случай стачки. *Будь у насъ хлѣбъ, мы не прекратили бы стачки, и царское правительство не могло бы похвастать своими „разумными мѣрами“.*

ГЛАВА IV.

Зимняя стачка.

Стачка кончилась, началась „чистка". Множество ста-
ечниковъ было выслано изъ Петербурга, тюрьмы и участ-
ки были полны арестованными. Къ половинѣ іюля было
арестовано 1050 человѣкъ. Въ концѣ іюня была взята на
Лахтѣ народовольческая типографія и вмѣстѣ съ тѣмъ
были также произведены обширные аресты и обыски. Въ
типографіи погибла уже совсѣмъ напечатанная брошюра
„Иванъ Гусъ", предназначенная народовольцами, глав-
нымъ образомъ, для распространенія среди крестьянъ, и
безвозвратно пропала готовая къ печати брошюра „Объ-
ясненіе законовъ о стачкахъ", переданная для набора отъ
Союза. Были взяты также документы, касающіеся договора
Союза и Группы Народовольцевъ относительно ихъ совмѣст-
ной работы по части редактированія и издательства
абочей литературы. Такая совмѣстная дѣятельность была
полнѣ возможна, такъ какъ тогдашняя петербургская
руппа Народовольцевъ, подъ вліяніемъ массоваго рабо-
аго движенія, сдѣлала огромный шагъ въ сторону соціал-
емократіи. № 4 ихъ „Летучаго Листка" былъ составленъ
ь такомъ духѣ, что, за исключеніемъ немногихъ статей,
о свободно можно было бы принять за соціалдемократи-
еское изданіе. Правда, петербургская группа, издавшая
готъ „Листокъ", навлекла на себя нареканія со стороны
ногихъ изъ своихъ товарищей за границей и въ провин-
іи. Но Союзу Борьбы приходилось имѣть дѣло именно съ
етербургской Группой Народовольцевъ, и именно съ нею
ыли завязаны издательскія сношенія еще группою „ста-
ковъ". Въ своей прекрасно обставленной типографіи
ародовольцамъ удалось издать нѣсколько хорошихъ бро-
юръ для рабочихъ, а Союзъ былъ главнымъ ихъ поку-
ателемъ и распространителемъ. Все это подготовило
ву для болѣе тѣсной совмѣстной работы. Однако, всѣ
ны были *разрушены* арестами, и теперь прокуроры и

жандармы усердно „трудились“, ломая голову надъ распутываніемъ двухъ сложныхъ дѣлъ—Союза и Группы Народовольцевъ.

Сыскное отдѣленіе тоже не дремало. Фабрики и заводы были наводнены цѣлыми тучами шпіоновъ и провокаторовъ. Хотя рабочіе уже начинали мало-по-малу отличать ихъ отъ своего брата, однако сыщики и провокаторы дѣлали свое дѣло и сильно затрудняли дѣло пропаганды и агитаціи Союза.

За время стачки дѣйствующія революціонныя силы объединились, и Союзъ продолжалъ существовать, несмотря на крупныя потери, понесенныя за лѣто и осень 1896 г.

Союзъ былъ реорганизованъ. Его новая организація сложилась слѣдующимъ образомъ. Послѣ разгрома его въ августѣ, отъ Союза уцѣлѣла лишь одна небольшая соціалдемократическая группа, ведшая свое происхожденіе отъ группы рабочихъ Невской заставы. Она примкнула къ Союзу во время лѣтнихъ стачекъ. Къ этой группѣ пришлось присоединиться немногимъ членамъ Союза, оставшимся на свободѣ, а также вскорѣ выпущеннымъ на свободу за недостаткомъ уликъ. Сказанная группа объявила себя Союзомъ и немедленно же принялась организовывать свои кружки въ различныхъ рабочихъ районахъ Петербурга. Скоро образовалось такимъ путемъ нѣсколько мѣстныхъ союзныхъ группъ: группы Невской заставы, Балтійскаго завода, Городская группа; группы Петербургской и Выборгской стороны. Кромѣ того была еще группа, завѣдующая техникой (ремингтономъ, мимеографомъ и проч.). Организаторы мѣстной и технической группъ являлись вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ бы ихъ представителями. Они собирались вмѣстѣ на общія собранія и составляли собою центральную группу Союза. Въ нее входили также кассиръ, товарищъ, завѣдывавшій сношеніями съ за границей, и еще нѣкоторыя лица. Центральной группѣ принадлежало общее направленіе дѣятельности Союза. Выполненіе общихъ рѣшеній, организація, пропаганда и агитація среди рабочихъ составляли задачу мѣстныхъ районныхъ группъ. Послѣднія пользовались значительною самостоятельностью. И въ случаѣ разгрома Союза оставшейся группѣ предоставлялось право объявить себя Союзомъ и дѣйствовать въ качествѣ таковаго.

Дѣло организаціи, пропаганды и агитаціи среди рабочихъ велось довольно успѣшно. Однимъ изъ членовъ Союза были выработаны двѣ спеціальныя программы для си-

ематическихъ занятій съ рабочими. Къ сожалѣнію, объ-ъ этихъ программъ, даже болѣе краткой изъ нихъ, не озволяетъ ихъ привести здѣсь. Скажу лишь, что она на-иналась съ разсмотрѣнія фактическаго положенія русскихъ абочихъ и сравненія условій ихъ жизни съ условіями изни западно-европейскихъ рабочихъ. Выяснялось значе-іе рабочаго вопроса вообще. Затѣмъ давалось понятіе о азвитіи капиталистическаго производства въ Россіи. Вы-снялись основныя понятія политической экономіи по пер-ому тому „Капитала" Маркса. Особое вниманіе остана-ливалось на значеніи прибавочной стоимости, величины абочаго дня, заработной платы и на всевозможныхъ спо-обахъ эксплуатаціи рабочихъ капиталистами (штрафы, ычеты, браковка и пр.). Выяснялось значеніе развитія ашинизма, концентраціи производства, рынковъ, промыш-ленной конкуренціи, перепроизводства, кризисовъ, арміи езработныхъ. Далѣе переходили къ средствамъ, съ по-ощью которыхъ рабочіе могутъ улучшать свое положеніе. Разъяснялось значеніе рабочаго законодательства, являю-щагося результатомъ рабочаго движенія. Критически раз-бирались различные виды самопомощи. Выяснялось значе-ніе стачекъ, союзовъ, бойкота и проч. Выяснялось значе-ніе классовой борьбы и указывалось, что исходъ изъ со-временнаго положенія заключается для рабочаго класса въ его самосознаніи и самоосвобожденіи. Разъяснялось значеніе рабочихъ партій, политической борьбы, всеобщаго избирательнаго права и парламентской дѣятельности для пролетаріата. Говорилось о необходимости подчинить де-мократическому контролю всѣ средства производства, рас-предѣленія и обмѣна и выяснялось значеніе ихъ обобще-ствленія. Въ заключеніе останавливалось еще разъ внима-ніе на отношеніи современнаго политическаго строя къ самосознанію и самоосвобожденію рабочихъ и къ вытекаю-щему отсюда нашему отношенію къ политическому строю. Такова была программа, выработанная зимой 1896 года.

Популярность Союза возросла, и даже самостоятель-ные кружки рабочихъ не сторонятся теперь по прежнему Союза, а входятъ съ нимъ въ сношенія и до нѣкоторой степени считаютъ его своимъ выразителемъ.

Союзу необходимо было формулировать всю совокуп-ность тѣхъ основныхъ принциповъ, которыми онъ руково-дился въ своей практической дѣятельности. Такимъ обра-зомъ, ростъ сознательнаго рабочаго движенія неизбѣжно ставилъ предъ Союзомъ вопросъ о вполнѣ опредѣленной

соціалдемократической программѣ. Программа требовалась тѣмъ настоятельнѣе, что функціи Союза, какъ представителя петербургскаго сознательнаго рабочаго движенія, становились все болѣе важными и отвѣтственными. Какъ таковому Союзу приходилось выступать и предъ русскимъ обществомъ, и предъ правительствомъ, и предъ заграничными русскими и иностраннными соціалистическими организаціями, и, наконецъ, предъ соціалистическими организаціями, существующими въ предѣлахъ Россійской имперіи, каковы группы Народовольцевъ, Польская Соціалистическая Партія и еврейская организація. Союзу необходимо было опредѣлить свою физіономію, и, слѣдовательно, вопросъ о программѣ былъ вопросомъ крайне важнымъ.

Между тѣмъ Союзъ былъ такъ заваленъ текущей работой, что у него рѣшительно не хватало ни времени, ни силъ заняться составленіемъ программы, и эта работа была поручена одному товарищу, стоявшему тогда въ сторонѣ отъ активной дѣятельности. Порученіе было выполнено въ видѣ проекта программы партіи. Но, къ несчастію, въ силу полицейскихъ условій, проектъ программы былъ уничтоженъ, даже не будучи прочитанъ большинствомъ участниковъ Союза.

Осень давно уже прошла, а неопредѣленныя обѣщанія, данныя правительствомъ рабочимъ, не думали выполняться. Среди обманутыхъ рабочихъ все время шло волненіе. Между ними ходили слухи, что между фабрикантами и министерствами идутъ какіе-то переговоры, и всѣ ждали... Какъ лѣтомъ ждали осени, такъ и теперъ ждали новаго года. Союзъ время отъ времени издавалъ прокламаціи, напоминая обѣщанія правительства. Вотъ, напримѣръ, что писалось въ прокламаціи къ рабочимъ Екатерингофской мануфактуры въ декабрѣ 1896 года:

Товарищи!

Наша лѣтняя стачка, которую заграничные рабочіе въ своихъ привѣтствіяхъ намъ назвали «великой», показала фабрикантамъ и правительству, что русскіе рабочіе будутъ отнынѣ бороться за улучшеніе своего быта, хорошо понимая свои интересы и сознавая собственную силу. Фабриканты и правительство испугались нашей *объединенной силы* и по-добру по-здорову рѣшили заговорить с *рабочими на* нѣкоторыхъ фабрикахъ о сокращеніи рабочаго д-

тотъ же вопросъ рѣшается и въ комиссіи. Но комиссія и раньше занималась этимъ баловствомъ, а мы по прежнему ведемъ жизнь заторжниковъ.

Нѣтъ, товарищи, фабриканты и правительство только подъ постояннымъ напоромъ нашихъ силъ будутъ удовлетворять наши требованія. На этихъ клячахъ безъ кнута далеко не уѣдешь».

Дальше въ прокламаціи излагаются мѣстныя злоупотребленія администраціи фабрики и выставлено 9 требованій, которыхъ необходимо добиться. Прокламація заканчивается такъ:

„Закончимъ пока на этомъ. Впереди у насъ борьба за *сокращеніе рабочаго дня*. Готовьтесь, товарищи, защищать свои требованія. Борьба давно началась. Сумѣйте же довести ее до конца".

„Союзъ Борьбы за освобожденіе рабочаго класса".

Уже по этой прокламаціи читатель самъ видитъ, что Союзъ напоминалъ рабочимъ о невыполненномъ требованіи, но не призывалъ сейчасъ же настаивать на его выполненіи. И правда, по всему было видно, что правительство лишь въ томъ случаѣ пойдетъ на уступки въ главномъ требованіи — сокращенія рабочаго дня, если снова начнется общая забастовка. Между тѣмъ стояли сильные морозы. Какъ можно было звать людей къ забастовкѣ, когда ихъ ждетъ не только голодъ, но еще и холодъ?!

Но рабочіе, очевидно, такъ утомились отъ напряженнаго ожиданія, что даже забыли суровыя условія зимы. Всюду шли волненія. Полиція тоже не дремала. До Союза окольнымъ путемъ дошли свѣдѣнія, что правительство готовится къ новой стачкѣ. Что всюду разосланы циркуляры, приказано усиленно слѣдить и немедленно доносить. Что подпиана масса арестовъ. Что войска на готовѣ и проч.

Прошелъ новый годъ, давно ожидаемое 1-ое января 1897 года. Измѣненій рабочаго дня не было объявлено. Тогда прекратили работу двѣ фабрики Максвелля (Петровская и Спасская). Это были именно тѣ самыя фабрики, рабочіе которыхъ еще лѣтомъ заявляли, что если правительство не выполнитъ обѣщаній, они станутъ къ новому году.

Все дѣло началось съ разговора между собравшимися рабочими и фабричнымъ инспекторомъ. На его вопросъ, „почему они не работаютъ?" рабочіе отвѣчали: „какъ намъ работать, когда правительство не исполняетъ своихъ обѣщаній? Вѣдь лѣтомъ намъ обѣщали, что новый рабочій

день будетъ введенъ чрезъ 2—3 мѣсяца. Теперь прошло слишкомъ 7 мѣсяцевъ, а обѣщаніе не исполнено".

— Надо обождать,—отвѣчаетъ инспекторъ.—Вы, рабочіе, не знаете, какъ трудно вводить новый порядокъ. Вѣдь для уменьшенія рабочаго дня на 1 часъ потребовалось для разработки проекта 12 лѣтъ (!!). Вы же теперь хотите уменьшенія рабочаго дня на 2½, а гдѣ и на 4 часа.—При этихъ словахъ раздаются ироническія восклицанія.

— Ну, ребята, теперь надо, значитъ, намъ ждать 48 лѣтъ!

Инспекторъ отвѣчаетъ, что такую реформу нельзя сразу ввести.

— Да и мы не думаемъ добиться всего *сразу*. Мы намѣрены устроить по крайней мѣрѣ семь бунтовъ въ одинъ годъ,— слышатся ироническіе крики изъ толпы.

„Разговоръ" ни къ чему не привелъ. „Предупредительная" администрація фабрики заперла было на Петровской часть рабочихъ. Но двери были выломаны. За Петровскими послѣдовали и Спасскіе.

— Вы—нищіе, а беретесь за такое дѣло,—пустилъ въ рабочихъ язвительно директоръ Шульцъ.

— Не благодаря ли нашей нищетѣ ты разбогатѣлъ?!— отвѣчали изъ толпы, и въ лицо управляющему полетѣли книжки „царь и царица въ гостяхъ у французовъ", раздаваемыя во время праздниковъ рабочимъ фабричной администраціей.

Рабочіе выставили лѣтнія требованія и просили Союзъ напечатать листки, приглашая всѣ фабрики примкнуть къ забастовкѣ. Заволновался Александровскій и Обуховскій заводы и на фабрикахъ Максвелля волненіе еще болѣе усилилось. Союзъ тянулъ время, чтобы выяснить хорошенько, стоитъ ли, слѣдуетъ ли въ зимнюю пору приглашать всѣхъ рабочихъ къ общей забастовкѣ? Поддержатъ ли остальныя фабрики лѣтнія требованія?

3-го января максвельцы послали на Обводный своихъ представителей, приглашая пристать къ забастовкѣ. А за Невской заставой полиція вздумала заняться популяризаціей Союза. Тамъ объявился провокаторъ—рабочій Козловъ, выдававшій себя за представителя Союза; онъ настаивалъ, что ему отъ Союза поручено организовать стачку, указывалъ лицъ, къ которымъ слѣдуетъ направлять денежную помощь. Впрочемъ, послѣднее случалось не разъ; не разъ до Союза доходили слухи, что то тамъ, то сямъ собираются деньги „для Союза". Но предупредить подобныя злоупотребленія было очень трудно.

Козловымъ была издана даже какая то прокламація весьма нелѣпаго содержанія, поддѣланная и довольно искусно подъ шрифтъ Союза. Однако рабочіе скоро раскрыли ту плутню.

Администрація на Россійской мануфактурѣ (на Обводномъ) пригласила выборныхъ отъ рабочихъ и вздумала ихъ успокаивать тѣмъ, что, молъ, „проектъ вырабатывается", то, молъ, забастовка тѣмъ и неудобна, что отдаляетъ время выработки проекта.

На это рабочіе отвѣчали: „проектъ вырабатывается съ 886 г., а толку все нѣтъ. Вы имъ отвалите вотъ столько— показывается на большой картонный листъ),—они и начнутъ снова „вырабатывать проекты".

Администрація пыталась возражать.

— И въ газетахъ пишутъ про сокращеніе рабочаго дня.

— Въ газетахъ предлагаютъ, *какъ* дѣлать, но еще ничего не дѣлаютъ—послышалось въ отвѣтъ.

Администрація вздумала напомнить рабочимъ, что они явились виновниками лѣтней стачки („вспомните, что забастовка лѣтомъ началась на Россійской мануфактурѣ"), намекая, что теперь они не должны повторять того же. На это рабочіе отвѣтили:

— Мы и теперь не ручаемся за то, что не бросимъ работу. Если придутъ и скажутъ „бросьте работу!", мы не можемъ не бросить.

У Штиглица тоже происходили уговариванья рабочихъ, съ завѣреніемъ о близкомъ сокращеніи рабочаго дня. На Екатерингофской, Новой, у Воронина, Чешера—та же исторія. На Балтійскомъ неспокойно.

Между тѣмъ 3-го же января министерство финансовъ созвало совѣщаніе изъ фабрикантовъ и фабричныхъ инспекторовъ, чтобы рѣшить вопросъ, какъ предупредить дальнѣйшее развитіе начавшейся у Максвелля стачки. Рѣшено было разослать по фабрикамъ объявленія приблизительно слѣдующаго содержанія: „Министерство финансовъ, благодаря ходатайству фабрикантовъ и рабочихъ (!) обратить вниманіе на вопросъ объ уменьшеніи рабочаго дня, выработало законопроектъ, который скоро и поступитъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта; законопроектомъ предполагается регулировать рабочій день для всей Россіи. Въ настоящее же время, пока нѣтъ соотвѣтственнаго закона, уменьшеніе рабочаго дня зависитъ отъ доброй воли фабрикантовъ, и всякое вымогательство (!) со стороны рабочихъ противозаконно".

Вмѣстѣ съ этимъ объявленіемъ, совѣщаніе минист рѣшило отказаться отъ программы дѣйствій, предпринят во время лѣтнихъ стачекъ, когда было предписано всѣм фабрикантамъ не соглашаться ни на какія требованія р бочихъ относительно ограниченія рабочаго дня.

Любопытны нѣкоторыя подробности этого совѣщанія. Пр сутствовавшаго на совѣщаніи градоначальника Клейгель Витте спросилъ: „можетъ ли онъ заставить рабочихъ р ботать?“

На это Клейгельсъ отвѣтилъ:

— Если бы рабочіе толпились на улицѣ, нарушали тишину и порядокъ, я съ ними справился бы. Но разъ о сидятъ по домамъ, я ничего не могу съ ними подѣлать

Зашелъ разговоръ о томъ, какъ остановить движен *Главный фабричный инспекторъ Рыковскій* сталъ доказыва что *никакихъ уступокъ рабочимъ дѣлать нельзя.* Нѣкотор же помощники фабричнаго инспектора стояли за уступк такъ какъ иначе не остановить движенія. Стали голос вать, кто за уступки, кто противъ. Витте былъ сильно п репуганъ. Всѣ крупные фабриканты стояли за уступ мелкіе—*противъ.* Начали считать голоса. Витте предложи счетъ *по числу рабочихъ,* занятыхъ у бывшихъ на совѣш ніи фабрикантовъ. Оказалось, что 12,000 рабочихъ уступки и 11,000—противъ. Такъ г. Витте заочно расп рядился голосами рабочихъ! Рѣшено было сдѣлать уступк

Рѣшено было также немедленно разослать по всѣм фабрикантамъ бланки такого содержанія.

„Симъ объявляется рабочимъ... мануфактуры, что съ числа рабочій день сокращается съ... на... часовъ“. Сл дуетъ печать фабричной инспекціи.

Оставленные пробѣлы должны были служить мѣсто для вписыванія „добровольныхъ“ уступокъ гг. фабрика товъ. Въ тотъ же день объявленія были разосланы по ф брикантамъ, а 4-го градоначальникъ прекратилъ ихъ ра сылку. Волненія распространялись все шире и шире. З бастовалъ Александровскій чугунный заводъ. Рабочіе тр бовали прежней расцѣнки, уничтоженія штрафовъ, а гла ное, чтобы въ субботу кончали работу въ 2 часа.

Администрація завода переполошилась. Извѣстно, ч этотъ заводъ является мастерскими Николаевской желѣ ной дороги. Созвано было собраніе начальниковъ тяг Директоръ завода Герцъ заявилъ, что онъ за заводъ *ручается.* Рѣшено было уступить. Забѣгая немно *впередъ, я скажу,* что 7-го января было вывѣшено объя

леніе за подписью управляющаго дорогой о томъ, что требованія рабочихъ будутъ удовлетворены, и рабочіе принялись за работу. Болѣе того, относительно прекращенія работы въ 2 часа по субботамъ было дано знать во всѣ желѣзнодорожныя мастерскія казенныхъ дорогъ по всей имперіи *).

4-го января у Воронина администрація призвала въ контору выборныхъ отъ рабочихъ и объявила, что съ 14 января рабочій день сокращается на 1½ часа.

Въ тотъ же день на Обводномъ каналѣ попъ сказалъ въ церкви проповѣдь на тему „о стачкѣ за Невской заставой". Онъ грубо доказывалъ „заботливость" г.г. фабрикантовъ; а рабочихъ, молъ, мутятъ нѣмцы да англичане, да тѣ, что живутъ въ № 44 по Волынкѣ...

Рабочіе были возмущены. Хотя въ церкви было много городовыхъ и околоточныхъ, однако одинъ рабочій крикнулъ попу:

— Если бы ты самъ проработалъ столько, сколько мы работаемъ, то и безъ англичанъ додумался бы до стачки!

Многіе просто ругали попа и вслухъ высказывали предположенія, что вѣроятно за проповѣдь онъ получилъ хорошую плату отъ хозяевъ.

На другой день другой попъ тоже говорилъ проповѣдь о стачкѣ и съ тѣмъ же успѣхомъ.

5 января было новое совѣщаніе въ министерствѣ. Рѣшено было съ 16-го апрѣля ввести новый законъ о сокращеніи рабочаго дня по всей Россіи. Я не знаю подробностей объ этомъ совѣщаніи. Не помню, на этомъ ли или на предыдущемъ совѣщаніи былъ поднятъ вопросъ о томъ, какое значеніе будетъ имѣть новый законъ на агитацію — уменьшитъ ли ее или увеличитъ. Одинъ изъ фабричныхъ инспекторовъ на это заявилъ, что имъ трудно считаться съ этимъ вопросомъ. Если рабочій день не будетъ сокращенъ, агитація будетъ. Если рабочій день сократится — агитація все равно будетъ.

---

*) Отъ одного своего пріятеля рабочаго, работавшаго въ одномъ провинціальномъ городѣ въ желѣзнодорожномъ депо, я слышалъ разсказъ о томъ, какое впечатлѣніе произвело это распоряженіе въ провинціи. Прежде нельзя было урваться раньше 6 ч., а тутъ въ 2 часа ихъ почти гнали изъ мастерскихъ. Рабочіе сначала были удивлены. Но ихъ удивленіе перешло въ настоящій восторгъ, когда изъ распространенной среди рабочихъ прокламаціи «о значеніи Петербургской стачки», они узнали суть дѣла: *улучшеніе, добытое борьбой Александровскихъ рабочихъ, распространилось на всю* Россію.

Въ тотъ же день, т. е. 5 января, на совѣщаніи рабочихъ представителей нѣсколькихъ мануфактуръ, съ участіемъ рабочихъ мѣстной группы Союза, было *рѣшено немедленно же предъявить лѣтнія требованія* на всѣхъ фабрикахъ и въ случаѣ ихъ неисполненія 7-го января всюду начать забастовку. Былъ изданъ краткій листокъ съ требованіями.

Движеніе разросталось. Заволновался одиноко стоящій Торнтонъ. Администрація приняла мѣры, чтобы уничтожить сношеніе торнтоновскихъ рабочихъ съ райономъ на лѣвомъ берегу Невы.

Волненіе перенеслось на Выборгскую. Заволновались мануфактуры Шау и Мальцева (Старо-и Ново-Сампсоньевская мануфактуры). У Шау директоръ распинался предъ рабочими о своихъ добродѣтеляхъ. Женщинамъ онъ далъ на водку, а рабочимъ объявилъ, что сбавитъ время работы, какъ и на другихъ фабрикахъ... Сбавилъ бы, молъ, и больше, да ему не позволятъ... Плата у него, молъ, и безъ того высокая. Рабочіе заявили, чтобы онъ лучше хлопокъ отпускалъ подоброкачественнѣе,—обѣщалъ и это. Однако рабочіе рѣшили примкнуть къ забастовкѣ. Волненія проявились также у Кожевникова, Паля и на Глухо-Озерскомъ цементномъ заводѣ.

Настало 7 января, назначенный день общей забастовки. На Россійской мануфактурѣ „мальчики" образовали группу человѣкъ въ 100 и пошли по всѣмъ этажамъ выгонять мюльщиковъ. Сопротивлявшихся женщинъ брали за руки и выводили. Явился директоръ и просилъ всѣхъ рабочихъ поскорѣе уходить съ фабрики, очевидно опасаясь поломки машинъ и бурныхъ сценъ. На его вопросъ:

— Явитесь ли 8-го на фабрику или будете сидѣть по домамъ? получился отвѣтъ:

— Встать придется, какъ обыкновенно, чтобы прійти къ фабрикѣ во-время. Придется поудерживать народъ; а то, знаете, найдутся такіе, которые, пожалуй, вздумаютъ работать... Постоимъ около фабрики часа $1^1/_2$ и разойдемся.

Администрація многихъ фабрикъ (Россійской, Екатерингофской, Кенига, Штиглица), того же 7-го января вывѣсила объявленіе, что съ 16 апрѣля рабочій день будетъ съ 6 часовъ утра до 7 часовъ вечера, $1^1/_2$ часа на обѣдъ. Но рабочіе рѣшили добиваться лѣтнихъ требованій, настаивая на *немедленномъ ихъ исполненіи.*

8-го числа на Россійской мануфактурѣ произошелъ такой *разговоръ* у рабочихъ съ фабричнымъ инспекторомъ:

— *Господа*, что же вы не идете на работу?—говоритъ

инспекторъ.—Вѣдь вамъ же сдѣлана уступка? Кто не захочетъ изъ васъ работать на фабрикѣ, можетъ поѣхать въ деревню, тамъ отдохнетъ...

На этомъ мѣстѣ рабочіе прерываютъ его и, указывая на изможденныя лица „мальчиковъ", стоявшихъ впереди, говорятъ:

— Господинъ инспекторъ, посмотрите вы на нихъ. Какіе они работники въ деревнѣ!

— Вижу, господа, что плохіе... Ничего, ничего не могу сдѣлать. Не отъ меня зависитъ.

— Почему же въ объявленіи значится, что сокращеніе рабочаго дня до $11^{1}/_{2}$ час. будетъ только съ апрѣля, а не сейчасъ?

— Раньше нельзя—былъ отвѣтъ инспектора.

— Такъ пусть намъ особо пока платятъ за лишніе часы, которые мы будемъ работать по старому, если „раньше 16-го апрѣля нельзя".

— Не отъ меня это зависитъ,—отвѣчалъ инспекторъ.

Видя, что никакого толку не добьешься, рабочіе крикнули: „по домамъ!" и разошлись.

У Кенига въ тотъ день волненіе было сильное, но съ грѣхомъ пополамъ работали. Вдругъ рабочіе увидали изъ оконъ фабрики, что пригнали три вагона городовыхъ.

— Какъ? мы работаемъ, а на насъ шлютъ городовыхъ!

Началось рванье нитокъ, бросаніе цѣвокъ и ровницы. Выставлены лѣтнія требованія.

9-го забастовала большая Охтенская мануфактура, несмотря на объявленіе о сокращеніи рабочаго дня. Выставлены лѣтнія требованія. Въ тотъ же день произошелъ разгромъ на Екатерингофской. Фабрика была вся освѣщена. Но рабочіе быстро поняли обманъ и собрались въ большомъ количествѣ къ воротамъ. Между тѣмъ полиція была на-готовѣ и городовые стояли въ два ряда по всей Волынкѣ.

Рабочіе стояли около воротъ фабрики, переговариваясь между собою, до послѣ-обѣденнаго свистка. Къ этому времени подошли рабочіе и съ другихъ фабрикъ. Были даже съ Путиловскаго завода. При свисткѣ всѣ стали выжидать: „что дѣлать?" Вдругъ одинъ рабочій выступилъ впередъ и крикнулъ: „Пойдемъ работать!"

Вся масса хлынула на фабрику. Околоточные и администрація завода начали креститься отъ радости, что все уладилось, какъ *нельзя* лучше. Но не прошло и 10 минутъ, *какъ въ воротахъ* показался изъ фабрики блѣдный

и дрожащій подмастерье Николай Петровъ, крича, чтобы городовые шли на фабрику.

Двѣ сотни городовыхъ стягивались къ фабрикѣ, изъ оконъ которой между тѣмъ летѣли вмѣстѣ со стеклами, гири, цѣвки и прочее. Рабочіе прежде всего поднялись на верхній этажъ и стали гнать тѣхъ мюльщиковъ, которые приготовились было работать. Стали ломать рамы отъ машинъ и обломки летѣли въ окна. Когда полиція подошла къ фабрикѣ, рабочіе, стоявшіе еще на улицѣ, подали свистки, предупреждая товарищей объ опасности.

Быстро вызваннымъ жандармамъ былъ данъ приказъ немедленно оцѣпить всю фабрику, чтобы ни одинъ человѣкъ не ушелъ изъ нея. Но на это жандармамъ потребовалось около 1½ часа.

Директоръ фабрики, говорятъ, обратился къ офицеру со словами; „Чего же вы смотрите? Берите ихъ!“ На что начальникъ жандармовъ будто-бы отвѣтилъ: „Я явился не брать ихъ, а успокаивать“.

Городовые же плохо знали ходы и, пока они блуждали, рабочіе, пробираясь по знакомымъ ходамъ и спускаясь по пожарнымъ лѣстницамъ, успѣли пройти на задній дворъ, а тамъ оставалось лишь перелѣзть черезъ невысокій деревянный заборъ... Такимъ образомъ, рабочіе другихъ фабрикъ всѣ убѣжали, а нѣсколько человѣкъ изъ своихъ попались въ руки администраціи, но скоро были отпущены.

На другой день самъ околоточный не пускалъ никого изъ „усердныхъ“ рабочихъ на фабрику. Вечеромъ среди Екатерингофскихъ рабочихъ было арестовано около 20 человѣкъ, у Максвелля, по указанію администраціи, арестовано около 30 человѣкъ.

9-го же января было два большихъ рабочихъ собранія. На одномъ были представители всѣхъ бумагопрядиленъ и ткацкихъ (всѣхъ около 60 чел.), отъ Союза былъ представитель рабочій. Рѣчь шла о болѣе прочной организаціи рабочихъ и объ организаціи денежной помощи. Другое собраніе было частное. Оно состояло изъ рабочихъ представителей фабрикъ Кенига, Россійской и Екатерингофской. Было рѣшено, что если въ субботу 10-го января предложатъ разсчетъ, то разсчета не брать. Требовать, чтобы платили особо вплоть до 16 апрѣля за всѣ тѣ лишніе часы, которые рабочіе будутъ работать ежедневно сверхъ 11½ ч. Въ случаѣ высылки кого-либо изъ рабочихъ *на родину*, собрать деньги, причемъ подручные должны *внести по 1 руб.*, концевые по 50 коп., задніе по 25 и

Наконецъ, было рѣшено держаться, пока можно. Какъ на предыдущемъ собраніи, такъ и на этомъ Союзъ Борьбы былъ представленъ рабочими, принимавшими участіе въ мѣстной группѣ Союза.

Въ тотъ же день отъ Союза былъ выпущенъ листокъ въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ, которые моментально разошлись по фабрикамъ. Въ этомъ листкѣ были выставлены требованія рабочихъ, выработанныя ими на ихъ общемъ собраніи.

Въ тотъ же день по фабрикамъ было вывѣшено объявленіе отъ фабричныхъ администрацій такого содержанія: „На основаніи 105 ст. уст. о пром. симъ объявляемъ рабочимъ (такой то) мануфактуры, что если кто не придетъ на работу 10-го числа, пусть явится за разсчетомъ. 11-го числа тѣмъ, кто не явится, разсчетъ будетъ разосланъ по квартирамъ чрезъ полицію". Подписаны имена хозяина фабрики и старшихъ фабричныхъ инспекторовъ Рыковскаго и Мейера.

10-го января опять было собраніе рабочихъ представителей отъ фабрикъ, съ участіемъ интеллигентовъ, представителей отъ Союза. Было рѣшено заявить, что разсчета не желаютъ, а требуютъ простую получку. Вновь предъявить старыя требованія. Согласны и на новыя условія, но пусть они будутъ введены теперь же, въ январѣ. Рѣшено выпустить новый общій листокъ. На другой день появился новый листокъ ко всѣмъ ткачамъ и прядильщикамъ съ обращеніемъ ко всѣмъ остальнымъ рабочимъ за денежною помощью.

Однако фабричное начальство и полиція дѣлали свое дѣло. Начались массовые разсчеты, при чемъ рабочимъ объявляли, что если хотятъ, то могутъ наниматься снова. Тѣмъ, кто не шелъ за разсчетомъ, его пересылали черезъ полицію, а послѣдняя приказывала немедленно убираться изъ Петербурга. Болѣе умѣренные элементы среди рабочихъ стали уговаривать начать работу въ виду того, что сокращеніе рабочаго дня обѣщано весною. И стачка прекратилась.

Настроеніе среди рабочихъ было самое бодрое. Одна мысль о томъ, что отъ ихъ дружнаго напора моментально зашевелились власти, воодушевляла головы борцовъ. Да и можно было быть бодрыми. Пока рабочіе говорили и волновались въ теченіе осени, правительство готово было даже позабыть о своихъ лѣтнихъ обѣщаніяхъ. Работа собиравшихся *комиссій* шла крайне вяло, и дѣло, казалось,

затянется надолго. Но достаточно было забастовать только нѣсколькимъ фабрикамъ, какъ моментально зашевелились всѣ пружины. Экстренныя засѣданія въ министерствѣ, объявленія по фабрикамъ—все это слѣдовало съ стремительною быстротою. Конечно, моментъ для стачки былъ выбранъ неудачный, ибо суровая зима—плохой союзникъ для забастовщиковъ. Очень возможно, что если бы, какъ предполагалось Союзомъ, забастовка устроилась бы къ веснѣ, то уступки правительства были бы болѣе полныя и болѣе удовлетворяющія нужды рабочихъ.

Во всякомъ случаѣ, зимняя стачка, начавшаяся при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, еще разъ хорошо и наглядно показала правительству, что лѣтнія требованія рабочихъ не были пустымъ звукомъ; что рабочіе сознали, что болѣе короткій рабочій день есть первое необходимое средство для того, чтобы выйти изъ состоянія физическаго и умственнаго порабощенія. Словомъ, зимняя стачка показала правительству, что прошло то время, когда можно было устрашать рабочихъ Петербурга репрессіями или убаюкивать лживыми обѣщаніями. Правительство волей-неволей *принуждено* было приняться за непріятную для него работу подготовленія новаго закона.

Но излагать ходъ этой работы не входитъ въ мою настоящую задачу. Всѣхъ интересующихся исторіей и дальнѣйшей судьбой закона 2-го іюня 1897 г. я отсылаю къ интереснѣйшимъ „Тайнымъ документамъ“ и къ брошюрѣ „Новый фабричный законъ“, изданнымъ „Союзомъ рускихъ соціалдемократовъ“, и къ другимъ брошюрамъ, посвященнымъ вопросу объ этомъ законѣ.

Мнѣ же приходится перейти къ изложенію новаго *организаціоннаго* періода петербургскаго движенія и къ выясненію тѣхъ новыхъ задачъ, которыя „Пет. Союзу Борьбы“ предстояло выполнить, и тѣхъ условій, на почвѣ которыхъ появилась группа и газета „Рабочая Мысль“.

ГЛАВА V.

Организаціонный періодъ движенія.—Новыя задачи Союза и условія, на почвѣ и въ силу которыхъ возникла „Рабочая Мысль“.

Описанные на предыдущихъ страницахъ ростъ и развитіе широкаго рабочаго движенія и постепенное пробужденіе къ сознательной жизни все болѣе и болѣе широкихъ круговъ рабочихъ естественно выдвинули впередъ массу новыхъ запросовъ и потребностей и поставили передъ дѣйствующими соціалдемократами цѣлый рядъ новыхъ задачъ. Нарожденіе въ самой рабочей средѣ сознательныхъ и дѣятельныхъ личностей, стремившихся отвѣтить на запросы своихъ товарищей, было однимъ изъ неизбѣжныхъ послѣдствій того же подъема, того же движенія.

Начавшаяся среди рабочихъ, особенно со времени лѣтней стачки 1896 г., организація постоянныхъ стачечныхъ кассъ не прекратилась. Теперь часто уже приходилось слышать, что то на той, то на этой фабрикѣ рабочіе устроили кассу съ цѣлью поставить свое дѣло на болѣе прочныхъ основаніяхъ. Стоитъ взять одну изъ подобныхъ кассъ, чтобы получить понятіе объ ихъ характерѣ. Образцомъ этихъ кассъ можетъ служить касса, устроенная рабочими на фабрикѣ Кожевникова, на Обводномъ каналѣ. Насколько я знаю, у этой кассы не было никакого притока средствъ со стороны, такъ что сравнительно большой ея денежный оборотъ можетъ быть объясненъ лишь дѣятельнымъ участіемъ въ ней мѣстныхъ рабочихъ. Въ описываемое время ея расходъ былъ около 300 руб. (за нѣсколько мѣсяцевъ), ея наличность состояла изъ 100 руб. Питалась она членскими взносами. Расходованіе денегъ шло на такихъ основаніяхъ: 1/4 всѣхъ суммъ шла на стачки. Остальное дѣлилось на 4 части, изъ нихъ 2 части—на взаимопомощь, 1 часть на книги и 1 часть составляла постоянный фондъ. Какъ видитъ читатель, кассы подобнаго рода, конечно, не были кассами революціонныхъ соціалдемократическихъ организацій, а скорѣе походили подъ поня-

тіе такъ называемыхъ кассъ самопомощи. Кассами цеховыхъ рабочихъ союзовъ или трэдъ-юніоновъ подобныя кассы тоже нельзя называть, хотя они, между прочимъ, въ число своихъ задачъ вмѣщали и задачи кассъ подобнаго рода. Кассы, о которыхъ намъ приходится говорить, преслѣдовали болѣе широкія цѣли. Составъ членовъ подобныхъ кассъ, въ большинствѣ случаевъ, былъ смѣшанный. Въ нихъ принимались просто *надежные* рабочіе, независимо отъ того, къ какому цеху они принадлежали.

Но организаторская дѣятельность активныхъ рабочихъ не ограничивалась кассами. Общеніе рабочихъ различныхъ мѣстностей быстро росло и развивалось. Частныя собранія рабочихъ представителей кружковъ различныхъ рабочихъ районовъ Петербурга теперь уже не прекращались. Подобнаго рода общеніе, взаимный обмѣнъ мыслей и мнѣній должны были находить себѣ, въ концѣ-концовъ, и письменное выраженіе. И оно находило его. Стоило бы только заглянуть въ архивъ тогдашняго Петербургскаго Союза Борьбы, чтобы увидѣть цѣлый рядъ образцовъ тѣхъ рукописей, которыми рабочіе заваливали Союзъ. Въ эту минуту, когда я пишу эти строки, у меня находится подъ руками какъ разъ нѣсколько подобныхъ рукописей. И я думаю, что читатель не посѣтуетъ на меня за то, что я приведу нѣсколько строкъ изъ этихъ рукописей, чтобы показать, какъ активные рабочіе того времени понимали свои организаціонныя задачи. Беру три первыхъ случайно попавшихся рукописи. Двѣ изъ нихъ являются обращеніемъ дѣятельныхъ рабочихъ къ своему же брату-рабочему. Третья носитъ заглавіе „О кассахъ“ и была явно обращеніемъ рабочаго соціалдемократа къ интеллигентамъ Союза.

„Главная наша задача,—пишетъ рабочій, авторъ первой рукописи,—соединиться въ одинъ общій союзъ; для этого самое лучшее средство: организовать небольшіе кружки и заводить при нихъ кассы, въ которыя дѣлать взносы по возможности средствъ участвующихъ; соединить эти кружки въ одно цѣлое не будетъ стоить особаго труда“.

Рабочій, авторъ другой рукописи, задается, повидимому, той же задачей объединенія своихъ товарищей, хотя формулируетъ ее иначе. Онъ стремится разъяснить своимъ товарищамъ значеніе организованной силы вообще *на частномъ* примѣрѣ организаціи нашего правительства

„Правительство, говоритъ нашъ авторъ, поддерживается общими силами тѣхъ людей, кому оно нужно для поддержанія своихъ интересовъ. Почему же и намъ не устроить среди насъ самихъ нѣчто въ родѣ правительства? Чтобы наше общее дѣло шло впередъ, необходимы люди, ведущіе его, и чѣмъ ихъ будетъ больше, тѣмъ лучше. Гдѣ же ихъ взять? Надо выбирать среди своихъ же товарищей такихъ людей, потому что только сами рабочіе знаютъ хорошо свои интересы, только сами рабочіе могутъ честно и добросовѣстно исполнять требованія своихъ товарищей, своего класса. Но чтобы были такіе люди, надо чтобы была возможность учиться, развиваться, потому что мало только знать потребности самихъ рабочихъ, надо умѣть ихъ выполнять, а для этого надо знать много".

Въ заключеніе авторъ предлагаетъ свой организаціонный планъ, мало чѣмъ отличающійся отъ предыдущаго предложенія. Онъ предлагаетъ рабочимъ цѣлую сѣть фабричныхъ и заводскихъ „кружковъ самопомощи и кружковыхъ кассъ".

„Благодаря такимъ кружкамъ самопомощи,—пишетъ рабочій,—всякій членъ будетъ чувствовать себя смѣлѣе при столкновеніяхъ съ начальствомъ, будетъ знать, что у него есть хорошіе пріятели, есть деньги про запасъ, а это много значитъ. При теперешнемъ положеніи вещей всякій надѣется *только на себя*, и получается такое положеніе, что будто онъ находится въ непроходимомъ дѣвственномъ лѣсу, или въ темномъ погребѣ, идетъ наугадъ, не понимая и не видя того, что онъ дѣлаетъ. Тогда же у него будутъ деньги, будутъ товарищи не только на заводѣ или фабрикѣ, а вездѣ въ Петербургѣ; вездѣ онъ найдетъ поддержку, всякій заранѣе будетъ знать, гдѣ лучше въ случаѣ перехода съ мѣста на мѣсто; будетъ знать, гдѣ нуженъ народъ, а гдѣ нѣтъ. Да мало ли преимуществъ кружковцевъ противъ обыкновенныхъ рабочихъ. А что касается наказанья за это, то помните, что не такъ страшенъ чертъ, какъ его малюютъ".

Рабочій, авторъ третьей рукописи (помѣченной 31 октября 1896 г.), обращается къ интеллигентамъ соціалдемократамъ и, очевидно, стремится повліять на нихъ въ желательномъ ему направленіи:

„Главная цѣль передовыхъ, критически мыслящихъ людей,—пишетъ онъ,—должна быть: соединить въ одно цѣлое рабочую массу. Задача эта весьма сложная и требуетъ немалаго труда, благодаря деморализаціи рабочихъ и нашего строя. Нужно почти заставить рабочихъ *хорошенько вдуматься* въ свое положеніе, нужно вы-

рвать у нихъ рутинное убѣжденіе и доказать выгодность соціалистическаго строя. Повторяю, что этого достигнуть трудно. Интеллигенты соціалистической партіи скажутъ, что я преувеличиваю и смотрю на дѣло сквозь пальцы; быть можетъ, но имѣть такое мнѣніе я имѣю уважительныя причины и въ свою очередь мнѣ кажется, что интеллигенты и многіе даже изъ рабочихъ смотрятъ на положеніе вещей сквозь розовое стеклышко; это происходитъ отъ того, что интеллигенціи въ большинствѣ случаевъ приходится сталкиваться съ рабочими нѣсколько уже развитыми, которыхъ такъ мало, что они теряются въ большинствѣ неразвитыхъ. Но объ этомъ мы потолкуемъ когда-нибудь въ другой разъ, а теперь нужно порѣшить, какимъ путемъ скорѣе и легче можетъ быть достигнута цѣль. Передовые люди, отдѣльные личности должны быть, по возможности, предусмотрительны, при чемъ ни на минуту не слѣдуетъ забывать, что передовыя личности это только *механизмы, дающіе направленіе*; но главная двигательная сила— это *масса*; слѣдовательно на обязанности личности лежитъ забота о сохраненіи этой силы и ея группированіи. Здѣсь нужно нѣкоторое терпѣнье, чтобы выждать большаго скопленія силы и, не разсѣивая ее въ разныхъ пунктахъ, дать отпоръ угнетающему строю.

Въ настоящее время борьба безспорно далеко не равная: на золотомъ знамени противоположнаго лагеря начертаны пугающія массу слова: «Богъ, Царь и Отечество»; на нашемъ: «Равенство Свобода, Братство». Не слѣдуетъ забывать, что первыя слова, которыя выкрикиваются попами и полиціей, заглушаютъ шопотъ вторыхъ, произносящихся шопотомъ. Но мы видимъ, что время отъ времени попы и полиція теряютъ свою силу, и армія подъ соціалистическимъ знаменемъ увеличивается.

Мы должны безпрерывно итти впередъ, собирая вокругъ себя большую силу, но для этого необходимо стараться выгоднѣе пользоваться тѣми атомами свободы, которые мы имѣемъ, и по возможности съ меньшими жертвами достигать ихъ расширенія. Какъ этого достигнуть? Вотъ вопросъ, на который нельзя дать рѣшительнаго отвѣта, тѣмъ болѣе потому, что не можемъ видѣть могущихъ быть всевозможныхъ измѣненій, которыя могутъ потребовать немедленныхъ реформъ въ революціонномъ дѣлѣ; также въ разныхъ мѣстахъ рабочіе, пользующіеся не одинаковыми условіями, должны имѣть хотя и къ одной цѣли ведущіе, но нѣсколько видоизмѣненные планы. Тѣмъ не менѣе движеніе должно быть водворяемо вездѣ по возможности въ одинаковыхъ формахъ. Первымъ и главнымъ къ этому шагомъ должны быть рабочіе кассы, объ устройствѣ которыхъ я и хочу поговорить нѣсколько подробнѣе.

Кассы должно устроить такъ, чтобы онѣ не казались рабочимъ *непосильными, для* этого опредѣленнаго взноса выставить нельзя, и

ены должны дѣлать таковые по возможности своихъ средствъ; и чемъ необходимо заботиться о томъ, чтобы участвующіе въ ссѣ не смотрѣли бы на нее, какъ на лимонъ, изъ котораго жно, въ свое удовольствіе, выжимать сокъ.

Касса прямо для революціонныхъ цѣлей хороша, но она найть слишкомъ мало участвующихъ лицъ, слѣдовательно, должны ть нѣкоторые побочные интересы, которые могли бы придать ей аружный колеръ.

Въ каждой фабрикѣ или заводѣ удобнѣе устраивать нѣсколько аленькихъ кассъ, каждой изъ нихъ можетъ руководить одинъ олѣе развитой рабочій; число членовъ, смотря по возможности бстоятельствъ, человѣкъ 5—6 и болѣе. Представители каждой зъ такихъ кассъ въ каждомъ заводѣ или фабрикѣ должны имѣть ообщеніе, руководить книгами и вообще литературой, вести отчеты і проч.

Каждый представитель кружка долженъ вырабатывать изъ своихъ товарищей быть способными въ будущемъ руководить такими же кружками и одного всегда не мѣшаетъ имѣть въ виду для необходимыхъ порученій, замѣнить, если то потребуется, себя, или откомандировать во вновь образовавшійся кружокъ и т. д.

При каждомъ заводѣ или фабрикѣ нужно имѣть главную кассу, куда будетъ помѣщаться запасный капитальчикъ мелкихъ кассъ. Личность, завѣдующая этимъ пунктомъ, должна быть вполнѣ надежная, потому что здѣсь будутъ стянуты всѣ нити завода или фабрики въ одинъ узелъ. Этотъ кассиръ долженъ имѣть прямое или косвенное сообщеніе съ представителями кружковъ, слѣдить за нелегальной литературой, выбирать время для прокламацій, имѣть сообщеніе съ интеллигенціей, вести отчетъ главной кассы и проч.

Изъ такихъ кассъ каждаго завода или фабрики деньги должны откладываться и препровождаться въ центральную кассу соц. дем. партіи, которая должна храниться «аки зеница ока». Завѣдующіе центральной кассой прямого сообщенія съ заводами имѣть не должны, хотя не мѣшаетъ иногда пересылать отчетъ завѣдующимъ главнымъ кассами и, по усмотрѣнію опытнаго интеллигента, остальнымъ надежнымъ рабочимъ.

Въ случаѣ стачки, завѣдующіе центральной кассой должны быть предусмотрительны, чтобы пособіе (если таковое будетъ возможно выдать) достигало своей цѣли...

... Интеллигентамъ необходимо посѣщать рабочихъ, но нужно ить по возможности осторожнѣе, потому что такіе люди дороги и ть на удалую итти не слѣдуетъ. Вообще надо стараться, чтобы бочіе сами шли впередъ; косвенно на нихъ вліять нужно, но не дуетъ ставить въ такое положеніе, чтобы они чувствовали, что ъ тянутъ."

Какъ же отвѣчалъ Союзъ Борьбы на подобные и другіе организаціонные запросы рабочихъ того времени?

Врядъ ли въ настоящее время кто-либо изъ дѣйствующихъ петербургскихъ товарищей станетъ оспаривать или, еще болѣе, возражать что-либо противъ значенія настоящаго, смѣшаннаго состава Союза Борьбы, въ который на одинаковомъ основаніи входятъ и рабочіе и интеллигенты. Врядъ ли теперь кто-либо станетъ возражать противъ того, что образованный дѣятельный рабочій сможетъ болѣе умѣло, лучше и болѣе конспиративно выполнять роль организатора рабочихъ, чѣмъ сталъ бы выполнять эту роль менѣе знакомый рабочей средѣ и менѣе знакомый съ рабочею средою интеллигентъ? Однако эти самоочевидныя истины не казались еще таковыми въ 1896 г.

Ни для кого не составляетъ тайны, что ядро Союза состояло изъ интеллигентовъ. Всего точнѣе конституцію тогдашнаго Союза можно было бы опредѣлить слѣдующими словами: онъ состоялъ изъ центральной и мѣстныхъ группъ, членами которыхъ были интеллигенты, имѣвшіе связи съ дѣятельными рабочими. Такой составъ Союза, можетъ быть, еще годился для кружковой работы и отчасти для той начальной стадіи агитаціи, которая велась еще до лѣтнихъ стачекъ; но онъ совершенно не соотвѣтствовалъ тѣмъ организаціоннымъ, агитаціоннымъ и даже пропагандистскимъ задачамъ, какія впервые были поставлены передъ Союзомъ лѣтними стачками и теперь самымъ настойчивымъ образомъ требовали новыхъ силъ, пріемовъ и средствъ для своего разрѣшенія.

Прежде всего было необходимо возстановить общую рабочую организацію (объединеніе мѣстныхъ районныхъ организацій), разрушенную арестами 95 и начала 96 годовъ. Единство дѣйствій районныхъ организацій обезпечивалось бы центральной агитаціонной группой или рабочимъ комитетомъ изъ рабочихъ, представителей отъ районовъ. Такая группа организовалась, но *относительно ея роли* между членами центральной организаціи Союза происходили разногласія.

Разногласіе въ тогдашнемъ Союзѣ происходило по той причинѣ, что часть членовъ центральной организаціи Союза настаивала, чтобы *все оставалось по старому*, т. е. ядро Союза состояло бы по прежнему только изъ интеллигентовъ, и чтобы только они были руководителями движенія. *Что же* касается агитаціонной рабочей группы, то она *должна стоять на* периферіи.

Другіе же настаивали, что вести дѣло подобнымъ способомъ дальше нельзя, ибо тогда Союзъ потеряетъ свое значеніе и вліяніе среди рабочихъ; что мы *должны* считаться съ наличностью среди рабочихъ сознательныхъ силъ, которыя рвутся къ работѣ и къ дѣятельному участію въ Союзѣ. Организація Союза *должна* быть измѣняема, сообразно потребностямъ времени, иначе она будетъ мертвою организаціей; что не надо закрывать глаза на факты: функціи Союза растутъ, мы не успѣваемъ дѣлать даже ту работу, которую выполнять можемъ только мы, въ то время, какъ мы безполезно тратимъ силы на такую работу, которая съ большимъ успѣхомъ можетъ быть выполнена самими рабочими. Силъ у насъ недостаетъ, и главное недостаетъ такихъ силъ, которыя могли бы вести организаціонную работу въ рабочей средѣ. Поэтому *необходимо* отказаться отъ прежней системы, необходимо включить въ центральную организацію Союза нѣсколько представителей отъ агитаціонной рабочей группы и ввести болѣе правильное раздѣленіе труда. Только такимъ путемъ Союзъ можетъ развиваться дальше, расширять свою дѣятельность, распространять свое вліяніе и проникать глубже во все болѣе и болѣе широкіе круги рабочихъ и пріобрѣтать фактическую возможность руководить рабочимъ движеніемъ Петербурга. Вмѣстѣ съ тѣмъ этимъ, наконецъ, было бы разъ навсегда покончено съ той перегородкой, которая отдѣляла соціалистовъ интеллигентовъ отъ соціалистовъ-рабочихъ.

Подумать объ всемъ этомъ было тѣмъ болѣе своевременно, что среди рабочихъ, рвущихся къ активной дѣятельности, начинало зарождаться глухое недовольство Союзной организаціей, но вмѣстѣ съ тѣмъ у рабочихъ было такое уваженіе къ Союзу, что они хотѣли работать именно подъ его знаменемъ. Среди насъ, стоявшихъ за дѣятельное участіе рабочихъ въ Союзѣ, не разъ возникала мысль, что если Союзъ сейчасъ не исполнитъ своего долга, то въ недалекомъ будущемъ, быть можетъ, намъ придется считаться съ печальнымъ фактомъ, что часть сознательныхъ рабочихъ отстанетъ отъ Союза и будетъ дѣйствовать самостоятельно; и кто знаетъ, что можетъ выйти изъ этого, быть можетъ, даже борьба съ Союзомъ и его тактикой.

Читатель спроситъ, какіе же аргументы выдвигали тѣ члены Союза, которые отстаивали старый порядокъ. Эти аргументы сводились главнымъ образомъ на то, что вве-

деніе рабочихъ въ центральную группу Союза невыгодно въ конспиративномъ отношеніи. Почему и отчего развитой рабочій-практикъ менѣе конспиративенъ, чѣмъ интеллигентъ, на это не получалось никакого удовлетворительнаго отвѣта. Впрочемъ однажды одинъ изъ главныхъ сторонниковъ стараго порядка вещей выразилъ даже опасеніе, что рабочіе внесутъ въ Союзъ новые порядки и, быть можетъ, лишатъ насъ руководящей роли.

На это оставалось лишь сказать, что если мы окажемся въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ несостоятельными, то не будетъ вреда для дѣла, если мы лишимся руководящей роли въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ мы дѣйствительно не въ силахъ руководить.

Споры подобнаго рода едва ли не больше трехъ мѣсяцевъ занимали мѣсто среди текущихъ дѣлъ, пока, наконецъ, сторонники стараго порядка не начали сдаваться.

Споры относительно лучшей постановки организаціоннаго дѣла Союза и допущенія рабочихъ къ дѣятельному участію въ его организаціи кончились тѣмъ, что въ концѣ февраля было рѣшено принять въ центральную группу Союза двухъ рабочихъ, представителей агитаціонной группы, или, какъ еще называли эту группу, рабочаго комитета. Но не успѣла центральная группа Союза собраться на общее собраніе въ новомъ составѣ, какъ произошелъ давно уже ожидавшійся (послѣ январскихъ стачекъ) провалъ, унесшій съ собою изъ Союза всѣхъ сторонниковъ участія рабочихъ въ его внутренней организаціи. Все пошло по старому, силы Союза на время ослабѣли, участіе рабочихъ въ центральной группѣ Союза на время сдѣлалось недоступнымъ и было осуществлено, какъ всѣмъ извѣстно, лишь въ позднѣйшее время. Запросы рабочихъ организаціонные, агитаціонные и даже литературные оставались по прежнему неудовлетворенными. Надежда на Союзъ въ этомъ отношеніи, повидимому, пропала. Отсюда вытекло стремленіе нѣкоторыхъ рабочихъ самостоятельно обезпечить себѣ удовлетвореніе своихъ насущныхъ общественныхъ нуждъ и потребностей, и, какъ одно изъ средствъ осуществленія этихъ стремленій, выступленіе на сцену группы рабочихъ, основавшихъ газету „Рабочая Мысль“.

Глава VI.

Возникновеніе „Рабочей Мысли". Ея краткая исторія.

Описанныя на предыдущихъ страницахъ условія медленно подготовляли почву для возникновенія группы и газеты „Рабочая Мысль". Послѣдняя возникла не сразу. Еще въ началѣ 1896 года одинъ кружокъ рабочихъ замышлялъ издавать свою рабочую газету. И рабочій, ставшій впослѣдствіи однимъ изъ основателей и главнѣйшимъ сотрудникомъ „Р. М.", принадлежалъ именно къ этому кружку. Я не знаю, что помѣшало этому кружку рабочихъ завести свою газету хотя бы весною 1896 г. Быть можетъ, недостатокъ силъ. Быть можетъ, надежды на изданія Союза; я не знаю. Впрочемъ косвеннымъ подтвержденіемъ такой догадки можетъ служить то обстоятельство, что въ архивѣ петербургскаго Союза того времени мы могли бы найти нѣсколько рукописей сказаннаго рабочаго, писанныхъ имъ еще осенью 1896 г. и переданныхъ имъ въ Союзъ для напечатанія. Рукописи эти не были напечатаны Союзомъ, главнымъ образомъ, по недостатку для того у Союза техническихъ средствъ.

Въ началѣ февраля 1897 г. Союзъ выпустилъ первый и, можно сказать, единственный номеръ своей газеты „Петербургскій Рабочій Листокъ" (помѣченный январемъ 1897 года). Въ немъ были, между прочимъ, помѣщены корреспонденціи двухъ работницъ. Происшедшій вскорѣ послѣ выпуска перваго номера „Листка" провалъ лишилъ Союзъ силъ и средствъ для продолженія этого изданія, а рабочихъ лишилъ послѣдней надежды видѣть свои рукописи напечатанными. Такимъ образомъ, давно сознаваемая потребность въ заведеніи своей собственной газеты получила въ глазахъ петербургскихъ рабочихъ новое основаніе.

Первый номеръ „Рабочей Мысли" появился въ октябрѣ 1897 года. Даже трафаретъ и мимеографъ для печатанія „Р. М." были собственноручно приготовлены самими рабочими.

Цѣль изданія „Рабочей Мысли“ была опредѣлена и
вавшимъ ее кружкомъ рабочихъ въ слѣдующихъ слов
„Для установленія связи между рабочими будетъ в
дить газета „*Рабочая Мысль*“, первый номеръ котор
читателя въ рукахъ. „Рабочая Мысль“ будетъ отра
жизнь рабочихъ въ ея настоящемъ свѣтѣ, будетъ спо
ствовать пробужденію въ нихъ интереса къ окружающ
выражая ихъ нужды и клеймя словами презрѣнія и
смѣшки нашу опричнину“.

Итакъ, по мысли ея основателей, „Р. М.“ должна
служить, съ одной стороны, органомъ общенія петерб
скихъ рабочихъ, выраженія ихъ запросовъ и ихъ ну
съ другой стороны—„Р. М.“ должна была стать орга
обличенія нашего разнузданнаго бюрократическаго произ
(опричнины) и выясненія дѣйствительнаго экономичес
и правового положенія рабочихъ.

Средства на изданіе „Р. М.“ составлялись, во-перв
изъ спеціально опредѣленныхъ на то суммъ, отчислявш
двумя рабочими кассами А. и В., а во-вторыхъ, изъ
ныхъ пожертвованій, дававшихся тоже спеціально на и
ніе „Р. М.“. Самое веденіе издательскаго дѣла, какъ
дакція, такъ и техника, находились въ рукахъ сказан
кружка, члены котораго являлись вмѣстѣ съ тѣмъ и г
нѣйшими сотрудниками „Р. М.“.

Сѣверно-Русскому Рабочему Союзу не удалось вы
стить даже перваго номера рабочей газеты, организовы
шейся Халтуринымъ и его товарищами на основаніяхъ
видимому, весьма аналогичныхъ только что описанной
ганизаціи „Р. М.“. Рабочая газета, замышлявшаяся Ха
ринымъ и его товарищами, организовывалась тоже
средства и стараніями группы, состоявшей исключител
изъ рабочихъ“ *).

„У Союза было много связей въ рабочемъ мірѣ,—г
рилъ Г. В. Плехановъ **).—Въ достовѣрныхъ сообщен
о темныхъ сторонахъ фабрично заводскаго быта недост
быть не могло. Появленіе ихъ въ печати сочувстве
встрѣтили бы всѣ рабочіе. Такимъ сообщеніямъ и дол
было принадлежать главное мѣсто на столбцахъ газ
Авторамъ передовыхъ статей оставалось бы лишь на

---

*) См. Календарь Народной Воли, 1883, стр. 40, статья «Преб
ніе Халтурина въ Зимнемъ Дворцѣ».

**) *Г. Плехановъ* «Русскій рабочій въ революціонномъ движ
по личнымъ воспоминаніямъ).

жащимъ образомъ освѣщать эти, непосредственно изъ жизни взятые, матеріалы".

Къ несчастію, Халтурину и его товарищамъ не удалось осуществить своихъ завѣтныхъ стремленій. Газета „вмѣстѣ съ типографіей была заарестована при наборѣ перваго же нумера и не оставила по себѣ ничего, „кромѣ памяти о попыткѣ чисто рабочаго органа, не повторявшейся уже потомъ ни разу" *).

Такимъ образомъ, на группу рабочихъ „Рабочей Мысли" выпала завидная доля осуществить завѣтную мечту Халтурина и его товарищей и быть основателями первой русской „чисто рабочей газеты".

Первый № „Р. М." вышелъ въ октябрѣ 97 г. За нимъ въ декабрѣ послѣдовалъ № 2. Эти два номера, ставшіе теперь большою библіографическою рѣдкостью и возбуждающіе относительно себя самыя превратныя толкованія, были въ свое время встрѣчены всеобщимъ сочувствіемъ. Въ своей библіографической замѣткѣ о № 2 „Р. М." въ № 7 листковъ „Работника" В. И. Засуличъ весьма справедливо отмѣтила „характерную особенность" статей „Р. М.", которыя „и пишутся и редактируются самими рабочими". „Если бы даже мы не знали этого заранѣе,—писала В. И. Засуличъ **),—то характерныя особенности языка, встрѣчающіяся на каждой страницѣ листковъ, увѣрили бы насъ, что авторы этихъ страницъ съ дѣтства говорили чисто народной рѣчью, не на школьной скамьѣ провели свое отрочество и лишь взрослыми ознакомились поближе съ литературнымъ языкомъ, съ книжными оборотами рѣчи".

„Пожелаемъ же еще разъ,—заканчивала В. И. Засуличъ ***) свою библіографическую замѣтку,—возможно болѣе широкаго развитія той чисто рабочей литературѣ, образчики которой мы видѣли въ... „Рабочей Мысли". Между прочимъ, она будетъ полезна уже и тѣмъ, что, заинтересовавъ русское общество, познакомитъ его съ истинной физіономіей новаго борца, выступающаго на то поле, на которомъ, не дождавшись его, уже погибло столько русскихъ людей, слишкомъ нетерпѣливо рвавшихся къ жизни".

Издательское дѣло группы „Раб. Мысли" быстро развивалось и расширялось. Связи и средства росли. Печатанье „Р. М." кустарнымъ способомъ, при помощи пишущей ма-

*) Г. Плехановъ. Тамъ же.
**) Листокъ «Работника» № 7, апрѣль 1898 г. стр. 16.
***) Тамъ же стр. 21.

обнимающій собою время появленія ея первыхъ четыр номеровъ, есть періодъ „Р. М“, какъ независимаго орг петербургскихъ рабочихъ.

Второй періодъ не такъ то легко опредѣлить, пот что, несмотря на соглашеніе, состоявшееся еще въ ко 1898 г., „Р. М.“ стала *фактически* оффиціальнымъ о номъ Союза въ сравнительно самое недавнее время. этому второй періодъ „Р. М.“ мнѣ приходится опредѣл какъ періодъ превращенія „Р. М“ изъ независимаго орг петербургскихъ рабочихъ въ подчиненный общепартійн цѣлямъ органъ петербургскаго комитета партіи. Тол что сказанное крайне необходимо принимать въ сообра ніе всѣмъ критикамъ „Р. М.“ и современнаго ей Пе бургскаго Союза Борьбы.

Соединеніе „Рабочей Мысли“ съ Союзомъ оказал на дѣлѣ далеко неудовлетворительнымъ. Фактически деніе „Р. М.“ находилось по прежнему въ вѣдѣніи новъ группы „Р. М“. Въ ихъ рукахъ была техника, а обстоятельство приводило къ фактическому существова особой редакціи „Р. М.“ надъ общей редакціей Союза. результатѣ — постоянная возможность измѣненія ста данныхъ для напечатанія Союзомъ, а слѣдовательно, и удовольствія и тренія. Примѣромъ можетъ служить вый же номеръ „Р. М.“, вышедшій подъ фирмой Со (№ 5). Для составленія его передовицы по поводу ста на фабрикѣ Максвелля *) Союзъ послалъ за-границу к

*) Одинъ изъ участниковъ Максвелльской стачки даетъ описаніе правы правительства съ рабочими, послѣдовавшей вслѣдъ за ста Это описаніе дышетъ непосредственной жизненной правдой и, м прочимъ, оно даетъ нѣкоторое представленіе объ уровнѣ политичес понятій средняго фабричнаго рабочаго того времени. Потому при его здѣсь цѣликомъ:

Бой за правду,

Фабричный народъ предъявлялъ фабричной министраціи, что цѣнокъ малъ на пудъ или на кусокъ матеріи.

Фабричная министрація не приняла рабочихъ словъ и дѣлал своему. Тогда фабричный народъ задумалъ сдѣлать стачку.

Въ это время появились печатные листки. Фабричный народъ талъ листки 13-го декабря въ 12 часовъ ночи, а 14-го декабря устроена стачка.

Въ это время пріѣзжалъ инспекторъ и требовалъ съ рабочихъ лобы. А фабричная министрація въ это время въ главной конторѣ с рабочихъ фотографической машиной.

На 15-е декабря рабочіе увидѣли гибель братій. Тогда раб *предъявили* писарю, который служилъ въ домѣ фабриканта, чтоб *пускать полицію по ночамъ*, на то день дадекъ, чтобы ходить забир *писарь не обратилъ* на слова рабочихъ вниманія.

іектъ желаемой статьи, предоставивъ ся выполненіе товарищу, завѣдывавшему всей техникой „Р. М.“; состоявшему въ то же время и въ редакціи. Составленная имъ и напечатанная передовица однако не понравилась Союзу. Благодаря этому, распространеніе перваго же совмѣстно изданнаго номера задерживалось Союзомъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Номеръ 6-й вышелъ совсѣмъ безъ передовицы.

Неизвѣстно, чѣмъ кончилось бы дѣло, если бы не провалъ, случившійся во время подготовленія матеріаловъ для № 7, унесшій съ собою всю петербургскую группу „Р. М.“ и часть Союза Борьбы. При этихъ условіяхъ оставалось что-нибудь одно изъ двухъ: или совсѣмъ не печатать № 7, что, вѣроятно, было бы наилучшимъ исходомъ, хотя большинство матеріаловъ уже было готово; или все же какъ-нибудь издать данный номеръ, въ надеждѣ на возобновленіе редакціи „Р. М.“ въ Петербургѣ. Членами группы, бывшими въ то время за-границей, было принято послѣднее рѣшеніе, была наскоро написана передовая статья и, надо сознаться, написана довольно односторонне. Эту статью дѣйствительно можно назвать своего рода проповѣдью трэдъ-юніонизма, но отвѣтственность за нее не должна падать ни на петербургскую группу „Рабочей

Полиція каждую ночь убавляла рабочихъ. Тогда рабочіе захотѣли открыть кровавый бой. На 17-е декабря въ коридорѣ была полная партія русскаго народа, нѣкоторые народы играли въ карты и у каждаго человѣка было полѣно въ рукахъ или больше. Въ 11½ часовъ ночи залаяла собака, которая была у двери входа. Въ это время рабочіе были готовы приняться за бой, вдругъ на порогѣ входа появилась полиція. Рабочіе бросились на полицію и полиція была разбита. Тогда самъ приставъ потребовалъ еще больше войска, конного.

Пристава приказъ былъ исполненъ, и приблизилось войска 310 человѣкъ, конныхъ городовыхъ и жандармовъ.

Въ это время нѣкоторые рабочіе видали, что каждому городовому и жандарму было принесено водки для разгара сердца: откуда водку представляли, это неизвѣстно.

Въ это время открылся бой настоящій. Рабочіе бросали въ полицію ведрами, бочками, чашками, дровами и даже фабрикантовыми часами.

Въ эту несчастную войну, я знаю, много малыхъ дѣтей пострадало, потому что война была полныхъ 4 часа, а въ это время былъ очень большой шумъ и крикъ, потому что у русскаго народа не было командира, а также и городовые были всѣ пьяные. Отъ такого шуму и крику малютки-дѣти испугались и кричали дурнымъ голосомъ.

Какихъ-нибудь минутъ 15,—тогда бы полиція сдалась въ плѣнъ рабочимъ.

Въ это время рабочіе видятъ, что нечѣмъ бросаться, а непріятель шо въ 4-мъ этажъ. Пришелъ непріятель уже въ 5-й этажъ.

Мысли", ни на Петербургскій Союзъ Борьбы. То же самое можно сказать съ еще большимъ правомъ про отдѣльное „Приложеніе".

Между тѣмъ къ зимѣ Союзъ снова собрался съ силами и сталъ готовить матеріалы для № 8. Но среди оставшихся членовъ группы „Рабочей Мысли" произошли серьезныя разногласія. Часть членовъ пришла къ заключенію, что за отсутствіемъ въ Петербургѣ мѣстной группы „Р. М.", газета лишилась возможности выполнять свою основную задачу, и считала нелѣпостью самую мысль о возможности хотя бы и временной заграничной редакціи для мѣстнаго органа. Изъ затруднительнаго положенія были лишь два выхода: или прекратить самое изданіе или передать редактированіе въ руки Петербургскаго Союза, оставивши себѣ только иностранный отдѣлъ. Первый исходъ, въ силу соглашенія, былъ невозможенъ безъ согласія Союза, а послѣдній не хотѣлъ прекращенія, ссылаясь на то, что рабочіе такъ привыкли и такъ любятъ „свою газету", что немыслимо и думать о прекращеніи „Рабочей Мысли". Доводъ былъ уважительный. О второмъ исходѣ не хотѣли и слышать тѣ члены, которые считали возможнымъ разорвать связь съ Союзомъ и редактировать газету за-границей до возобновленія въ Петербургѣ такой рабочей организаціи, которая могла бы продолжать дѣло исчезнувшей петербургской группы „Р. М.". Съ выступле-

Когда полиція вошла въ 5-й этажъ, въ 5-мъ этажѣ была большая масса народа; въ это время одинъ городовой ударилъ женщину опасную и женщина черезъ два дня выбросила малаго мертваго ребенка, а полиціймейстеръ кричалъ: «я васъ вышлю въ Сибирь, а дѣтей на отброс-ную яму выброшу»; а приставъ кричалъ: «всѣ по мѣстамъ!». Рабочіе видятъ, дѣло неустойка и побѣжали кто куда, кто въ квартиру убѣжалъ, а нѣсколько человѣкъ ушли на чердакъ, а одинъ человѣкъ ушелъ на крышу дома.

Приставъ далъ полиціи приказъ, чтобы у каждой квартиры были 15 человѣкъ городовыхъ. Приказъ пристава былъ исполненъ, нѣкоторые городовые вытащили шашки наголо и рубили шашками лари, въ ларяхъ находились рабочаго разные припасы: водка, мясо, сыръ и т. п. Городовые водку пили, а мясомъ закусывали.

Въ 4½ часа пошла кровавая переборка русскому народу. Приставъ ходилъ по квартирамъ съ писаремъ; еще было съ приставомъ нѣсколько сыщиковъ.

Когда выводили арестованнаго человѣка на волю, то на волѣ стояли два ряда городовыхъ, по обѣимъ сторонамъ по двадцать городовыхъ; это происшествіе называется «сквозь строемъ». Городовые пихали рабочаго сквозь строй и рабочаго сѣкли плетьми, послѣ чего рабочій имѣлъ на своемъ тѣлѣ раны, хоть не очень большія.

Приставъ обходилъ всѣ квартиры, а на чердакъ еще не былъ. И

ніемъ въ Петербургѣ Рабочей Организаціи, которая возвѣстила о своемъ существованіи воззваніемъ, (напечатаннымъ въ № 9 „Р. М.“), оказалось на лицо и послѣднее необходимое условіе для передачи. Скоро Петербургская Рабочая Организація соединилась съ Союзомъ (октябрь 1900 г.), и часть § 13-го устава Комитета С. П. Б. Союза Борьбы *), говорящаго: „Для редактированія газеты... составляется редакція изъ трехъ членовъ. Два изъ нихъ выбираются агитаціонной группой“ (т. е. комитетомъ Рабочей Организаціи)—до *нѣкоторой* степени примирила протестующихъ съ передачей „Р. М.“ Союзу.

№ 11 былъ изданъ подъ исключительною редакціею С. П. Б. Союза. Послѣ него даже самое печатанье „Р. М.“ было перенесено въ Россію и съ заголовка № 12 были даже сняты слова: „газета петербургскихъ рабочихъ“ **), что служило уже окончательнымъ признакомъ того, что „Р. М.“ превратилась въ оффиціальный органъ Петербургскаго Комитета Партіи.

Подробное изложеніе этихъ сравнительно недавнихъ событій не входитъ въ мою задачу; что же касается до прежней „Рабочей Мысли“, то ея истинное значеніе еще не уяснено и даже не выяснена еще ея истинная физіономія. Безпристрастнаго суда надъ „Р. М,“ еще не произнесено. Онъ принадлежитъ исторіи. Обвиненія, направляемыя въ настоящее время противъ „Рабочей Мысли“, въ значительной степени основаны на незнаніи какъ самой „Р. М.“, такъ и ея исторіи.

приставъ на чердакъ и видитъ тамъ людей. эти люди были взяты въ плѣнъ, также и съ крыши дома былъ человѣкъ сталненъ и взятъ въ плѣнъ.

Теперь приставъ собралъ вольныхъ дворниковъ въ свидѣтели. Дворники съ радостью шли въ свидѣтели, а сами дѣла не видѣли.

Теперь русскаго народа взято въ плѣнъ 50 человѣкъ сыщикомъ. Забранные люди были замѣчены сыщикомъ или писаремъ, а больше всего простымъ русскимъ человѣкомъ, т. е. русскій человѣкъ, не замѣчалъ ни въ чемъ, а выдавалъ по осердкѣ или чтобы защитить самъ себя.

Кровавая битва кончилась въ 12 часовъ пополудни. 17-го числа въ 9 часовъ утра были плѣнники посажены на дилижаны и отправлены въ Рождественскую часть.

Прибавлю, что я вамъ не всѣ предъявилъ притѣсненія министраціи и также фабричныхъ подмастерьевъ. Фабричная министрация очень притѣсняетъ рабочихъ совсѣмъ не за что; такъ что за какія-нибудь бездѣлушки даютъ рабочему разсчетъ, не отработавши двухъ недѣль; еще

*) См. «Рабочая Мысль» № 11.

**) *Впрочемъ, эти слова были* потомъ возстановлены.

Въ заключеніе моего очерка, я постараюсь возстановить въ представленіи читателя истинный образъ „Р. М.", и притомъ я постараюсь сдѣлать это такимъ способомъ, чтобы читатель могъ совершенно свободно составить свое самостоятельное мнѣніе о томъ, что въ сущности представляла собою „Рабочая Мысль".

фабричная министрація дала волю подмастерьямъ, а подмастерье что хочетъ, то и дѣлаетъ. Однажды одного человѣка, т. е. рабочаго, мастеръ уволилъ и далъ пропускъ за ворота, а подмастерье Лисицынъ увидалъ и взялъ отъ рабочаго пропускъ и разорвалъ, а рабочаго послалъ работать на старое мѣсто. Мастеръ Карла Карловичъ своего лакея поставилъ въ подмастерья: а лакей не знаетъ, какъ держать ключѣ въ рукахъ, а всячески занимаетъ двѣ должности: лакея и подмастерья. (Слѣдуетъ полная подпись).

нетъ отвергать всѣми признанной и не опровержимої тины, что улучшеніе нашего рабочаго положенія зави отъ насъ самихъ.

„Какъ бы ни былъ добръ и великодушенъ капитал все же у него, какъ и у каждаго смертнаго, на пер планѣ стоятъ свои личные интересы и свои потребн объ удовлетвореніи которыхъ онъ и заботится бо всего. Средства для удовлетворенія этихъ потребнс капиталистъ получаетъ съ эксплуатируемыхъ (обираем имъ рабочихъ; изъ этого уже становится вполнѣ ясн что заботиться о рабочихъ капиталисту нѣтъ никакої добности, потому что съ улучшеніемъ положенія рабо ему не удастся выжать изъ насъ столько соку, ско онъ можетъ выжимать тогда, когда мы находимся болѣе сильнымъ гнетомъ. Капиталистъ знаетъ, чтс роскошь и излишество, которыми онъ пользуется, п рѣтаются не его ничего недѣланьемъ, а трудомъ т которыхъ онъ обираетъ и которые терпятъ всевозмож лишенія, такъ какъ ему хорошо извѣстно, что чѣмъ бо лишеній переносятъ имъ обираемые, тѣмъ больше при переваливаетъ на его долю.

„Капиталисты могутъ быть добры къ намъ на сто на сколько мы имъ нужны, и они при всей ихъ доб и великодушіи, при первомъ удобномъ случаѣ, всегда товы сократить нашъ заработокъ, или выбросить нас мостовую. Интересы капиталистовъ и рабочихъ соверш противоположны; поэтому капиталисты уступаютъ то то, что они не могутъ удержать. Рабочіе могутъ улучі свое положеніе только упорнымъ требованіемъ, так отказать которому капиталистъ не въ силахъ. Я не с углубляться въ дальнѣйшія подробности о положеніи бочихъ и объ отношеніи къ нимъ капиталистовъ, по что все это извѣстно намъ рабочимъ, которые на св плечахъ выносятъ всю тягость капиталистическаго гн Желающіе ознакомиться близко съ этимъ вопросомъ, гутъ достигнуть этого при помощи нѣкоторыхъ кн достать которыя не особенно трудно.

„Изъ вышеуказаннаго видно, что дѣло улучшенія р чихъ зависитъ отъ нихъ самихъ. Послѣднія слова, п луй, никому изъ читающихъ эти строки не новы, и я сколько опасаюсь, что читатели „*Рабочей Мысли*“ пос туютъ мнѣ подзаняться выдумкой такого способа, при мощи котораго можно было бы улучшить нашу че *чуръ обремененную* жизнь, прочесть о чемъ было бы

раздо интереснѣе и полезнѣе, чѣмъ то, что я писалъ въ первыхъ строкахъ этой статьи. Выдумать такого способа, конечно, нельзя, при помощи котораго каждый изъ рабочихъ могъ бы улучшить свое положеніе, и пока мы будемъ заботиться только о своемъ собственномъ положеніи отдѣльно, можно съ увѣреннностью сказать, что мы не достигнемъ ничего лучшаго; а если и удастся нѣсколько удобнѣе устроить свою жизнь, то это удастся очень немногимъ и такъ мало, что такое улучшеніе всегда оказывается ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣмъ громаднымъ трудомъ, которымъ пришлось его пріобрѣсть, если только это лучшее устройство жизни достигается честнымъ путемъ и безъ всякихъ счастливыхъ случайностей. Но какъ оказывается, задумывать какой-либо особый способъ нѣтъ надобности, потому что онъ давно открытъ и давно признанъ рабочими другихъ странъ самымъ вѣрнымъ, что подтверждаетъ его примѣненіе къ дѣлу. Способъ этотъ — объединеніе рабочихъ; онъ не представляетъ изъ себя новинки для насъ, потому что мы слышимъ о немъ и знаемъ его; но и устарѣлымъ его назвать тоже нельзя, во первыхъ, потому, что такія вещи не старѣютъ, а во вторыхъ, что мы его не употребляли, исключая нѣкоторыхъ случаевъ, напримѣръ стачки; рабочіе, выведенные изъ терпѣнія общимъ гнетомъ, предъявляютъ общее требованіе. И у насъ, безъ всякой подготовки и самостоятельной организаціи рабочихъ, способъ этотъ оказываетъ громадные успѣхи.

„Рабочіе разныхъ заводовъ и фабрикъ составляютъ, такъ сказать, одинъ классъ, разница между нами только та, что одинъ изъ насъ исполняетъ одну, другой другую работу; но всѣ мы обязаны работать съ утра до вечера, всѣ мы подчиняемся общему закону, возложенному на насъ капиталистами и стоящимъ на ихъ сторонѣ правительствомъ. Законъ этотъ, какъ извѣстно, составленъ такъ, какъ нашли сдѣлать это удобнѣе для себя его представители. И мы видимъ, что законъ этотъ не только ничего не даетъ намъ, но даже отнимаетъ у насъ то, что составляетъ неотъемлемую собственность каждаго человѣка. Мы всѣ скованы одною цѣпью произвола, порвать которую мы можемъ только общими силами.

„Несмотря на всю очевидность необходимости объединенія, нельзя не замѣтить полной разрозненности рабочихъ, не только по всей Россіи, но и здѣсь въ Петербургѣ, гдѣ *общеніе вполнѣ возможно*. Однако несмотря на это, связи

нетъ отвергать всѣми признанной и не опровержимой истины, что улучшеніе нашего рабочаго положенія зависитъ отъ насъ самихъ.

„Какъ бы ни былъ добръ и великодушенъ капиталистъ, все же у него, какъ и у каждаго смертнаго, на первомъ планѣ стоятъ свои личные интересы и свои потребности, объ удовлетвореніи которыхъ онъ и заботится больше всего. Средства для удовлетворенія этихъ потребностей капиталистъ получаетъ съ эксплуатируемыхъ (обираемыхъ) имъ рабочихъ; изъ этого уже становится вполнѣ яснымъ, что заботиться о рабочихъ капиталисту нѣтъ никакой надобности, потому что съ улучшеніемъ положенія рабочихъ ему не удастся выжать изъ насъ столько соку, сколько онъ можетъ выжимать тогда, когда мы находимся подъ болѣе сильнымъ гнетомъ. Капиталистъ знаетъ, что вся роскошь и излишество, которыми онъ пользуется, пріобрѣтаются не его ничего недѣланьемъ, а трудомъ тѣхъ, которыхъ онъ обираетъ и которые терпятъ всевозможныя лишенія, такъ какъ ему хорошо извѣстно, что чѣмъ больше лишеній переносятъ имъ обираемые, тѣмъ больше прибыли переваливаетъ на его долю.

„Капиталисты могутъ быть добры къ намъ на столько, на сколько мы имъ нужны, и они при всей ихъ добротѣ и великодушіи, при первомъ удобномъ случаѣ, всегда готовы сократить нашъ заработокъ, или выбросить насъ на мостовую. Интересы капиталистовъ и рабочихъ совершенно противоположны; поэтому капиталисты уступаютъ только то, что они не могутъ удержать. Рабочіе могутъ улучшить свое положеніе только упорнымъ требованіемъ, такимъ, отказать которому капиталистъ не въ силахъ. Я не стану углубляться въ дальнѣйшія подробности о положеніи рабочихъ и объ отношеніи къ нимъ капиталистовъ, потому что все это извѣстно намъ рабочимъ, которые на своихъ плечахъ выносятъ всю тягость капиталистическаго гнета. Желающіе ознакомиться близко съ этимъ вопросомъ, могутъ достигнуть этого при помощи нѣкоторыхъ книгъ, достать которыя не особенно трудно.

„Изъ вышеуказаннаго видно, что дѣло улучшенія рабочихъ зависитъ отъ нихъ самихъ. Послѣднія слова, пожалуй, никому изъ читающихъ эти строки не новы, и я нисколько опасаюсь, что читатели *„Рабочей Мысли“* посовѣтуютъ мнѣ подзаняться выдумкой такого способа, при помощи котораго можно было бы улучшить нашу чересчуръ *обремененную* жизнь, прочесть о чемъ было бы

раздо интереснѣе и полезнѣе, чѣмъ то, что я писалъ въ первыхъ строкахъ этой статьи. Выдумать такого способа, конечно, нельзя, при помощи котораго каждый изъ рабочихъ могъ бы улучшить свое положеніе, и пока мы будемъ заботиться только о своемъ собственномъ положеніи отдѣльно, можно съ увѣреннностью сказать, что мы не достигнемъ ничего лучшаго; а если и удастся нѣсколько удобнѣе устроить свою жизнь, то это удастся очень немногимъ и такъ мало, что такое улучшеніе всегда оказывается ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣмъ громаднымъ трудомъ, которымъ пришлось его пріобрѣсть, если только это лучшее устройство жизни достигается честнымъ путемъ и безъ всякихъ счастливыхъ случайностей. Но какъ оказывается, задумывать какой-либо особый способъ нѣтъ надобности, потому что онъ давно открытъ и давно признанъ рабочими другихъ странъ самымъ вѣрнымъ, что подтверждаетъ его примѣненіе къ дѣлу. Способъ этотъ — объединеніе рабочихъ; онъ не представляетъ изъ себя новинки для насъ, потому что мы слышимъ о немъ и знаемъ его; но и устарѣлымъ его назвать тоже нельзя, во первыхъ, потому, что такія вещи не старѣютъ, а во вторыхъ, что мы его не употребляли, исключая нѣкоторыхъ случаевъ, напримѣръ стачки; рабочіе, выведенные изъ терпѣнія общимъ гнетомъ, предъявляютъ общее требованіе. И у насъ, безъ всякой подготовки и самостоятельной организаціи рабочихъ, способъ этотъ оказываетъ громадные успѣхи.

„Рабочіе разныхъ заводовъ и фабрикъ составляютъ, такъ сказать, одинъ классъ, разница между нами только та, что одинъ изъ насъ исполняетъ одну, другой другую работу; но всѣ мы обязаны работать съ утра до вечера, всѣ мы подчиняемся общему закону, возложенному на насъ капиталистами и стоящимъ на ихъ сторонѣ правительствомъ. Законъ этотъ, какъ извѣстно, составленъ такъ. какъ нашли сдѣлать это удобнѣе для себя его представители. И мы видимъ, что законъ этотъ не только ничего не даетъ намъ, но даже отнимаетъ у насъ то, что составляетъ неотъемлемую собственность каждаго человѣка. Мы всѣ скованы одною цѣпью произвола, порвать которую мы можемъ только общими силами.

„Несмотря на всю очевидность необходимости объединенія, нельзя не замѣтить полной разрозненности рабочихъ, не только по всей Россіи, но и здѣсь въ Петербургѣ, гдѣ *общеніе вполнѣ возможно*. Однако несмотря на это, связи

между рабочими почти совсѣмъ отсутствуютъ. Причин нашей разрозненности являются первымъ долгомъ тѣ н удобства, которыя приходится встрѣчать при поддерж связей, при чемъ нельзя не признать того грустнаго явл нія, что мы сами слишкомъ мало заботимся о возстанс леніи связей; но главная причина этого зла заключает въ томъ, что у насъ нѣтъ ничего такого, что представля бы общій интересъ. Разрозненность эта не остается бе слѣдной; ея результатомъ является то, что кружки раб чихъ, потерявши своего руководителя, ищутъ возстанс ленія новыхъ связей черезъ товарищей другихъ заводо или фабрикъ; между тѣмъ ихъ можно было бы возобн вить черезъ лицо, находящееся только въ другой масте ской. Также мнѣ приходилось встрѣчать организовавшую группу товарищей, которая составилась сама по себѣ и знала, какъ ей примкнуть къ Союзу и получать книги.

„Вообще о разрозненности можно сказать, что она погл щаетъ и безъ того небольшія наши силы и мѣшаетъ пр ложенію ихъ къ дѣлу. Изъ вышеприведенныхъ примѣро видно, что потребность объединенія существуетъ, котор вызываетъ сама наша жизнь, и мы должны считать сво обязанностью способствовать удовлетворенію этой потре ности. Мы, какъ и другихъ странъ рабочіе, тоже сознаем что способъ объединенія является въ данномъ случ единственнымъ и вѣрнымъ, который можетъ принести на громадную пользу, но какъ одолѣть тѣ препятствія, ко рыя встрѣчаются при его примѣненіи? Вотъ вопросъ, ко рый при первыхъ же шагахъ столько запугиваетъ на своею сложностью, что мы отказываемся отъ его рѣше и малодушно остаемся въ бездѣйствіи. Многіе изъ насъ быть можетъ, даже большинство рабочихъ сознаютъ нес ходимость объединенія и желаютъ его, но слишкомъ ма стараемся перейти отъ слова къ дѣлу, утѣшая себя тѣм что сдѣлать этого у насъ пока нельзя; мы видимъ пре собою мрачную стѣну монархическаго строя, которая пр пятствуетъ доступу къ намъ свѣта; мы сознаемъ все н удобство нашего пребыванія во мракѣ, но приступить этой стѣнѣ не рѣшаемся, видя, какъ отдѣльныя попыт къ этому ведутъ къ печальнымъ послѣдствіямъ. Но во въ томъ то и дѣло, что мы видимъ случаи только отдѣл ныхъ попытокъ и принимаемъ результатъ ихъ за общ неизбѣжность. Стѣна современнаго строя крѣпка и про волъ нашего бюрократизма непоборимъ, но непоборимъ то ко въ томъ случаѣ, когда на это направляются отдѣльн

силы, которыя настолько малы, что падаютъ жертвой произвола. Но дѣло приметъ совсѣмъ иной оборотъ, когда противъ произвола капиталистовъ и правительства будетъ направлена объединенная сила — сила сознанія самостоятельности рабочаго класса, справедливыя требованія котораго должны быть удовлетворены. Каждый изъ насъ подавленъ заботой о содержаніи себя и своего семейства, забота эта поглощаетъ все время и силы рабочаго, такъ какъ только при напряженномъ усиліи мы можемъ гарантировать себя отъ особой нужды, т. е. сводить концы съ концами. Историческое положеніе наше, какъ рабочаго класса таково, что работая надъ достиженіемъ своего благополучія, мы исполняемъ общественную работу. Мы послѣдній классъ. За нами нѣтъ никого. Господство рабочаго класса, есть всеобщее господство, или, лучше, всеобщее равноправіе, и къ достиженію его должны мы стремиться; только тогда мы можемъ сказать, что жили не напрасно, и это подтвердятъ наши дѣти. Чтобы сдѣлать что-нибудь полезное для рабочаго класса, намъ необходимо объединить наши силы, такъ какъ требованія наши будутъ удовлетворены только тогда, когда они будутъ общимъ требованіемъ всего рабочаго класса, а иначе всѣ наши заявленія на принадлежащія намъ права останутся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Для прочности объединенія рабочихъ всѣхъ заводовъ и фабрикъ необходимо имѣть рабочую кассу, которая въ свое время окажетъ намъ громадную услугу. Касса такая уже существуетъ и уставъ ея, выработанный петербургскими рабочими, распространенъ. Кассу эту мы должны поддерживать всѣми силами, потому что безъ нея дѣятельность на рабочемъ поприщѣ почти невозможна. Внести 25 коп. въ мѣсяцъ можетъ каждый рабочій безъ особыхъ затрудненій, и я надѣюсь, что всѣ сознательные рабочіе примутъ участіе въ дѣлѣ для пользы народа. Для установленія связи между рабочими будетъ выходить газета „*Рабочая Мысль*“, первый номеръ который у читателя въ рукахъ. „*Рабочая Мысль*“ будетъ отражать жизнь рабочихъ въ ея настоящемъ свѣтѣ, будетъ способствовать пробужденію въ нихъ интереса къ окружающему, выражая ихъ нужды и клеймя словами презрѣнія и насмѣшки нашу причнину“.

Само собой разумѣется, что только что приведенная статья, являющаяся декларацiей принциповъ „Рабочей мысли“ и опредѣляющая ея задачи, черезъ это самое и *та основная статья, которая* опредѣляетъ направленіе

„Рабочей Мысли“, поскольку направленіе это вытекало и принциповъ „Рабочей Мысли“ и изъ ея задачъ и стремл ній. Однако надо прибавить, что это направленіе, вытек изъ задачъ и стремленій ея основателей, слагалось вмѣс съ тѣмъ подъ вліяніемъ тѣхъ, разобранныхъ нами въ гла VI, отрицательныхъ условій, на почвѣ и въ силу которы возникла „Р. М.“. И для опредѣленія вліянія этихъ усл вій, мнѣ кажется, лучше всего можетъ служить друг статья въ № 1, брошенная какъ бы въ видѣ вызова тѣ руководителямъ тогдашняго Союза Борьбы, которые стоя противъ допущенія рабочихъ во внутреннюю его орган зацію.

Я говорю про передовицу перваго номера, по котор обыкновенно, и притомъ совершенно ошибочно, судятъ направленіи первыхъ номеровъ „Р. М.“. Дѣло въ том что первые номера давно уже стали величайшей библ графической рѣдкостью, и всѣмъ интересующимся прежн „Р. М.“ по неволѣ приходилось составлять о ней свое мн ніе по этой передовицѣ, перепечатанной В. И—нымъ въ е библіографической замѣткѣ № 9—10 листковъ „Работн ка“. Необходимо однако сказать, что В. И—нъ не впол правильно выбралъ для перепечатки именно эту стат если только цѣль его замѣтки состояла, дѣйствитель въ желаніи познакомить читателя, въ общихъ черта „съ этой *первой* русской рабочей газетой“. Впрочемъ самъ товарищъ И—нъ, перепечатывая передовицу № счелъ необходимымъ прибавить, что „статья эта... не всѣмъ полно и точно выражаетъ собой общее направле и характеръ органа петербургскихъ рабочихъ“ *).

Впрочемъ, если ужъ начать серьезно выяснять напр леніе „Р. М.“, то поневолѣ придется выводить его и всего ея содержанія, а не только изъ немногихъ ея пе довыхъ статей, которыя подчасъ могли быть написаны неумѣло, и не совсѣмъ полно, и не совсѣмъ „надлеж щимъ образомъ освѣщать изъ жизни взятые матеріалы“

Каково же было направленіе всего содержанія „Р. М Каково было направленіе тѣхъ безчисленныхъ и вмѣс съ тѣмъ „достовѣрныхъ сообщеній“, которымъ „долж было принадлежать главное мѣсто на столбцахъ газет и которыя составляли главную часть ея содержанія?

На этотъ вопросъ отвѣтить ужъ не такъ трудно. Р бочіе стремились къ выясненію темныхъ сторонъ свое

*) *Стр. 50.*

положенія и, обладая своимъ собственнымъ органомъ, они имѣли полнѣйшую возможность выводить на свѣжую воду всѣхъ своихъ угнетателей. Рабочіе знали, что ихъ слово всегда найдетъ себѣ надлежащее мѣсто въ ихъ газетѣ.

Интересно знать, кто станетъ теперь отрицать, что стачки средины и конца 90-хъ годовъ представляли собою начальный періодъ широкой профессіональной борьбы петербургскихъ рабочихъ со своими хозяевами?

А если это такъ, то почему же газета, бывшая органомъ этихъ рабочихъ, не должна была призывать ихъ къ подобнаго рода борьбѣ? развѣ такая борьба нежелательна? Врядъ ли кто осмѣлится повторить, что такая борьба буржуазна. И „Р. М.", будучи органомъ петербургскихъ рабочихъ, сознательно призывала ихъ къ этой борьбѣ, не боясь, что кто-либо можетъ обвинить ее въ буржуазности.

Если же даже почти неорганизованная профессіональная борьба весьма желательна, какъ первое начало профессіональнаго движенія, то можетъ ли быть нежелательной сознательная и организованная профессіональная борьба, какъ дальнѣйшее развитіе того же рода движенія? Опытъ большихъ стачекъ ткачей и прядильщиковъ показалъ петербургскимъ рабочимъ всю необходимость организованности для успѣшности дальнѣйшей борьбы.

Рабочіе стремились основывать боевые рабочіе союзы и кассы; и ихъ газета „Р. М." являлась и въ этомъ отношеніи ихъ выразителемъ, настаивая въ каждомъ номерѣ на необходимости организацій и не пропуская случая для агитаціи по этому поводу. Она выражала въ этомъ отношеніи насущныя нужды и интересы рабочихъ и представляла рабочимъ свои страницы для проектовъ организацій и для обмѣна мыслями по этому поводу. Вспомнимъ, вѣдь это былъ самый разгаръ *организаціоннаго* періода, явившагося самымъ прямымъ послѣдствіемъ двухлѣтней, напряженной борьбы, періода, развившагося самымъ естественнымъ образомъ изъ предшествовавшаго ему періода массовой агитаціи.

Конечно, „Рабочая Мысль" не была вполнѣ выраженнымъ соціалдемократическимъ органомъ. Но и самое движеніе петербургскихъ рабочихъ средины и конца 90-хъ годовъ, описанное на предыдущихъ страницахъ, стоитъ еще очень далеко отъ вполнѣ сознательнаго соціалдемократическаго рабочаго движенія. А недопущеніе сознательныхъ рабочихъ соціалдемократовъ во внутрь соціалдемократической *организаціи, конечно,* не только не способствовало

развитію среди рабочихъ соціалдемократизма,. но, на
ротъ, задерживало его развитіе.

Исходя изъ всего этого, нисколько не мудрено, чт
органъ, выражавшій движеніе, какъ оно есть, не бы
вполнѣ соціалдемократическимъ органомъ, хотя имѣлъ
средѣ своихъ основателей и главныхъ сотрудниковъ соз
тельныхъ, преданныхъ и искреннихъ соціалдемократов

Правда, „Рабочая Мысль“ призывала рабочихъ боль
къ профессіональной борьбѣ, чѣмъ къ борьбѣ политичес
однако въ ней постоянно говорилось и о необходимо
„Союза всего рабочаго класса“, о необходимости бор
съ бюрократизмомъ. Такъ въ приводившейся выше ста
изъ № 1 мы читаемъ: „Стѣна современнаго строя крѣ
и произволъ нашего бюрократизма непобѣдимъ, но не
бѣдимъ только въ томъ случаѣ, когда на это направляк
отдѣльныя силы, которыя настолько малы, что пада
жертвой произвола. Но дѣло приметъ совсѣмъ иной
ротъ, когда противъ произвола капиталистовъ и правит
ства будетъ направлена объединенная сила—сила созн
самостоятельности рабочаго класса“.

Въ передовицѣ № 2 мы читаемъ: „правительство
крыто, не стѣсняясь, становится на сторону капиталист
и, при помощи полиціи и войска, съ оружіемъ въ рук
старается заставить рабочихъ снова приняться за с
несносную лямку. Такимъ образомъ приходится вести бор
съ двумя врагами: фабрикантами, заводчиками и ихъ
щитникомъ правительствомъ“. Статья оканчивается т
„Зданіе капиталистовъ съ правительствомъ устроенс
пескѣ; очевидно, оно рушится при первой бурѣ. Сила
летаріата, рабочихъ скрыта въ нихъ самихъ; но рус
рабочій еще только начинаетъ просыпаться; проснувш
съ ужасомъ узнаютъ, насколько долго они спали и, д
не потерять драгоцѣннаго времени, спѣшатъ будить сво
спящихъ товарищей.

Будите же, товарищи, быстрѣе, старательнѣе др
друга, соединяйтесь въ союзы и такимъ образомъ за на
русскими рабочими, будетъ полный успѣхъ и побѣда“

По смыслу всей статьи, подъ союзами здѣсь надо
нимать нѣчто среднее между профессіональнымъ союз
и соціалдемократическимъ союзомъ борьбы за освобожд
рабочаго класса.

Въ № 3, на ряду съ выдвиганіемъ необходимости
выхъ союзовъ и кассъ, говорится: „правительство и
риканты заключили „союзъ“ для борьбы съ рабочим

дружными усиліями полиціи, войска и духовенства имъ удается подавлять требованія рабочихъ. Понятно, что для отпора союза враговъ и намъ надо устроить союзъ рабочаго класса".

Отъ направленія этихъ трехъ номеровъ не отступаетъ ни на іоту и „знаменитая" передовица № 4, одно мѣсто которой было въ свое время кое кѣмъ совершенно неправильно истолковано, и въ этомъ невѣрно истолкованномъ видѣ послужило почвой для распространенія слуховъ о томъ, что будто бы „Р. М." даже противъ политической свободы?

Вотъ это мѣсто: „Нѣтъ! довольно той лжи, по которой рабочее движеніе оттого развивается, что уже на лицо политическая свобода... Нѣтъ! настоящая свобода оттого развивается, что рабочее движеніе двинулось и неудержимо стремится впередъ! Истина въ томъ, что всякая стачка, всякая касса, всякій рабочій союзъ только тогда становится „законнымъ", когда сталъ дѣломъ обычнымъ, когда—запрещай его или дозволяй—все равно ничего не подѣлаешь".

А вотъ заключеніе этой статьи: „Да! Дѣло въ томъ, чтобъ бороться за жизнь... Какими средствами?.. законными или беззаконными?.. *Всѣми!* Всѣми, какія только даетъ современная жизнь и указываетъ въ своемъ движеніи впередъ.

„Всѣми средствами, начиная съ открытыхъ массовыхъ стачекъ за повышеніе заработной платы и сокращеніе рабочаго дня—до тайныхъ рабочихъ сообществъ и кассъ, отъ трудовыхъ товариществъ или сообществъ работниковъ, добровольно составленныхъ", по проекту министерства внутреннихъ дѣлъ и имъ же разрѣшаемыхъ потрбительныхъ обществъ, обществъ взаимопомощи, образованія, развлеченія и т. д.—до союзовъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса, отъ книгъ и журналовъ, цензурой одобренныхъ, вплоть до „преступнѣйшихъ" прокламацій, говорящихъ о необходимѣйшихъ нуждахъ рабочихъ, вплоть до машинъ скорописныхъ и тайныхъ типографскихъ станковъ!

Въ ходъ все, слѣдуя жизни! Пусть жизнь вся пропитается „злонамѣреннымъ", „незаконнымъ" духомъ рабочихъ. Правительство уже чувствуетъ себя не въ силахъ остановить все усиливающееся движеніе рабочихъ, охватившее всю страну, и измѣняетъ политику (замѣчайте!). По прежнему преслѣдуя „зачинщиковъ" и „главарей", оно начинаетъ уже *разрѣшать* настоящія рабочія общест

(напр. „Харьковское общество взаимопомощи заводских рабочихъ“, уставъ котораго недавно утвержденъ министер ствомъ внутреннихъ дѣлъ, и др.); оно, очевидно, разсчиты ваетъ *канализовать* рабочее движеніе, направить его п болѣе удобному для себя руслу. Это значитъ, что у нас началась хорошо извѣстная всѣмъ заграничнымъ рабочим политика „прирученія“ рабочихъ союзовъ.

„Великолѣпно! Пусть же всеоживляющая сила сознатель ныхъ рабочихъ дѣятелей проникаетъ повсюду, гдѣ мыслим двигать рабочее дѣло подъ какимъ бы то ни было покро вомъ. Товарищи! Крыться намъ нечего. Наживной, созна тельный классъ фабрикантовъ и его ловкое правитель ство знаетъ хорошо, что такъ и будетъ. Весь ихъ ра счетъ—на отсрочку.

„Пусть же не будетъ отсрочки! Пусть скорѣе забьют струи жизни тамъ, гдѣ про нихъ никто не гадалъ и н думалъ. Пусть все оживаетъ! Пусть желательное стан вится скорѣй настоящимъ, а настоящее пусть неудержим бьетъ кипучимъ ключемъ жизнедѣятельности“.

(Октябрь, 1898 г.)

Но мнѣ скажутъ, все-таки соціалдемократическое на правленіе „Р. М.“ не было выражено вполнѣ опредѣленн Я скажу болѣе. Если принять во вниманіе всѣ тѣ условія подъ вліяніемъ которыхъ сложилось направленіе „Р. М. и если принять въ соображеніе первоначальную постановк задачъ „Р. М.“—быть выразителемъ рабочихъ,—то при дется сказать, что направленіе ея и не могло въ то врем быть вполнѣ выраженнымъ соціалдемократическимъ на правленіемъ, хотя оно и заключало въ себѣ начала истин наго соціалдемократизма.

Слѣдующее мѣсто основной статьи перваго номера „Ра бочей Мысли“ очень хорошо подтверждаетъ только чт сказанное.

„... Историческое положеніе наше, какъ рабочаго класс таково, что работая надъ достиженіемъ своего благополу чія, мы исполняемъ общественную работу. Мы послѣдні классъ. За нами нѣтъ никого. Господство рабочаго класс есть всеобщее господство, или, лучше, всеобщее равнопра віе; и къ достиженію его должны мы стремиться; тольк тогда мы можемъ сказать, что жили не напрасно и эт подтвердятъ наши дѣти. Чтобы сдѣлать что-нибудь полез ное для рабочаго класса, намъ небходимо объединить наш вы, такъ какъ требованія наши будутъ удовлетворен ри.

только тогда, когда они будутъ общимъ требованіемъ всего рабочаго класса, а иначе всѣ наши заявленія на принадлежащія намъ права останутся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ".

Но довольно о направленіи „Рабочей Мысли".

Теперь два слова о самой постановкѣ задачъ газеты.

„Не „Рабочая Мысль" создаетъ извѣстное настроеніе среди рабочихъ, а напротивъ, сама „Рабочая Мысль" создается рабочимъ настроеніемъ, „отражаетъ ихъ мыслями",—писалъ одинъ изъ рабочихъ главныхъ сотрудниковъ „Р. М." предъ выходомъ въ свѣтъ № 5.

Быть можетъ, надо признать ошибочнымъ веденіе рабочей газеты въ такомъ направленіи. Но это уже вопросъ иного порядка; это вопросъ о правильности постановки задачъ „Рабочей Мысли" ея основателями. Объ этомъ вопросѣ можно поговорить когда-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же, принимая во вниманіе *данную* постановку задачъ, приходится лишь окончательно установить тотъ фактъ, что „Р. М." дѣйствительно самымъ точнымъ образомъ выражала собою *общее* направленіе петербургскаго рабочаго движенія средины и конца 90-хъ годовъ. Поэтому обвиненіе „Р. М.", *какъ органа петербургскихъ рабочихъ*, въ неправильности ея направленія, обвиненіе ея въ томъ, что она держалась именно *такого*, а не иного направленія, равносильно обвиненію въ неправильности всего направленія петербургскаго рабочаго движенія 90-хъ годовъ.

Между тѣмъ направленіе этого движенія, очевидно, не могло быть инымъ, будучи обусловлено всѣми тогдашними обстоятельствами. При *данной* постановкѣ своихъ задачъ, и „Р. М." тоже не могла быть тѣмъ, чѣмъ она была бы при другой постановкѣ ея задачъ. Но самая постановка ея задачъ вытекала цѣликомъ изъ условій ея возникновенія.

Типографія В. Я. Мильштейна, Нижегородская ул., д. 14.

Оглавленіе.

Стр.

Введеніе 3

Глава I. Первый періодъ—кружковщина. 6

» II. Начало агитаціоннаго періода 18

» III. Петербургскія лѣтнія стачки 1896 г. 34

» IV. Зимняя стачка. 53

» V. Организаціонный періодъ движенія.—Новыя задачи союза и условія, на почвѣ и въ силу которыхъ возникла «Рабочая Мысль» 68

» VI. Возникновеніе «Рабочей Мысли». Ея краткая исторія. . 77

» VII. Что же собою представляла «Рабочая Мысль»? 88

Вышли въ свѣтъ слѣдующія изданія:

I. *Теорія и исторія научнаго соціализма*

1. **К. Марксъ и Фр. Энгельсъ.** Коммунистич. манифестъ. Полный переводъ со всѣми предисловіями авторовъ . . . ц. 5
2. **К. Марксъ.** Нищета философіи. Отвѣтъ на «философію нищеты» г. Прудона. Съ предисловіемъ и примѣчаніями **Фр. Энгельса.** Пер. съ французскаго С. Алексѣева. Изд. 3-е. . . . . ц. 30
3. **Его-же.** Рѣчь о свободѣ торговли Изд. 2-е . . . . . ц. 4
4. **Фр. Энгельсъ.** Людвигъ Фейербахъ (Отъ классич. идеализма къ діалектич. матеріализму). Съ тезисами К. Маркса о Фейербахѣ. Изд. 2-е . . . . . ц. 20
5. **К. Каутскій.** Экономическое ученіе К. Маркса. (Печатается) . . . . . .
6. **Его-же.** Этика и матеріалистич. пониманіе исторіи. Разрѣшенный авторомъ переводъ подъ редакціей Ф. Дана. Съ предисловіемъ автора къ русск. изданію . . . . . ц. 30
7. **Фр. Энгельсъ.** Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи. Пер. В. Неровой. Изд. 2-е. . . . . ц. 5
8. **Ж. Жоресъ и П. Лафаргъ.** Идеализмъ и матеріализмъ въ исторіи . . . . . ц. 6
9. **В. Засуличъ.** Элементы идеализма въ соціализмѣ. . . . ц. 20

V. *Памфлеты.*

77. **К. Марксъ.** Защитительная рѣчь передъ Кельнскимъ судомъ . . . . . ц. 10
78. **Лафаргъ.** Право на лѣнь . . . . . ц. 6
79. **Н. Троцкій.** Конституція освобожденцевъ. . . . . ц. 5
80. **Л. Тахоцкій (Н. Троцкій).** Г. П. Струве въ политикѣ . . ц. 25
81. **Н. Троцкій.** Изъ исторіи одного года . . . . . ц. 20

VIII. *Исторія движенія.*

94. **Л. Дейчъ.** 16 лѣтъ въ Сибири. Вып. I . . . . . ц. 80
95. **Я. Стефановичъ.** Дѣвушкъ карійца. . . . . ц. 75
96. **Л. Волкенштейнъ.** 13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Съ предисловіемъ В. И. Засуличъ . . . . . ц. 20
97. **Н. Рязановъ.** Группа «Освобожденіе труда» . . . . . ц. 5
114. **К. Таръ.** Очеркъ петербургскаго рабочаго движенія. По личнымъ воспоминаніямъ . . . . . ц. 30

Главный складъ книгоиздательства „Новый Міръ“:
С.-Петербургъ, Николаевская. 61.

Типографія В. Я. Мильштейна, Нижегородская ул., д. 14

Библіотека русскихъ сочиненій

Н. ЩЕДРИНЪ

ПИСЬМА КЪ ТЕТЕНЬКѢ

BRIEFE AN DIE TANTE
LETTRES À LA TANTE

Берлинъ [illegible] Berlin SW.
[illegible] Hugo Steinitz Verlag
[illegible]

[illegible] Мар. 1,[illegible]

Собраніе произведеній лучшихъ русскихъ писателей

Содержитъ преимущественно книги, запрещенныя въ Россіи

Изданіе Гуго Штейнитца, Берлинъ, Шарлотенбургъ 2.

Verlag von Hugo Steinitz, Berlin, Charlottenburg 2.

Цѣна

1. Шедель, Нравственныя задачи XX-го вѣка (Moralische Aufgaben)
2. Л. Н. Толстой, Письмо къ Полску (Polen-Brief)
3. —, Рабунь (Vermaß, Mache)
4. —, По совѣсти (Gewissen nicht)
5. —, Пятаковъ (Pakhin)
6. —, Патріотизмъ или миръ? (Patriotismus)
7. —, Плоды просвѣщенія (Früchte)
8. —, Христіанство (Christenthum)
9. —, Мысли о Богѣ (Gedanken)
10. —, Рабство нашего времени (Sklaverei)
11. —, О смыслѣ жизни (Sinn des Lebens)
12. —, Христіанство (Christenthum)
13. —, Половой вопросъ (Sexuelle Frage)
14. —, Воскресеніе (Auferstehung)
15. —, Царство Божіе, 2 части (Reich Gottes)
16. Е. Чичеринъ, Польскій и еврейскій вопросы (Polnische und jüdische Frage)
17. М. Гольвій, Запрещенное (Verbotenes)
18. Толстой и Святѣйшій Синодъ (Tolstoi und Synod)
19. ***, Россія наканунѣ двадцатаго столѣтія (Russland am Vorabend)
20. ***, Послѣдніе революціонныя событія (Revolution)
21. Н. Т., Тайны земныхъ дворцовъ (Geheimnisse)
22. Е. Гершуни, Л. Н. Толстой и др., На злобу дня (Gegen Tolstoi etc., Tagesfrage)
23. ***, Жизнь и ученіе Магомеда (Mohamed)
24. Л. Н. Толстой, Письмо о его ученіи (Tolstoi Lehre)
25. —, Единственное средство (Einziges Mittel)
26. —, Крейцерова соната (Kreutzersonate)
27. —, Исповѣдь (Beichte)
28. —, Путь жизни мой вѣра? (Glaube)
29. ***, Изъ революціонной русской литературы (Revolutionäre Literatur I)
30. Л. Н. Толстой, О войнѣ и военномъ дѣлѣ (Krieg)
31. —, Что такое религія (Religion)

Н. ЩЕДРИНЪ.

Письма къ тетенькѣ.

Н. ЩЕДРИНЪ

ПИСЬМА КЪ ТЕТЕНЬКѢ

БЕРЛИНЪ
ИЗДАНІЕ ГУГО ШТЕЙНИЦА
ыствій

Письма къ тетенькѣ.

Знаете ли, что я выдумалъ, милая тетенька, обратимтесь-ка мы къ содѣйствію общества!

Я слышу отсюда, какъ вы восклицаете: ахъ опять эти бредни! Нѣтъ, это не бредни мой другъ! Коли хотите, это небольшое лганье, но не бредни . . . отнюдь! Вѣдь мы устроимъ наше предпріятіе не какъ нибудь, а умненько. Не будемъ обязываться ни временемъ, ни мѣстомъ, вообще никакими формулами, а просто кликнемъ кличъ. Господа обыватели! милости просимъ! чѣмъ богаты, тѣмъ и рады! Высказывайтесь. Но чуръ, высказываться не сговариваясь, а въ разбродъ; не черезъ зачинщиковъ, а каждый за свой счетъ; не задаваясь превратными толкованіями, а попросту, безъ затѣй; не настаивая, но предоставляя . . . ибо лишь подъ условіемъ полной независимости „содѣйствій“ можно различить

у кого за душой грошъ, а у кого и совсѣмъ нѣтъ ничего.

Но для чего-же это содѣйствіе намъ понадобилось? удивитесь вы. — А для того голубушка, чтобы прикрыться и прожить. Правда, до сихъ поръ мы и безъ содѣйствій были живы, но нынче такъ вышло, что съ помощью однихъ столоначальниковъ жить какъ будто стало зазорно. Чиновничество-то, вѣдь, оказывается, не благоустроило насъ, а погубило. Безсильное въ дѣлахъ устройства и не благопоспѣшное въ дѣлахъ строгости, оно легкомысленно просмотрѣло изчезновеніе нашихъ краеугольныхъ камней, и не приняло соотвѣтствующихъ мѣръ къ упрочненію нашихъ основъ. Вмѣсто того, чтобы смотрѣть въ оба, оно своимъ гнилымъ либеральничаньемъ положило основаніе смутѣ, грозящей обществу разрушеніемъ. И кромѣ того оно же заслонило собой живую и здоровую Русь. Такъ обратимтесь-же къ нимъ, къ этимъ непочатымъ и неиспорченнымъ русскимъ силамъ, которыя не знаютъ ни превратныхъ толкованій, ни ватеръ-клозетовъ, ни конституцій — ничего, занесеннаго къ намъ съ гніющаго запада! Пусть онѣ скажутъ свое трезвенное

слово, пускай помогутъ намъ въ дѣлѣ возстановленія потрясенныхъ основъ!

Такъ вопіютъ всѣ современные русскіе мудрецы: и тѣ, которые заражаютъ своимъ дыханіемъ воздухъ Москвы, и тѣ, которые собственнымъ иждивеніемъ издаютъ брошюры въ Берлинѣ и Лейпцигѣ. А намъ съ вами это и давно на руку, потому что мы и прежде были извѣстны, какъ люди, при которыхъ содѣйствій плохо не клади. Стало быть прекрасно. Распоясывайтесь-же непорченныя силы! Сказывайте, какія за вами есть трезвенныя слова! Только повторяю: не скопомъ, а каждый пусть растабарываетъ за себя.

И вотъ на нашъ кличъ изо всѣхъ щелей выползаютъ „содѣйствователи". Первымъ выступаетъ Ивановъ, который наивно думаетъ, что „потрясеніе основъ" запрятано у кого нибудь въ карманѣ, и потому предлагаетъ всѣхъ обыскать. Лично за себя онъ не боится. Съ одной стороны душа его чиста, какъ только что вычищенная выгребная яма; съ другой стороны, она до краевъ наполнена всяческими готовностями, какъ яма сто лѣтъ не чищенная. Естественно, что онъ горитъ нетерпѣніемъ показать свой товаръ лицомъ.

Слѣдомъ за Ивановымъ, является Ѳедотовъ— этотъ когда-то былъ высѣченъ своими крѣпостными людьми и никакъ не можетъ объ этомъ забыть. Поэтому утверждаетъ, что только власть сильная и вооруженная карами можетъ удержать Россію на краю пропасти. За нимъ выходитъ на сцену Пафнутьевъ (тоже былъ своевременно сѣченъ) съ обширной запиской, въ которой касается вещей знаемыхъ (съ ироніей) и не знаемыхъ (съ упованіемъ на милость божію). И въ заключеніе бормочетъ, что ради спасенія общества гнилое и либеральничающее чиновничество слѣдуетъ упразднить, а вмѣсто него учредить „средостѣніе", споспѣшествуемое „оздоровленіемъ корней". За Пафнутьевымъ идутъ разныхъ шерстей ублюдки. Во первыхъ маркизъ Шассе-Круазе, который сѣтуетъ на то, что живя безвыѣздно въ курскомъ имѣніи, только онъ съ семьей, да съ гувернанткой нѣмкой и посѣщаютъ храмъ Божій. Во вторыхъ баронъ Ферфлюхтеръ, который ни на что особенно не сѣтуетъ, но язвительно спрашиваетъ: почему-же ничего подобнаго не примѣчается въ Остзейскомъ Краѣ? И, наконецъ, князь Мирза-Мамай-Тохтамышевъ, который

ствіе намъ не нужно. Какимъ же образомъ они найдутся, коль скоро никто ихъ не ищетъ?

Замѣтьте разъ навсегда: когда кличутъ кличъ, то изъ норъ выползаютъ только тѣ Ивановы, которые нужны, а тѣ, которые не нужны, остаются въ норахъ и трепещутъ. Это само собой такъ дѣлается, ибо таковъ естественный законъ благоустройства и благочинія. И надо прибавить, законъ этотъ цѣлесообразный, потому что онъ устраняетъ равномысліе и подтверждаетъ вожделенное „единеніе“ съ присовокупленіемъ (въ небольшой дозѣ) „средостѣнія“ и (больше чѣмъ нужно) „оздоровленія корней“. Благодаря этому закону, трепещущіе Ивановы безмолствуютъ, а дерзающіе словословятъ: всѣхъ въ три кнута жарь! И затѣмъ, такъ какъ только одни эти славословія и слышно, то совокупность ихъ и составляетъ то содѣйствіе, которое должно насъ удовлетворить.

Да, милая тетенька, жарь! — таковъ смыслъ современныхъ содѣйствій. Всѣхъ жарь, а въ томъ числѣ и ихъ прохвостовъ. Тѣмъ-то и хороши наши Ивановы, Пафнутьевы и проч., что они не только чужой, но и своей шкуры

не жалѣютъ. „Драть такъ драть, а въ томъ числѣ и насъ!“ восклицаютъ они въ восторгѣ. . . А не жалѣютъ они своей шкуры отчасти потому, что таково ея провиденціальное назначеніе, отчасти же потому, что если имъ одну шкуру спустятъ, то мигомъ наростетъ другая. Эта послѣдняя увѣренность до такой степени окриляетъ ихъ, что они подставляютъ свои спины, почти играючи.

Въ виду столь безусловной готовности, что надлежитъ предпринять? Не знаю, какъ вы, милая тетенька, а я положительно утверждаю: жарить — только и всего. Во первыхъ вѣдь и мы съ вами — когда эту компанію предпринимали — развѣ мы не молили въ тайнѣ у судьбы: ахъ кабы вышло „жарить!“ А во вторыхъ этого очевидно, требуетъ „современный общественный геній“.

Во всякомъ случаѣ достовѣрно извѣстно, что „содѣйствіе общества“ отвѣтило намъ словомъ: жарь! Небольшое, но золотое это слово. Кромѣ того, что къ нему испоконъ вѣка всѣ привыкли, самое содержаніе его до такой степени просто, что достаточно быть зауряднымъ прохвостомъ, чтобы осуществить его во всѣхъ частяхъ. А главное оно даетъ

намъ отличнѣйшую точку опоры для воздѣйствія въ будущемъ. Отнынѣ никто уже не обвинитъ насъ въ произволѣ, потому что на всѣ обвиненія мы отвѣтимъ прямо: за нами стоитъ общество! И ежели затѣмъ, сильные общественнымъ содѣйствіемъ, мы напишемъ на нашемъ знамени: жарь: — то эхо долинъ можетъ уже, сколько угодно, перекатывать это слово изъ одного конца Россіи въ другой, и мы не будемъ имѣть надобности краснѣть.

Право, съ такими „содѣйствователями" жить еще можно, но только, разумѣется, чтобы никто не видѣлъ. Увидятъ — засмѣютъ . . . а намъ что за дѣло! мы будемъ свое долбить: жарь! да, пожалуй, ради прилику слегка понатужимся, будто бы собираемся нѣчто родить, а прохожіе, видя эти натуги, будутъ охать: вотъ какъ тетенькѣ трудно! сокомъ, должно быть, содѣйствія-то наши изъ нея выходятъ! Смотришь, анъ годикъ-другой между разговоровъ и пройдетъ!

А все оттого, что мы съ самаго начала это дѣло умно повели. Соблюди мы условія времени и мѣста, собери Ивановыхъ чередомъ, да предоставь имъ выбрать изъ своей среды зачинщиковъ — совсѣмъ другое бы вышло.

Ивановъ — онъ на народѣ конфузливъ. Поставь его на юру, да заставь всенародно признаваться — у него языкъ, пожалуй, къ гортани прилипнетъ, или такое что нибудь внезапное возвѣститъ, что у насъ съ вами и уши завянутъ. А въ разсыпную, да ежели при этомъ онъ удостовѣренъ, что никто объ его подвигахъ не провѣдаетъ, онъ все, что отъ родителей слышалъ то и выложитъ.

Не скоро отъ васъ, однакожъ, что какъ ни безобиднымъ кажется это простомысленное единогласіе, но находятся уже люди, которыхъ и оно начинаетъ тревожить. И не простецы какіе нибудь, какъ, напримѣръ, мы съ вами, а люди опытные, искушенные жизнью. Слово „жарь“ напоминаетъ имъ нѣчто приказательное, вродѣ mandat impératif, да и самое единомысліе представляется назойливостью, могущею перейти въ всеволіе и стѣснить свободу воздѣйствія. Чего бы, кажется проще сказать „что угодно“? говорятъ они: — и скромно, и благородно, и безъ хлопотъ . . . такъ вотъ нѣтъ-же, словно взбѣсились . . . . жарь! крамольники!

Въ числѣ такихъ прихотливыхъ людей оказался и Ноздревъ, съ которымъ мы когда-то

познакомились у Гоголя. Не пугайтесь, однакожъ; это далеко уже не тотъ буянъ Ноздревъ, котораго мы знавали въ цвѣтущую пору молодости (помилуйте! на балу сѣлъ на полъ и ловилъ дамъ за подолы!), но солидный, хотя и прогорѣвшій консерваторъ. Штука въ томъ, что ему посчастливилось сдѣлать какой-то удивительно удачный доносъ, который сначала обратилъ на него вниманіе охранительной русской прессы, а потомъ дальше да выше — и вдругъ въ немъ совершился спасительный переворотъ! Теперь онъ пьетъ только померанцовку и обѣ бакенбарды содержитъ одинаковой длины и одинаковой пушистости. Словомъ сказать, стоитъ на высотѣ положенія, и ни мало не тяготится этимъ.

Встрѣтились мы съ нимъ на дняхъ на Невскомъ, и признаюсь вамъ, первымъ моимъ движеніемъ было бѣжать. Однако вижу, что малый-то серьезный, того гляди, городового кликнетъ. Дѣлать нечего, подошелъ и началъ льстить (ужасно во мнѣ эта черта въ послѣднее время обострилась, и все оттого, что комиссія занимающаяся шкурнымъ вопросомъ, до сихъ поръ не привела своихъ тру-

довъ къ окончанію). Прежде всего, разумѣется, вспомнили, какъ мы съ нимъ и съ Чичиковымъ (вотъ истинный-то охранитель былъ! и какъ бы его сердце теперь радовалось!) поросенка на постояломъ дворѣ ѣли, потомъ перешли къ Межуеву. . .

Ахъ, тетенька, какое это волшебное время было! Представьте себѣ, тогда поросенка съ хрѣномъ можно было достать! И можно было видѣть мужика, который „ѣлъ добры щи и пиво пилъ!“ Гдѣ это было? въ какой губерніи, въ какомъ уѣздѣ? и кто въ то время былъ въ томъ мѣстѣ становымъ приставомъ? Признаюсь, у меня даже голосъ дрогнулъ при мысли, что всѣ эти факты прошли передъ глазами, и что они возникли безъ малѣйшаго участія земства, единственно по манію волшебнаго станового . . .

Но едва я освѣдомился о Межуевскомъ здоровьѣ, какъ Ноздревъ почти съ нетерпѣніемъ прервалъ меня:

Ну что тамъ про Межуевскаго вспоминать! Извѣстно, въ земствѣ больничные рукомойники лудитъ! Вы лучше про меня спросите! Вѣдь я, батюшка, охранитель сдѣлался-съ! Въ дѣятели попалъ! въ дѣятели . . . да-съ!

И онъ разсказалъ мнѣ все по порядку. Какъ для начала карьеры онъ сдѣлалъ доносъ; какъ это блестящее дѣло обратило на него вниманіе; какъ вслѣдствіе этого, онъ попалъ въ члены (неплатящіе) „Общества частной иниціативы спасенія“, какъ первый возбудилъ мысль о „содѣйствіяхъ“, и послѣ этого былъ выбранъ въ учрежденную при „Обществѣ“ комиссію для разбора обывательскихъ „содѣйствій“.

— Теперь я состою главнымъ дѣлопроизводителемъ этого учрежденія, прибавилъ онъ солидно, получаю прекрасное содержаніе, пользуюсь любовью подчиненныхъ, и, ежели пожелаю, то могу жениться на купчихѣ съ хорошимъ состояніемъ.

Нѣкоторое время я слушалъ его и ничего не понималъ. Я даже заглянулъ ему въ лицо, чтобы удостовѣриться, обѣ ли бакенбарды у него цѣлы. Но онъ смотрѣлъ такъ ясно, и повидимому былъ такъ увѣренъ, что земля, что бы онъ ни говорилъ, не развернется подъ нимъ, что мнѣ ничего другого не оставалось, какъ сказать себѣ, что, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ, онъ не вретъ.

Вообще говоря, я не любопытенъ. Но нынче такое любопытнѣйшее время настало, и такіе любопытнѣйшіе люди на сцену выступили, что, право, какого хотите равнодушнаго человѣка ожжетъ. Дѣлать нечего, завернули въ трактиръ и взяли особенный кабинетъ. Затѣмъ рюмку померанцовки, подовой пирогъ: признавайся!

И началъ онъ мнѣ, милая тетенька, сказки разсказывать . . .

—Комиссія наша, говоритъ, учрежденіе не частное, но и не казенное — но съ субсидіей; съ другой стороны, какъ будто казенное, но съ тѣмъ, чтобы никому объ этомъ не говорить. Для начатія дѣйствій у насъ открыто только два отдѣленія; одно подъ названіемъ: „Что нужно?“ и другое подъ названіемъ: „Что ненужно?“ Въ ближайшемъ будущемъ предполагается, впрочемъ, открыть еще третье отдѣленіе подъ названіемъ: „И да и Нѣтъ, или Ненужное не нужнѣе ли Нужнаго?“ но такъ какъ финансы нашего общества не особенно густы, то до поры, до времени дѣла этого отдѣленія отчасти оставляются безъ разсмотрѣнія, отчасти же распредѣляются между сторожами, подъ руководствомъ от-

ставнаго архиваріуса, у котораго написано на лбу: „что сей сонъ значитъ?“

— Ноздревъ! вы врете! не удержался я.

— Съ мѣста не сойти, коли лгу! Да вы, милый человѣкъ, не кипятитесь, а лучше велите-ка сразу графинчикъ на столъ поставить. И мнѣ поладнѣе будетъ, да и половому не придется за каждой рюмкой въ буфетъ бѣгать.

— Что графинчикъ! хоть цѣлую батарею, только, сдѣлайте милость, разсказывайте!

Онъ выпилъ, одну за другой, три рюмки, обсосалъ усы и продолжалъ:

— Ну-съ такъ вотъ. Поустроились мы для начала, да и объявили конкурсъ. Господа обыватели! Что нужно? Чего не нужно? „Отвѣтствуй, другъ! рѣши мое сомнѣнье!“ Посодѣйствуйте! Думали, значитъ, что десятокъ, другой выскочитъ и шабашъ! анъ вышла неожиданность. Не успѣли объявить, какъ ихъ словно прорвало, отовсюду такъ и лѣзутъ! И изъ Карасубазара, и изъ Пинеги, и изъ Челябы, и изъ Копыса; словомъ сказать, цѣлый бунтъ!

— Объ чемъ же они пишутъ?

— Да все одно слово долбятъ: жарь! Только непремѣнно всякій при этомъ какую нибудь сказку скажетъ: Одинъ пишетъ: „еще присовокупляю, что до приведенія умовъ въ порядокъ необходимо всѣ учебныя заведенія закрыть.“ Другой присовокупляетъ: „Изложивъ все сіе по чистой совѣсти, повергаю себя и свою семью, изъ собственныхъ малолѣтнихъ дѣтей и сиротъ племянниковъ состоящую, на усмотрѣніе“. А третій, пользуясь тѣмъ случаемъ, шлетъ доносъ на сосѣда помѣщика, на попа, на сельскаго учителя . . .

— Какой, однако-жъ, прекрасный наплывъ чувствъ!

— Нда . . . наплывъ! И мы тоже съ горяча думали, что наплывъ . . .

— Послушайте, да неужто даже этого мало?!

— Мало! Не мало-съ, а нахально, возмутительно — вотъ что-съ! Скажите на милость . . . жарь! какъ будто и словъ другихъ въ русскомъ лексиконѣ не нашлось! Приказывать изволятъ! а? вѣдь это уже не содѣйствіемъ пахнетъ, а „разнузданностью страстей!“ Безъ нихъ изволите видѣть, не знаютъ! ахъ, ты, сдѣлай милость! А ежели жарить по об-

стоятельствамъ признается неудобнымъ, а ежели для такой операціи не имѣется въ виду достаточно опытныхъ исполнителей? а ежели по обстоятельствамъ . . .

— Но вѣдь они и нѣкоторыя практическія мѣры предлагаютъ. Доносятъ на учителей, на поповъ, совѣтуютъ закрыть учебныя заведенія, произвести всенародный обыскъ, учредить средостѣніе, оздоровленіе корней . . .

Но Ноздревъ не слушалъ меня. Въ пылу негодованія онъ опрокинулъ въ ротъ новую рюмку водки, и такъ несчастливо, что поперхнулся и весь посинѣлъ. Съ полчаса двое половыхъ колотили его въ загривокъ, пока, наконецъ, выходили.

— Порросята! продолжалъ онъ въ изступленіи: — ласки не понимаютъ! снисхожденія оказать нельзя! Языкъ, извольте видѣть, отвалился „какъ угодно“ сказать . . . кррамольники!

— На чемъ-же, однако, вы порѣшили? спросилъ я, весь сжимаясь отъ страха, при видѣ этого неожиданнаго изступленія.

Ноздревъ уже разинулъ ротъ, чтобы продолжать свой разсказъ, какъ случилось нѣчто

совсѣмъ неожиданное. Въ дверяхъ показалась, и сейчасъ-же, впрочемъ, скрылась чья-то голова, и Ноздревъ, увидавъ ее, вдругъ поблѣднѣлъ. Затѣмъ, онъ какъ-то судоржно заторопился, схватилъ двугривенный, который я плохо держалъ въ рукахъ, и не успѣлъ я крикнуть: держи! лови! какъ онъ уже былъ за порогомъ трактира.

Внезапный перерывъ разговора, столь благопріятно начавшагося, весьма меня огорчилъ. Во первыхъ я намѣревался еще поспорить съ Ноздревымъ и доказать ему, что онъ черезъ чуръ прихотливъ. Во вторыхъ меня очень интересовало знать, какъ поступилъ онъ съ простодушными содѣйствователями, которыхъ усердіе, имъ же самимъ вызванное, перешло, по его мнѣнію, въ „разнузданность страстей". Въ третьихъ, наконецъ, мнѣ чуялось, что онъ далеко не все мнѣ открылъ, и что за фантастическими формами, въ которыя онъ облекъ свой разсказъ, скрывается какое-то ядро, которое было бы не лишне раскусить. Раскусить и, разумѣется, сейчасъ же выплюнуть.

Коли хотите, негодованіе Ноздрева на рѣзкій характеръ обывательскихъ содѣйствій не лишено было извѣстной доли основательности, потому что если поставить рядомъ выраженіе: „жарь“ и „какъ угодно“, то, конечно, придется отдать преимущество послѣднему. Слово „жарь“ (особливо въ тысячекратно повторенномъ видѣ) имѣетъ въ себѣ нѣчто принудительное, почти революціонное. Оно декретируетъ цѣлую систему, и при томъ декретируетъ устами такихъ людей, которые до сихъ поръ ѣли изъ одного корыта съ поросятами. Понимаютъ ли эти люди значеніе произносимаго ими возгласа, могутъ ли они уяснить себѣ, сколько новыхъ расходовъ потребуетъ его осуществленіе — это болѣе чѣмъ сомнительно. Я, по крайней мѣрѣ думаю, что они потому только и выкрикиваютъ жарь, что слышали, какъ ихъ родители тоже слово провозглашали pro domo sua, на конюшняхъ и псарняхъ. Но они, положительно не понимаютъ, что жарить не всегда удобно и возможно, что всеобщее сѣченіе потребуетъ цѣлую армію исполнителей съ новыми штатами и приличествующимъ содержаніемъ, и что, во всякомъ случаѣ, требованіе, выражен-

ное въ формѣ, столь рѣзко обязательной, должно стѣснять свободу воздѣйствія и вслѣдствіе этого казаться опаснымъ. — Ибо стоитъ лишь стать на покатость, а тамъ ужъ оно само собой подъ гору пойдетъ. Сначала кричать: жарь! а потомъ, пожалуй, будутъ кричать: довольно жарить! Понятно, что подобнаго рода перспективы не могутъ не тревожить такихъ опытныхъ знатоковъ человѣческаго сердца, какъ Ноздревъ.

Но, съ другой сороны, Ноздревъ не правъ въ томъ отношеніи, что хотя съ точки зрѣнія удобства, выраженіе „какъ угодно“ и не оставляетъ желать ничего лучшаго, но изъ него, какъ ни верти, все таки никакого дѣйствительнаго содѣйствія не выжмешь. Коли хотите, это почтительное утвержденіе накопленной вѣками мудрости, это прекрасный порывъ благороднаго чувства, но и только. Тогда какъ слово „жарь“ въ одно и тоже время заключаетъ въ себѣ идею содѣйствія и идею подтвержденія. Что оно грубовато и не стоитъ выѣденнаго яйца — это несомнѣнно; но это слѣдуетъ приписать не разнузданности страстей, а скорѣе незаконченности нашихъ бытовыхъ формъ, невыработанности обыва-

тельской фразеологіи и недостатку воображе
нія. Ноздревъ и самъ не сказалъ бы ничег
другого, если бы стоялъ у корыта, отъ ко
тораго самовольно отлучился; но такъ как
онъ добрался до яслей, то и возмечталъ, чт
оттуда какіе то горизонты видитъ. Однак
въ сущности, онъ видитъ такую-же фигу, ка
кую видятъ и прочіе современные фиговидцы
и только трактирные пропойцы могутъ вѣ
рить, что онъ имѣетъ въ виду спасеніе об
щества. А потому и сдается, что правъ-т
не онъ, а простодушногрубый Ивановъ. Иб
послѣдній чутьемъ угадалъ, что нужно,
сумѣлъ эту нужду облечь въ приличествук
щую ей форму.

Но во всякомъ случаѣ, если даже слов
„жарь“ и признано было лозунгомъ, знам
нующимъ приближеніе разнузданности стр
стей, то, по мнѣнію моему, было совершенн
достаточно замѣтить Ивановымъ, что он
черезъ чуръ уже распѣлись и что дальнѣ
шее ихъ пѣніе въ томъ же революціонном
смыслѣ будетъ мгновенно подавлено сило
оружія. Тогда они и сами догадаются, чт
зашли далеко, и будутъ на ново редактиро
вать свои „содѣйствія“ приблизительно въ т

комъ родѣ: „жарь, а впрочемъ какъ угодно“. И все обойдется благополучно. Но было бы въ высшей степени несправедливо и даже жестоко, подвергать ихъ за сіе расточенію, какъ это повидимому, намѣревается пропагандировать Ноздревъ. Неполитично отталкивать отъ себя дѣтей природы, хотя бы послѣдніе, по незнанію орфографіи и знаковъ препинанія и допустили нѣкоторыя невѣжества. Пускай лучше въ воздухѣ нехорошо попахнетъ, нежели огорчать невинныхъ людей, которые чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Ибо ежели мы таковыхъ отъ себя отженемъ, то на комъ-же будемъ осуществлять опыты „средостѣнія“ и съ кѣмъ предпримемъ трудъ „оздоровленія корней?“ Да и кто-же, наконецъ, чортъ побери, пойдетъ, кромѣ ихъ, въ товарищи . . . къ Ноздреву!! . . .

Ахъ, это „оздоровленіе корней!“ вы не можете себѣ представить, голубушка, какъ мнѣ его хочется! Думается, что какъ только оно осуществится, такъ сейчасъ-же изчезнутъ съ лица земли и пустомысленные риторы и всуе трубящіе трубачи, и шипящія жабы, и, словомъ, все, что съ такою безнаказанною назойливостью наполняетъ современную атмо-

сферу міазмами смуты и мятежа. Подумайте, милая! когда же, въ самомъ дѣлѣ, трепетамъ-то нашимъ конецъ настанетъ? когда наступитъ пора производительности и изслѣдованія и прекратится пора ядовитыхъ шипѣній, науськивающихъ содѣйствій и пустопорожныхъ трубныхъ звуковъ? Вѣдь уже не о „бредняхъ“ идетъ рѣчь — ахъ, что вы! а о простомъ простѣйшемъ „житіи“, о самой скромной увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Шекспиры, Данты, Шиллеры, Байроны! вы, которые говорили человѣку о свободѣ и напоминали ему о совѣсти — не до васъ намъ! Мы до того ошалѣли, что если бы вы явились въ эту минуту, мы, не обинуясь, причислили бы васъ къ лику „мошенниковъ пера“ и „разбойниковъ печати!“ Но вы теперь нужны, а городовые — что-жъ дѣлать! какъ нибудь проживемъ и съ ними! Но пускай-же судьба избавитъ насъ хоть отъ шипѣній и подлыхъ трубныхъ звуковъ, благодаря которымъ нѣтъ честнаго человѣка, который не носилъ бы тревоги въ сердцѣ своемъ.

Итакъ начало „содѣйствію“ положено и находится въ опытныхъ рукахъ Ноздрева. Но какое же дальнѣйшее развитіе „общество

частной иниціативы спасенія“ предполагаетъ дать своему предпріятію?

Вѣдь не ограничится же оно, въ самомъ дѣлѣ, занесеніемъ на свои скрижали слова „жарь!“ Какъ хотите, а это недостаточнс. Исторія наша въ послѣднее время такъ быстро шагнула впередъ, такъ много представила непредвидѣнныхъ и своеобразныхъ фактовъ, что для разрѣшенія ихъ нужны уже не слова, не отвлеченности, не теоріи и даже не угрозы. Нужна „организація“, такая организація, которая непосредственно давала бы практическіе результаты, которая „жарила“ бы не словомъ, но прямо оставляя знаки на тѣлѣ. Только тогда, когда содѣйствіе явится въ формѣ подобной „организаціи“, только тогда его можно будетъ назвать подлиннымъ „содѣйствіемъ“. Спрашивается: созрѣло ли какое нибудь предпріятіе въ этомъ родѣ! Раздѣлены ли обыватели на овецъ и козлищъ, съ тѣмъ, чтобы первыя пребывали въ надеждѣ на сложеніе недоимокъ, а послѣднія въ уныніи ожидали рѣшенія своей участи.

Предаваясь этимъ размышленіямъ, я уныло доѣдалъ свой бивштексъ; какъ вдругъ по-

чувствовалъ, что на моемъ плечѣ покоится чья-то рука. Оборачиваюсь — половой!

Ахъ, тетенька! все мое столбовое дворянство такъ во мнѣ и вскипѣло! И знаете ли, какая мысль прежде всего осѣнила мнѣ голову? Это мысль: какъ они, однакожъ, забылись съ тѣхъ поръ, какъ пошли толки о средостѣніяхъ и оздоровленіи корней!

Да, милый другъ. Сегодня онъ руку „гостю" на плечо положилъ; завтра — развалится противъ него на стулѣ и спроситъ: а „Московскія Вѣдомости" читали? послѣ завтра — будетъ испытывать, согласнаго ли съ нимъ гость образа мыслей, и ежели дѣло покажется ему не совсѣмъ яснымъ, то подастъ ему вчерашнюю котлетку и скажетъ: а свѣжія котлетки тѣмъ, которые почище! И будетъ у насъ тогда братство и равенство, а свобода и прежде была.

Къ счастію, однакожъ, дѣло рѣшилось довольно обыкновеннымъ образомъ.

— Не изумляйтесь, сказалъ онъ мнѣ; я только временно являюсь въ образѣ полового; въ дѣйствительности же, я статскій совѣтникъ и кавалеръ . . .

— Съ кѣмъ я имѣю честь говорить? прервалъ я его, въ испугѣ не разслышавъ его словъ.

— Статскій совѣтникъ Расплюевъ, повторилъ онъ: — членъ „Общества частной иниціативы спасенія“, какъ и Ноздревъ, который такъ поспѣшно отъ васъ скрылся. А скрылся онъ, очевидно, потому — струсилъ, что я подслушалъ вашъ разговоръ.

Тетенька! я даже не берусь опредѣлить то чувство, которое овладѣло мною при извѣстіи, что мой разговоръ подслушанъ. Я помню только, что испуганно осматривался кругомъ, и мнѣ казалось, что я нахожусь не въ трактирѣ, а въ какихъ-то волшебныхъ чертогахъ, гдѣ невидимо рѣютъ въ воздухѣ добрые и злые духи, испытуя не только разговоры „гостей“, но и сокровенныя ихъ помышленія. И еще помню, какъ въ сердце мое заползла тоска, и я, въ порывахъ шкурной истомы, мысленно восклицалъ: въ кои-то вѣка занесла меня несчастная звѣзда въ трактиръ — и вотъ я долженъ погибнуть! Но гибнуть въ цвѣтѣ лѣтъ и надеждъ за какой-то праздный разговоръ о „содѣйствіяхъ“, котораго я лично

даже и не воображалъ, а въ которой вовлекъ меня соблазномъ Ноздревъ!

А Расплюевъ между тѣмъ, словно читая въ моихъ мысляхъ, говорилъ:

— Нынче и въ трактиры слѣдуетъ ходить съ осмотрительностью. Нынче и трактирщики, и прислуга — всѣ набраны изъ членовъ нашего общества, съ цѣлью изучить современное настроеніе умовъ.

— Вотъ этотъ половой, котораго сейчасъ въ корридорѣ Тимофеемъ кликнули — вы думаете, что онъ Тимофей? Нѣтъ, онъ только здѣсь, при исполненіи обязанностей, Тимофей, а у себя дома и вечеромъ въ клубѣ, онъ князь Сампантре!

— Какъ! тотъ самый Сампантре!! воскликнулъ я въ изумленіи.

— Тотъ самый. А вотъ тотъ, что въ прихожей при шинеляхъ стоитъ — это Амалатъ-Бекъ.

Объясняя это, Расплюевъ игралъ салфеткой, ловко перебрасывая ее (на парижскій манеръ) съ одной руки на другую. Что-же касается до меня, то я до того растерялся, что не нашелъ ничего другого сказать кромѣ:

— Послушайте! вѣдь Амалатъ-Бекъ то́, долженъ быть глупъ? Къ счастью, однакожъ, восклицаніе это не только не обидѣло его, но даже упростило наши отношенія.

— Это въ немъ восточное, объяснилъ Расплюевъ совершенно естественно; а вотъ Сампантре глупъ, такъ это въ немъ западное. Выбирайте любое.

— И тѣмъ не менѣе, оба наблюдаютъ за настроеніемъ общества?

— Наблюдаютъ. И даже докладываютъ. „Ужасъ, говорятъ, что происходитъ!“ Ну а прочіе Амалатъ-Беки, наслушавшись ихъ, тоже въ ужасъ приходятъ!

— Въ чемъ же однако ужасъ-то?

— Да какъ вамъ сказать? . . . Мода нынче на „ужасы“ пошла. Консерваторы думаютъ, что ихъ радикалы поѣдятъ, радикалы, что ихъ слопаютъ консерваторы. Сидятъ и ужасаются. Только и всего.

— Ну а вы какъ на счетъ „ужасовъ“ думаете?

— Я вообще на счетъ всего — вольнаго образа мыслей. Ужасъ, такъ ужасъ . . . Наплевать! Это еще покойный Кречинскій мнѣ заповѣдалъ. Коли хочешь быть счастливъ,

сказалъ онъ: — имѣй вольный образъ мыслей! Съ тѣхъ поръ я и держусь этого правила. Другой-бы недѣли съ Амалатъ-Беками не выжилъ, а я живу.

— Какую-же вы роль между ними играете?

— Я-то; а ни много, ни мало, состою дѣлопроизводителемъ комиссіи „Оздоровленія корней“. . .

— Однакожъ!

— Я зъ невольнымъ благоговѣніемъ взглянулъ на этого человѣка, на лицѣ котораго по собственному его свидѣтельству, не было мѣста, гдѣ не оставила бы по себѣ слѣда человѣческая пятерня и который тѣмъ не менѣе не задумался поднять на свои рамена тяжелое время оздоровленія корней. Мнѣ казалось, что, говоря съ нимъ я стою у самаго порога той загадочной храмины, на дверяхъ которой написано: Галиматья. Тамъ, за этими дверьми въ смятеніи мечутся сомнища Амалатъ-Бековъ, пугая другъ друга фантастическими страхами и изнемогая въ тщетныхъ усиліяхъ отыскать какую нибудь комбинацію, въ которой они могли бы утопить гнетущую ихъ панику. Злые сердцемъ, но нищіе разумомъ, жестокіе, но безразсудные, они созна-

отъ только требованія своего темперамента, но не могутъ выяснить ни объекта своихъ ненавистей, ни способовъ отмщенія. И вотъ ихъ взоры обращаются къ Ноздреву и Расплюеву. Ноздревъ — лихой, Расплюевъ — организаторъ. Ноздревъ — талантъ, въ которомъ скверномысленная выдумка зарождается естественно, безъ усилій; Расплюевъ — человѣкъ разсужденія, который своей службой у Керчинскаго доказалъ, что онъ устроитель по натурѣ. И что дороже всего, оба распутные. Стало быть оба пойдутъ на встрѣчу всякимъ паскудствамъ, и оба, въ случаѣ надобности, могутъ заслонить своими тѣлами нищихъ духомъ Амалатъ-Бековъ.

Но само собою разумѣется, что оба по распутству, могутъ и предать. Въ судьбѣ Ноздревыхъ и Расплюевыхъ есть что то фатально двойственное. Съ одной стороны, въ ихъ природу такъ глубоко залегла потребность быть въ услуженіи, что они готовы въ пользу „господина“ изнурять себя, рисковать своимъ настоящимъ и совсѣмъ не думать о своемъ будущемъ. И все это они продѣлываютъ не ради „сладкаго ѣства“, а за грошь; не во имя предвзятой мысли, а — безсознательно, какъ

бы побуждаемые какой то фантастической палкой, которая гонитъ ихъ все впередъ да впередъ. Но, съ другой стороны, никто и не предаетъ такъ свободно, какъ они. Изнуреніе — это долгъ; предательство — отдохновеніе, досугъ. Какъ только Расплюевъ чувствуетъ себя свободнымъ отъ услуженія, онъ начинаетъ судачить, предавать. Онъ, который на минуту передъ тѣмъ хладнокровно перервалъ горло совершенно постороннему человѣку, онъ первый, въ послѣдующую минуту разскажетъ во всеуслышаніе всю процедуру этой операціи, и первый же наглумится надъ Амалатъ-Бекомъ, для надобности котораго онъ ее совершилъ. Въ мірѣ благоустройства и благочинія такихъ людей пропасть, и всѣ они умираютъ въ нищетѣ, но и на одрѣ смерти хвастаются, судачатъ и предаютъ . . .

Огорчаться ли этими несомнѣнными признаками распутства, или утѣшаться ими, яко ограждающими „житіе"? Вотъ въ чемъ вопросъ. Но, вы, конечно, не потребуете отъ меня отвѣта на него. Мнѣ кажется и то уже достаточно горькимъ, что подобные вопросы могутъ возникать, не потрясая человѣческой совѣсти въ самыхъ ея основаніяхъ.

— Такъ вотъ какъ-съ, продолжалъ между тѣмъ, Расплюевъ. — Значитъ, говоритъ, Ноздревъ вамъ уже кое-что сообщилъ . . . Продолженія желаете?

— Если васъ не затруднитъ . . .

— Въ чемъ же это можетъ меня затруднить? Мнѣ бы, признаться, въ этой чепухѣ только до нижегородской ярмарки протерпѣть, а тамъ меня ужъ Утѣшительный*) ждетъ. Грѣшный человѣкъ, люблю я литературу. Еще покойный Кречинскій меня къ ней пріучилъ. Помни, Расплюевъ, говоритъ бывало, что тебѣ придется жить съ людьми комильфо, стало быть и ты долженъ имѣть „умъ здравый, сердце посвѣщенно". Да, ловкій человѣкъ былъ покойникъ! Много я отъ него узналъ, а между прочимъ, и объ Амалатъ-Бекахъ онъ предсказалъ: „Попомни, говоритъ, мое слово, Расплюевъ, не пройдетъ и десяти лѣтъ, какъ у насъ на Руси сначала кузька разведется, потомъ саранча полетитъ, а наконецъ, и Амалатъ-Беки." Такъ все по его и случилось.

— Кстати, а какъ давно Кречинскій умеръ?

---

*) Дѣйствующее лицо въ „Игрокахъ" Гоголя.

— Да лѣтъ шесть-семь назадъ. И самоі настоящею смертью умеръ: металъ на яр маркѣ банкъ, передернулъ и получилъ поі свѣчникомъ въ високъ. Тутъ и душу от далъ.

— Такъ ужъ вы, пожалуйста, разскажите . .

— Съ удовольствіемъ. Надо вамъ сказаті что всю эту исторію о „содѣйствіяхъ“ за тѣяли Амалатъ-Беки. Сословіе это у нас не новое, но прежде оно какъ-то держалос въ сторонѣ, около ресторановъ и увесели тельныхъ заведеній, а нынче уже стало зані маться внутренней политикой. Образовані Амалатъ-Беки получили болѣе чѣмъ умѣрен ное. Изъ географіи знаютъ только горол Европы, гдѣ были „счастливы“, изъ історі слышали, que nous dansons sur le volcan. В области прочихъ знаній знакомы лишь с „наукою о подмываніи лошадямъ хвостовъ“ но и тутъ не слѣдятъ за новѣйшими въ это сферѣ открытіями, предоставляя это вахмі страмъ и деньщикамъ. Какимъ образомъ эт люди напали на мысль, что ихъ настояще дѣло внутренняя политика — это я вамъ об яснить не умѣю. Но представьте себѣ . . напали!

— Но представьте себѣ . . . напали! машинально повторилъ за нимъ и я.

— Напали и, разумѣется, обезпокоились. Куда ни взглянуть — вездѣ крамола. Основы потрясены; краеугольные камни – сдвинуты. И доказательство на лицо: управляющіе не присылаютъ изъ имѣній доходовъ, растовщики — не вѣрятъ самымъ подлиннымъ, и въ довершеніе, печать открыто проповѣдуетъ упраздненіе всей породы Амалатъ-Бековъ. Нѣкоторые принялись даже газеты читать, но такъ какъ то, что было напечатано до вчерашняго дня включительно, осталось для нихъ скрытымъ, то естественно, что все напечатанное сегодня наводитъ на нихъ паническій страхъ. Они, которые еще вчера были увѣрены, что о сю пору „Царь Давидъ на лирѣ играетъ во псалтирѣ“, вдругъ узнаютъ сегодня, что рѣчь идетъ о какихъ-то „бредняхъ“, иллюзіяхъ, и что во Франціи установилась республика . . . ah, c'est très fort! Nous dansons sur le volcan! провозглашаетъ князь Букиазба, и въ смятеніи ищетъ, на комъ сорвать зло и гдѣ бы самому укрыться.

Вотъ тутъ-то именно и пришелъ къ нимъ на помощь Ноздревъ. Онъ первый указалъ,

что прежде всего необходимо возбудить въ обывателяхъ охоту къ содѣйствіямъ; первый объяснилъ, что только подъ покровомъ „содѣйствій“ Амалатъ-Беки могутъ безнаказанно возвратиться къ мраку временъ, и первый же додумался до той формы содѣйствія въ разбродъ, которая должна обезпечить мракъ временъ отъ вторженія превратныхъ толкованій. Это было цѣлое откровеніе. До сихъ поръ мы не только гнали отъ себя всякую мысль о содѣйствіяхъ, но даже упоминовеніе о нихъ преслѣдовали на равнѣ съ превратными толкованіями. И вдругъ Ноздревъ словно пелену снялъ съ нашихъ глазъ. Это съ его стороны — заслуга, и исторія не забудетъ ея, потому что какъ тамъ себѣ хотите, а разъ пильня пошла въ ходъ . . . Впрочемъ довольно объ этомъ.

Въ одномъ ошибся Ноздревъ: формулируя свой проэктъ, онъ не расчиталъ, что обыватели неопытны, а Амалатъ-Беки безразсудны и нетерпѣливы. И точно: не успѣли объявить конкурсъ, какъ обыватели нанесли цѣлыя воруха бумаги, но, увы! эти вороха были сплошь исписаны выраженіями стариннаго русскаго лексикона, смыслъ котораго исчер-

ывается словомъ: жарь! Сначало это Амаатъ-Бекамъ понравилось; но когда, вслѣдъ а тѣмъ, они начали простирать руки, то убѣдились, что и эти руки безсильны по прежнему и что послѣ „содѣйствій“ ихъ положеніе осталось тѣмъ же, чѣмъ было и до содѣйствій. „Mais nous continuons de danser sur le volcan!“ удивился князь Букиазба, который надѣялся, что какъ только разберутъ вороха содѣйствій, то тотчасъ же у него въ карманѣ и очутится мракъ временъ . . . И вотъ съ тѣхъ поръ на Ноздрева посыпались упреки, такъ, что въ эту минуту онъ держится только тѣмъ, что утромъ подслушиваетъ по трактирамъ, а вечеромъ въ комиссіи разсказываетъ сцены изъ народнаго быта.

— Но мысль Ноздрева не умерла, а только потребовала практической организаціи. Надо было вывести обывателей изъ области голословныхъ пожеланій и внушить имъ, что ежели ихъ реформаторская изобрѣтательность найдетъ далѣе слова „жарь!“ то пускай-же они сами на свой рискъ и приводятъ эту реформу въ исполненіе. Задачу эту принялъ на себя — я. Первымъ дѣломъ потребовалъ для себя двадцать тысячъ рублей въ годъ со-

держанія; вторымъ — проэктировалъ комиссію; затѣмъ . . . Признаюсь, одну минуту въ головѣ моей мелкнула честолюбивая мысль о средостѣніи, но потомъ вижу, что народъ все картавый собрался, и слова-то этого, пожалуй, порядкомъ не вымолвитъ — бросилъ. Давайте, говорю, братцы, газету издавать! Обрадовались. Вотъ этотъ самый князь Сампантре пятьдесятъ тысячъ изъ кармана и выложилъ.

— Однако, денегъ-то у него довольно! не воздержался, воскликнулъ я.

— Пропасть. И преусердный. Такъ ко всѣмъ съ деньгами и лѣзетъ. Ну-съ газету, такъ газету. Только, говорю, намъ такого редактора надо отыскать, чтобы во всѣхъ статьяхъ былъ мерзавецъ. Чтобы совѣсти не не зналъ, правды отъ роду не говаривалъ и за тычкомъ не гнался. И вотъ судите: не успѣлъ я это выговорить — смотримъ, анъ въ дверяхъ Іуда Искаріотъ стоитъ. Тебя-то намъ и нужно. Сейчасъ ему пятьдесятъ тысячъ въ руки: издавай газету „Фрегатъ Надежда!“ А онъ, не будь глупъ, взялъ деньги да и удавился. И даже куда сумку дѣвалъ — неизвѣстно.

— Какой, однакожъ, прискорбный случай!

— И представьте себѣ, съ этого самаго Сампантре точно съ гуся вода. Сейчасъ вынулъ еще пятьдесятъ тысячъ — издавай другую газету! Только тутъ ужъ я вступился. Нѣтъ, говорю, газету намъ издавать не судьба. И другія деньги зря пропадутъ, а если и не пропадутъ, такъ, все равно Искаріота никто читать не станетъ, а лучше мы на другой манеръ Россію опутаемъ — заведемъ по всѣмъ городамъ агентовъ оздоровленія, да и объявимъ подъ рукою на премію: кто связаннаго либерала представитъ — тому приличное вознагражденіе, а кто съ либераломъ потихоньку на свой рискъ обойдется — тому противъ перваго вдвое.

— Ахъ, Расплюевъ! да вѣдь это междоусобіе.

— Благонамѣренное. Нынче, сударь, словъ-то вѣдь не пугаются.

— И они согласились?

— Многіе даже не медля по палестинамъ разъѣхались; другіе — на родственниковъ указали . . .

— Ахъ, Боже! а я было только что собрался въ деревню на лѣто ѣхать!

— Боитесь?

— Помилуйте! а что, если какой нибудь Амалатъ-Бекъ со мной на свой рискъ обойдется? или Разуваевъ руки къ лопаткамъ на премію вывернетъ.

Расплюевъ задумался.

— Погодите ѣздить, началъ онъ, наконецъ, — на первыхъ порахъ, чего добраго, и дѣйствительно въ этомъ родѣ случаи могутъ быть. Ну а потомъ, глядишь, и обойдется. Главное, денегъ у Амалатъ-Бековъ не хватитъ. Мужичекъ-то польстится, хоть цѣлую тьму либераловъ сразу наловитъ, анъ заплатить-то ему нечѣмъ! Такъ наши дѣла и сгибнутъ изморомъ.

. . . . . .

Дальнѣйшее наше собесѣдованіе неинтересно. Но представьте себѣ, тетенька, мою радость! Возвращаюсь домой, беру въ руки газету и что же нахожу! Въ Симбирскѣ уже образовалось „тайное общество“, именно въ Расплюевскаго родѣ! Состоитъ оно, очевидно, изъ мѣстныхъ Амалатъ-Бековъ, и обѣщаетъ за всякаго превратнаго толкователя, которому руки къ лопаткамъ вывернутъ — чистыми деньгами сто рублей! Разумѣется, однакожъ,

если будутъ деньги, потому что ежели денегъ не будетъ, то гдѣ-же ихъ взять? Но каковъ подъемъ общественнаго духа!

Не знаю, какъ вы отнесетесь къ этому извѣстію, но у меня, съ тѣхъ поръ, какъ я объ немъ прочиталъ, просто поджилки дрожатъ. Знаю, что похвалы достойно, но въ тожс время какъ-то невольно задумываюсь; нѣтъ, ужъ лучше я въ Симбирскую губернію не поѣду!

Вывернетъ мужичекъ руки, приведетъ, продастъ, — а потомъ? потомъ опять руки развяжутъ: ступай невинный, на всѣ четыре стороны! Отдадутъ ли продавцу сто рублей за то, что въ немъ любезно-вѣрныя чувства играли — этого я не знаю; но на комъ же я, исключенный и проданный, буду обиду свою искать? А ни на комъ, голубушка. На Амалатъ-Бекахъ искать нельзя, потому что они тайные; на продавцѣ — тоже нельзя, потому что какимъ же образомъ искать на человѣкѣ, который одержимъ игрою любезновѣрныхъ чувствъ!

Закладывай, стало быть, бѣговыя дрожки и кати назадъ въ свое мѣсто, благо удовлетвореніе получилъ. А черезъ недѣлю другой

мужичекъ тебя облюбуетъ и въ другой разъ продастъ . . .

Воображаю я, въ какой восторгъ придетъ вся Симбирская губернія, прочитавъ этотъ кличъ! Помѣщики — бросятъ раціональное хозяйство, мужички перестанутъ собирать въ житницы . . . и всѣ поголовно примутся превратныхъ толкователей ловить.

Потому что вѣдь сто рублей деньги, а превратный-то толкователь — вотъ онъ-онъ!

Ахъ, эта Симбирская губернія! въ старину ее страною отставныхъ корнетовъ называли. И были эти корнеты невѣжественные и жестоковыйные, и держали свое знамя высоко, за что и бывали нерѣдко сѣчены крѣпостными людьми. А теперь, народились у нихъ потомки, и тоже хотятъ высоко знамя держать . .

Только здается мнѣ, что Расплюевъ, пожалуй, окажется правъ. Вѣдь это играючи можно хвалиться: сто рублей! А какъ примется мужичекъ подваливать, такъ ежели за каждаго превратнаго толкователя по радужной бумажкѣ давать — сколько это денегъ будетъ?

Но дѣло не въ томъ, обанкрутится ли Симбирское тайное общество Симбирскихъ Ама-

атъ-Бековъ, или будетъ процвѣтать. Главное, ючинъ практическому содѣйствію данъ — вотъ что дорого.

И не я одинъ, а всѣ благонамѣренные люди этому радуются. На дняхъ встрѣчаю извѣстнаго вамъ Ѳеденьку Кротикова, который изъ „своего мѣста“ пріѣхалъ понюхать, чѣмъ пахнетъ.

— Ну что, какъ дѣла?

— Я, mon cher, нынче все съ содѣйствіемъ общества прописываю! Чуть что — сейчасъ воззваніе къ обществу . . . жарь!

Согласитесь сами, что если и дальше пойдетъ также хорошо, то наша цѣль — организація благонамѣреннаго междоусобія — будетъ осуществлена вполнѣ.

Н. Щедринъ.

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

ОТЪ РОЗГИ
КЪ ЖЕЛТОМУ БИЛЕТУ

НОВЫЕ ПОДВИГИ ПРАВИТЕЛЬСТВА
и
СТАРЫЯ ДУМЫ РАБОТНИКА.

Цѣна 1 м. 20 пф.

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

О СМЫСЛѢ ЖИЗНИ

МЫСЛИ

Л. Н. ТОЛСТОГО.

Собранныя

Владиміромъ Чертковымъ.

Не въ силѣ Богъ а въ правдѣ

Цѣна 1 м. 50 пф.

Собраніе произведеній
лучшихъ русскихъ писателей

Запрещенныя правительствомъ или выпущенныя въ Россіи

Verlag von Karl Schulze
Berlin, Friedrichstr. 2

Аксаковъ, Гоголь (Gogol)	1.— Mk.	
Л. Толстой, Жизнь и смерть (Bismarck)	1.50	„
Стихотворенія и Гекзаметръ-сказки (Gedichte)	1.—	„
Л. Толстой въ Духовоборцахъ (Doukhobortsy)	1.—	„
А. Пазеровъ, 13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости (Schlüsselburger Festung)	2.—	„
Гаршинъ (Dichtungen)	1.—	„
Н. Тихонов и А. Гершунъ, О жизни (Revolutionäre Lieder)	1.—	„
Тургенев, Лермонтов и др. Революционныя стихотворенія (Revolutionäre Gedichte)	1.50	„
Запрещенныя стихотворенія (Verbotene Gedichte)	1.50	„
Софія Перовская (Perowskaja)	1.50	„
Л. Н. Толстой, Къ рабочему народу (Tolstoi, An das arbeitende Volk)	1.50	„
Политическая осмотрительность С. Ю. Витте (Politische Vorsichtigkeit Witte's)	2.—	„
А. Герцен, Заговоръ 1825 года (Verschwörung)	—.50	„
И. Мерзъ, Грядущая война въ Франціи (Der Bürgerkrieg in Frankreich)	2.—	„
Какъ царь Александръ III нарушилъ свою присягу (Wie der Zar so Gott klagte)	—.50	„
Л. Н. Толстой, Противъ войны (Wegen den Krieg)	1.—	„
Третье отдѣленіе (Die Dritte Abteilung)	—.50	„
Отъ разсвѣта до полудня (Von der Dämmerung bis zum Mittag)	1.50	„
А. Аксаковъ, Гоголь (Gogol) II (Dichtung II)	1.—	„
Дуэль капитанъ Сергиевъ (Duell)	1.—	„
Исторіяхъ [illegible] революціонныхъ дѣлъ (Kleine [illegible] der Revolution)	1.50	„
[illegible] Константиновичъ (Konstantin Konstantinowitsch)	1.—	„
[illegible], Анархизмъ (Anarchismus)	2.—	„
[illegible], Конституціонное зло (Aufstand des Volkes)	1.50	„
[illegible] къ Художеству (Gedichte)	2.50	„
[illegible] (Narodnaya Demokratia)	1.50	„
[illegible] (Arbeiter)	[illegible]	„

ср. 1,50

Собраніе произведеній лучшихъ русскихъ писателей

[illegible]

запрещенныя въ Россіи

[illegible]

[illegible]

---

59. [illegible] ([illegible]).
60. Горе [illegible] ([illegible]).
61. [illegible] ([illegible]).
62. Похожденія русскаго духовенства (Das Treiben der russischen Geistlichkeit).
63. Повѣстовалка [illegible] (Der Geländer).
64. [illegible] (Neue Texte).
65. Записки [illegible] Трудящаго (Tagebuch [illegible]).
66. Сборник [illegible] (Ein [illegible] Buch).
67. Д-ръ Лео, Почему и какъ мы [illegible] (Angelegenheit).
68. Н. Щедринъ, Какъ мы [illegible] (Moment).
69. —, Три [illegible] (Drei [illegible]).
70. М. Е. Гуганенъ, Поэтъ (Der Dichter).
71. М. Горькій, Вл. Короленко, А. Н. Толстой, [illegible] (Drei [illegible]).
72. Н. Щедринъ, Новыя сказки для дѣтей (Neue [illegible]).
73. А. Н. Толстой, [illegible] (Pro [illegible]).
74. М. А. Бакунинъ, Русскому [illegible] (An die [illegible]).
75. М. Горькій, Протестъ, А. Н. Толстой, [illegible], Вл. Короленко, [illegible] (Klage).
76. *,*, Поэзія революціонныхъ [illegible] (Die revolutionären [illegible]).
77. М. Горькій, А. Н. Толстой, Н. Щедринъ, Три [illegible] (Drei [illegible]).
78. Н. Щедринъ, [illegible] (Fabelhafte [illegible]).
79. —, Письма [illegible] (Briefe) an die [illegible].

Собраніе лучшихъ русскихъ произведеній.

Н. ЩЕДРИНЪ.

АЗВЕСЕЛОЕ ЖИТЬЕ

N. TSCHEDRIN.

Fröhliches Leben. — La vie amusante.

БЕРЛИНЪ. Charlottenstr. 2. **BERLIN SW.**
Изданіе Гуго Штейница. Hugo Steinitz Verlag.
1904. 1904.

№ 78. Мар. 1,80

Собраніе произведеній
лучшихъ русскихъ писателей

Содержитъ преимущественно изданія, запрещенныя въ Россіи

Изданіе Гуго Штейница, Берлинъ, Шарлоттенштр. 2.

Verlag von Hugo Steinitz, Berlin, Charlottenstr. 2.

1. **Шидаръ**, Нравственныя задачи XX-го вѣка (Moralische Aufgaben) . . . . . 1,50 Mk
2. **Л. Н. Толстой**, Письмо къ Поляку (Polen-Briefe) . . —,60 „
3. —, Разумъ (Vernunft, Glaube) . . . . . —,80 „
4. —, Не воевай (Kämpfe nicht) . . . . . —,80 „
5. —, Палкинъ (Palkin) . . . . . —,80 „
6. —, Патріотизмъ или миръ? (Patriotismus) . . . . —,80 „
7. —, Плоды просвѣщенія (Früchte) . . . . . 1,— „
8. —, Крестникъ (Patenkind) . . . . . 1,— „
9. —, Мысли о Богѣ (Gedanken) . . . . . 1,20 „
10. —, Рабство нашего времени (Sklaverei) . . . . . 1,50 „
11. —, О смыслѣ жизни (Sinn des Lebens) . . . . . 1,50 „
12. —, Христіанство (Christentum) . . . . . 2,— „
13. —, Половой вопросъ (Sexuelle Frage) . . . . . 2,— „
14. —, Воскресеніе (Auferstehung) . . . . . 3,50 „
15. —, Царство Божіе, 2 части (Reich Gottes) . . . 6,— „
16. **Б. Чичеринъ**, Польскій и еврейскій вопросы (Polnische und jüdische Frage) . . . . . 1,— „
17. **М. Горькій**, Запрещенное (Verbotenes) . . . . . 1,— „
18. **Толстой** и Святѣйшій Синодъ (Tolstoi und Synod). 1,50 „
19. ***, Россія наканунѣ двадцатаго столѣтія (Russland am Vorabend) . . . . . 2,— „
20. ***, Послѣднія революц. событія (Ereignisse) . . 2,— „
21. **Н. Т.**, Тайны зимняго дворца (Geheimnisse) . . . 4,— „
22. **М. Горькій, Л. Н. Толстой и др.**, На злобу дня (Gorki, Tolstoi etc., Tagesfrage) . . . . . 1,— „
23. ***, Жизнь и ученіе Могаммеда (Mohamed) . . . 5,— „
24. **Л. Н. Толстой**, Письма о его ученіи (Tolstoi Lehre) . 1,— „
25. —, Единственное средство (Einzige Mittel) . . . 1,— „
26. —, Крейцерова соната (Kreutzersonate) . . . . 1,50 „
27. —, Исповѣдь (Beichte) . . . . . 3,— „
28. —, Въ чемъ моя вѣра? (Glaube) . . . . . 4,— „
29. ***, Изъ революціонной русской литературы (Revol. Literatur I) . . . . . 3,—

Н. Щедринъ.

РАЗВЕСЕЛОЕ ЖИТЬЕ.

Н. ЩЕДРИНЪ

РАЗВЕСЕЛОЕ ЖИТЬЕ

БЕРЛИНЪ.
Изданіе Гуго Штейница
Шарлоттенштрассе 2.

РАЗВЕСЕЛОЕ ЖИТЬЕ.

Станетъ Царь-Государь меня спрашивати:
Ты скажи, дѣтинушка, крестьянскій сынъ!
Ужъ ты съ кѣмъ воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ?

Бурлацкая пѣсня.

Развеселое, братъ, это житье! ни передъ тобой, ни надъ тобой, ни кругомъ, ни около никакого начальства нѣтъ; никто, значитъ, глаза тебѣ не мозолитъ, никто съ тебя не спрашиваетъ, а при случаѣ всякъ самъ же тебѣ отвѣтъ долженъ дать.

Такъ скажу: коли нѣтъ у тебя роду-племени, или обидѣлъ-заѣлъ кто ни-на-есть, или сердце въ тебѣ стосковалося, — кинь ты жизнь эту нуждную, кинь заботу эту черную, поклонись ты лѣсу этому дремучему: „лѣсъ-молъ, государь, дремучій боръ! ты прими меня страннаго, прими безсчастнаго-безталаннаго. Разутѣшь ты, государь, душу мою

горькую, разнеси тоску мою по свѣту вольному! Чтобы зналъ вольный свѣтъ, какова есть жизнь распрелютая, чтобы вѣдали люди прохожіе-проѣзжіе, какъ сиротское сердце въ груди стосковалося, въ вольномъ воздухѣ душа разыгралася.“

Народу у насъ предовольно. И изъ Рязани, и изъ Казани, и изъ подъ самаго Саратова, есть и казенные, есть и барскіе, однако больше барскіе. Бываютъ и кавалеры: эти больше отъ „зеленыхъ луговъ“ въ лѣсу спасаются. Народъ все тертый; и въ водѣ тонулъ и въ огнѣ горѣлъ; стало быть, какъ значетъ тебѣ сказы сказывать, — заслушаешься. Иной, братецъ, головы два разъ лишался, а все голова на плечахъ болтается; иной кавалеръ и за отечествіе ровно ужъ съ лишнимъ отличку показалъ и въ паратахъ претерпѣніе видѣлъ, а въ живыхъ стоитъ. Никто, какъ богъ. Одинъ кавалеръ рапортовалъ: пуля ему въ самый лобъ треснула, разлетѣлась это голова врозь, посинѣли руки-ноги, ну и языкъ тоже: буде врать, говоритъ. Чтожъ, сударь? къ дохтору, — не помогъ; къ командиру, — не помогъ; самъ брихадный былъ, — не помогъ, а Смоленская помогла! Значитъ — сила!

Такимъ родомъ живучи, на людяхъ и сиротство свое забываешь. Ну, и другое еще: свычка. Это значитъ: коли къ чему человѣкъ привыкнетъ, лучше съ жизнью ему разстаться, нежели привычку свою покинуть. Сказывалъ одинъ кавалеръ, что по времени и къ палкѣ привычку сдѣлать можно. Ну, это, должно быть, слишкомъ, а съ хорошимъ житьемъ точно что можно слюбиться.

Да и хорошо вѣдь у насъ въ лѣсу бываетъ. Лѣтомъ, какъ сойдетъ это снѣгъ, ровно все кругомъ тебя заговоритъ. Зацвѣтутъ это цвѣты цвѣтики, прилетитъ птичка малиновочка, застучитъ дятелъ, закукуетъ кукушечка, муравьи въ землѣ закопошутся, — и не вышелъ бы! Травка малая подъ сосной зябнетъ, — и та словно родная тебѣ. А ночнетъ эта лѣсъ гудѣть, особливо объ-ночь: и вѣтру не чуть, и верхи не больно-чтобъ шатались, — а гудетъ! Такъ гудетъ, что даже земля на многіе десятки верстъ ровно стонетъ! Столь это хорошо, что сердце въ тебѣ взыграетъ!

Бываютъ однако и напасти на насъ, а главная напасть — зима. Первое дѣло — работы совсѣмъ нѣтъ: стужа-то не свой братъ, не

„А ты отколь?“ спрашиваетъ Мысей, и смотритъ на меня старикъ зорко. Ну, самъ, чай, знаешь, трудно ли тутъ соврать? Сказалъ, что изъ Гай либо изъ Лыкошева, — и дѣло съ концомъ! Анъ вотъ те Христосъ, не посмѣлъ солгать, языкъ даже не повернулся. стою да молчу. „Инъ дай ему, Марьюшка, хлѣбца, Христа-ради! говоритъ Мысей-то: — а ты, говоритъ, страннѣй, ступай — богъ съ тобой!“

Ну, и пошелъ я; только всю эту ночь я промаялся. Горе что ли меня больно задавило, а это точно, что глазъ сомкнуть не могъ. Все это будто сквозь туманъ либо Мысей представляется, либо ребятки малые, либо молодуха . . . и ровно рай у нихъ въ избѣ-то!

Вторая наша напасть — полиція; однако съ нею больше на деньгахъ дѣло имѣемъ.

Вздумалъ этта становой насъ ловить, однако мамонѣ спраздновалъ. Вотъ какъ дѣло было. Призвалъ онъ къ себѣ отъ „Разбалуя“ цѣловальника: — „ты, говоритъ, всему этому дѣлу голова; ты, стало быть, и ловить долженъ“.

„Помилуйте, ваше благородіе! говоритъ Михей Митричъ: — у насъ въ заведеніи,

окромя какъ тихимъ манеромъ выпить, никакихъ другихъ дѣловъ не бываетъ; одно слово, говоритъ, монастырь .... сосновый-съ!“ Однако становой на него затопалъ: „знать, говоритъ, ничего не хочу!“ Ну, Михей Митричъ за Батыгой: такъ и такъ молъ, утекайте пока до бѣды. Затосковалъ Батыга; денно и нощно горькую пилъ, а изъ бѣды-таки выручилъ. Зарядивши себя такимъ родомъ, пошелъ онъ ... какъ бы ты думалъ, куда? ... туда, къ самому, то-ись, къ становому!

„Я, говоритъ, есть тотъ самый Батыга, объ которомъ ваше благородіе узнавать изволили...“ Такъ становой-то даже обезпамятѣлъ весь отъ злости. Подлетѣлъ это къ нему, вцѣпился смаху въ бороду, и ну волочить. Даже говорить ничего не говоритъ, а только ротъ разѣваетъ, да дышитъ. Только Батыга все претерпѣлъ, ни въ чемъ не перечилъ, а какъ увидѣлъ однако, что его благородію маленько будто полегчало, повелъ и онъ свою рѣчь. „А я-молъ къ вашему благородію съ лаской“, говоритъ. Ну, и опять обезпамятѣлъ становой: „сотскихъ! кричитъ: — кандалы сюда!“ И все-таки въ кандалы не заковалъ, а порѣшили наше дѣло промежь

себя полюбовно: отъ насъ ему въ мѣсяцъ пятьдесятъ цѣлковыхъ, а намъ воровать съ осторожностью.

А по прочему по всему житье намъ хорошее.

Попалъ я на эту линію постепенно. Человѣкъ я божій, обшитъ кожей, попросту, порусски сказать, дворовый господина Ивана Кондратьича Семирикова, на золотѣ не ѣдалъ, медовой сытой не запивалъ, ходилъ больше въ нанкѣ да въ пеструшкѣ, хлебалъ щи, а пилъ воду. На этомъ, братъ, коштѣ не разжирѣешь, а если и разжирѣешь, такъ значитъ не отъ себя и не отъ господъ, а никто, какъ богъ. Поступилъ я сперва-на-перво въ барскій домъ въ мальчишки. Должность это не большая: на погребъ за квасомъ слетай, въ обѣдъ за стуломъ съ тарелкой постой, ножи вычисти, тарелки перемой да изъ чулка урокъ свяжи, — только и все . . . Такъ-то я и росъ. Помню даже теперь, какъ бывало облизываешься, глядя на господъ, какъ они кушать изволятъ. Иной разъ такъ забудешься, что и ротъ по ихнему разѣвать начнешь, — ну, и сѣчь сейчасъ, потому что ты лакей, и, стало быть, должонъ за стуломъ стоять смирно.

Хоть баринъ у насъ и богатый, однако ихній тятенька еще у всѣхъ дворовыхъ на памяти въ ближнемъ кабакѣ Михей Митричемъ сидѣлъ . . . По этому самому случаю, а больше можетъ и для того, чтобы себя передъ благородствомъ оправдать, Иванъ нашъ Кондратьичъ свою честь держалъ очень строго. Не то, чтобъ къ кабаку, какъ къ истинному своему отечествію, льнуть, а все наровитъ бывало, какъ бы въ большія хоромы вгрызться. А съ нашимъ братомъ — никакого разговору не было.

Наши дворовые были Иванъ Кондратьичемъ недовольны. Особливо обижался имъ буфетчикъ Петръ Филатовъ. Прежде-то были мы, слышь-ты, княжіе (Овчинина князя, Сергѣй Ѳедорича, можетъ слыхалъ?). Ну, стало быть, Петру-то Филатичу и точно-что будто обидненько было послѣ князя какой-нибудь, съ позволенія сказать, мрази служить.

А пріятный для слуги господинъ какой должонъ быть? Тотъ господинъ для слуги пріятенъ, который его слушается, который обиходъ съ нимъ имѣетъ и на совѣтъ слугу своего безпремѣнно зоветъ. Въ

стары годы, сказываютъ, на это просто было: господа съ слугами въ шашки игрывали и завсегда съ ними компанію важивали. Онъ же, Петръ Филатовъ, сказывалъ, что бывало господа другъ съ дружкой бесѣду ведутъ, а слуги у дверей сберутся, да временемъ и свое словечко въ господскую рѣчь пустятъ. Ну, конечно, что этакъ-то будто лучше, а въ прочемъ это не мое, а Петра Филатова разсужденье, потому какъ я на это дѣло давно ужъ плюнулъ и ногой, братецъ ты мой, его растеръ.

Сказывалъ намъ Петръ Филатычъ и другихъ поученій много. Сказывалъ примѣрно, что тѣ, коимъ въ семъ мірѣ худо, на томъ свѣтѣ въ пресвѣтломъ сіяніи будутъ, что паука убить — сто грѣховъ убавится, а муху убить — сто грѣховъ набавится. А какъ я отъ своего барина бѣжалъ и черезъ это самое, какъ бы сказать, въ здѣшней жизни не претерпѣвъ, будущей своей жизни лишился, то, помня Петра Филатычи слова, всякій разъ, какъ паука вижу, безпремѣнно его убиваю, а муху, напротивъ того, питаю и призрѣваю.

Пречудной былъ этотъ старикъ. Начнетъ бывало про князя разсказывать, — что твой соловей заливается, — и не заткнешь ничѣмъ

а вспомнитъ, что вотъ на старости лѣтъ Семирику служить привелось, и пойдетъ это губами шамкать, даже весь посинѣетъ отъ злости. Такая ужъ, видно, линія на роду человѣка написана.

На четырнадцатомъ году свезли меня въ Москву къ повару французу въ ученье; жилъ я въ поваренкахъ четыре года и, хвастать нечего, свѣту большого изъ за плиты не видалъ. Потомъ однако пустили господа по оброку, чтобъ еще больше, значитъ, въ наукѣ своей произойти.

Про Москву такъ должонъ сказать: множество видѣлъ я городовъ, а супротивъ Москвы не сыщется. Въ Москвѣ всякій въ свое удовольствіе живетъ, господа въ гости другъ къ дружкѣ ѣздятъ, а простой народъ въ заведеніяхъ блаженствуетъ. Возьмемъ, примѣрно, трактиры одни, чего тамъ нѣтъ? И чай, и водка, и закуски . . . и все, значитъ, тамъ. Машина „вѣтерокъ“ тебѣ сыграетъ, приказный отъ иверскихъ воротъ въ присядку отпляшетъ; въ одномъ углу тысячныя дѣла промежъ себя рѣшаютъ, въ другомъ просьбицу строчатъ, въ третьемъ обнимаются, въ

четвертомъ слезы проливаютъ . . . жизнь! Къ этому-то житью какъ попривыкнешь, ни на что другое и не смотрѣлъ бы! Такъ тебя и тянетъ съ утра ранняго все въ трактиръ.

Баринъ, къ которому я нанялся (а нанялся я къ нему въ лакеи, а не въ повара), очень меня полюбилъ; смирный, добрый былъ этотъ баринъ, не наругатель и не озорникъ, а къ простому народу особливо былъ жалостливъ. Служить онъ нигдѣ не служилъ и занимался по своей охотѣ все больше книжками, а по вечерамъ господа къ нему молодые собирались. Однакожъ не долго я у него жилъ. Въ скорости этотъ баринъ незнамо куда запропалъ, да въ скорости же пришелъ и ко мнѣ отъ нашего бурмистра приказъ въ деревню явиться.

Ужъ какъ мнѣ эта деревня тошна послѣ Москвы показалась — даже разсказать нельзя. Первое дѣло, призываетъ меня къ себѣ Семирикъ и приказываетъ при конюшнѣ находиться. Снялъ я свое платье московское, нарядился въ старый армякъ.

Ну, армякъ такъ армякъ, — и на томъ спасибо!

Второе дѣло, содержаніе въ деревнѣ больно ужъ безобразное. Настанетъ бывало время обѣдать итти, такъ даже сердце въ тебѣ все воротитъ. Щи пустые, молоко кислое, — только слава одна, что ѣшь, а настоящаго совсѣмъ нѣтъ.

Однако, хоть и всячески я себя перемогалъ, а по времени не въ моготу стало. И сдѣлалось со мной тутъ словно чудо какое. Отъ думы, что ли, или отъ того, что въ Москвѣ живши себя ужъ очень изнѣжилъ, только сталъ я мучиться да тосковать, даже ровно страхъ на меня отъ всѣхъ мученьевъ напалъ. „Господи! думаю бывало, неужто-жъ и взаправду мнѣ въ этой трущобѣ какъ червю сгнить придется?“ А сердце вотъ такъ и рветъ, такъ и ноетъ въ груди.

Даже работать совсѣмъ пересталъ. Знаю и самъ, что худо это, что другіе можетъ и лучше тебя, за тебя работаютъ, однако принужденья сдѣлать себѣ не въ силахъ. Ну, и дай богъ нашимъ здоровья, — пожалѣли меня, до барина этого не довели.

Вотъ только одинъ разъ по вечеру господа наши въ гости уѣхали; пошелъ я во дворъ поглядѣть, какъ наши сѣнныя дѣвушки въ

горѣлки бѣгаютъ. Только бѣгаютъ это дѣ
а во флигелѣ на крылечкѣ какая-то бар
на нихъ смотритъ. Ну, и наши тутъ въ к
собрались; идетъ промежъ нихъ хохотъ
балагурство, увидѣли меня, на смѣхъ т
подняли: „что пришелъ? или, молъ, смирилс
— „Анъ нѣтъ, говоритъ Филатовъ, онъ
Марьѣ Сергевнѣ на поклонъ явился!“ — Т
только я и узналъ, что эта барыня с
Марья Сергевна и есть.

А Марья Сергевна у нашего барина въ р
какъ экономки жила. Была она просто
просто пастуха нашего дочь; только Семер
и въ поневѣ ее облюбовалъ, и поэтому
мому отца-то изъ пастуховъ въ дальнюю
ревню въ старосты произвелъ, а ее
горницу къ себѣ опредѣлилъ. Ну, в
сердечную, вымыли, въ платье нѣмец
одѣли и Семирику представили; барыня н
сказываютъ, много объ этомъ въ ту пору
жалася.

Однако любопытно мнѣ стало погляд
на нее. Самъ знаешь, баринова суда
стало быть — сила. Коли не настоящее,
читъ, тебѣ начальство, такъ еще хуже т

какъ же тутъ утерпѣть, не посмотрѣть? Подошелъ я къ крылечку и гляжу на нее.

И вотъ, братецъ ты мой, даже до сей минуты вспомнить я объ ней не могу: такъ-это и закипитъ, задрожитъ все во мнѣ! Ровно подняло во мнѣ все нутро, ровно сердце въ груди даже заиграло, какъ взглянула она на меня! И нельзя даже сказать, чтобъ ужъ очень изъ себя пышна или красива была, а такой-это былъ у нея взглядъ мягкій да ласковый, что всякому около нея тепло и радошно становилося. Ну, и усмѣшечка эта на губахъ тихонькая . . . ровно вотъ зоренька утренная сквозь облачка пойгрываетъ.

Много видѣлъ я барынь красивыхъ, и изъ нашего званія тоже хороши дѣвушки изъ себя бываютъ, а все-таки Маши другой не встрѣчалъ. Доброта въ ней большая была; а потому, можетъ, самому краса ея силу имѣла, что душа у ней на лицѣ всякому объявлялася. Такъ скажу, не знай я теперь, что давно она въ могилу пошла, жизни бы не пожалѣлъ, въ кабалу бы себя опять отдалъ, только бы на лицо ея насмотрѣться, только бы голоса ея милаго наслушаться!

Ну и она, увидѣвши меня будто въ первый разъ, тоже полюбопытствовала.

— Не вы ли, говоритъ, новѣй поваръ, что изъ Москвы онамеднись выслали?

— Я, говорю.

— Отчего жъ, говоритъ, вы въ такомъ платьѣ ходите?

— А оттого, молъ, что на то есть барская воля.

— Такъ вы барина попросили бы . . . онъ вѣдь только гордъ очень, а добрый!

Нѣтъ, говорю, просить не буду, потому что впередъ знаю, что если стану съ бариномъ говорить, такъ ужъ это безпремѣнно, что ему нагрублю.

— Что жъ такъ?

— Да такъ, Марья Сергевна . . . за что, примѣрно, онъ меня платья моего лишилъ?

— Вотъ вы какіе! пожили въ Москвѣ да и стали ужъ слишкомъ спѣсивы! А вы бы, глядя на другихъ, дѣлали!

Ну, я противъ этихъ ея словъ ничего сказать не рѣшился; стою да молчу.

— А хорошее, говоритъ, въ Москвѣ житье?

И сама, знаешь, тяжеленько этакъ вздыхаетъ.

— И вездѣ, говорю, хорошо, гдѣ то-ись сить намъ мило.

— А гдѣ по вашему мило? спрашиваетъ.

— А тамъ, говорю, мило, гдѣ у насъ милый другъ находится . . .

Сказалъ это, да и смотрю на нее и даже чувствую, какъ меня всего знобитъ. И она со словъ моихъ словно зардѣлась вся, опустила это головоньку и задумалась.

— Вамъ, можетъ желательно, чтобъ я за васъ барина попросила? говоритъ.

— Коли ваше желанье на то есть, говорю, такъ отъ васъ я принять милость не откажусь.

Больше въ тотъ вечеръ я съ ней не говорилъ. Только стало мнѣ съ той минуты словно легко и незаботно на свѣтѣ жить. Пошелъ я къ себѣ на сѣновалъ спать, и всю-то ночь вмѣсто спанья только пѣсни пропѣлъ.

Да и ночь-то на ту пору такая случилася: теплая да звѣздная, ровно даже горитъ это на верху отъ множества звѣздъ! И все это кругомъ тебя спитъ; только и слышишь, какъ лошадь около яслей на мякину фыркнула или

въ денникѣ жеребенокъ въ соломѣ съ просоньевъ закопошился.

На утрѣ позвали меня къ барину. Не могу о себѣ сказать, чтобъ изъ робкихъ былъ: однако на ту пору такъ сробѣлъ, что даже сердце во мнѣ упало. Баринъ принялъ меня въ лакейской передъ всѣми людьми и очень что-то грозно.

— Ну, что, говоритъ, прочухался?

Я молчу.

— Чтожъ ты не отвѣчаешь, звѣрь?

Я опять молчу. Только слышу, что по за дверью ровно зашуршало что. Задрожалъ, затрясся я весь.

— Виноватъ, говорю.

— То-то, молъ, виноватъ.

Ну, и простилъ онъ меня, на кухню опредѣлить велѣлъ.

. . . . . .

Стали мы тогда чаще видаться, только больше все при людяхъ. Иной разъ и встрѣтимся гдѣ-нибудь одинъ на одинъ, однако смѣшаешься, обробѣешь, — ну, ничего и не скажешь. Объ одномъ только въ мысляхъ, бывало, держишь, какъ бы съ ней встрѣтиться, или бы шорохъ отъ платья ея услы-

, или бы вотъ хоть издалека на нее по-
оваться. Ну, и она словно замѣтила, что
шечка ея шибко мнѣ нравится: какъ ни
детъ мимо меня, всякій разъ безпремѣнно
хнется. . . Такъ и протянулось наше
до осени.

осени, такъ около Введеньева дня, стали
господа въ Москву собираться. По-
ь-это по дому трескъ да шумъ; возы съ
ажей сряжаютъ, экипажи дорожные изла-
ютъ, — ну, какъ у большихъ господъ
новенно водится. Слышу я, что и Маша
осподами уѣзжаетъ, а мнѣ приказу ѣхать
бъявляютъ. Сталъ я стороной отъ лю-
узнавать: кто говоритъ — Павлу-повару
ъ, кто говоритъ — мнѣ ѣхать, а настоя-
нѣту. Времени межъ тѣмъ все меньше
ется, — смерть, да и полно!

рѣшилъ я подъ конецъ, чтобъ мнѣ са-
съ Машей объ этомъ переговорить. Вы-
ъ время, какъ ей изъ дому во флигель
очь идти, сталъ и жду у крылечка. Только
, что вдали огонекъ забрезжилъ и прямо-
ко флигелю бѣжитъ, словно вотъ искорка,
да ни взялась, одна сама собой въ воз-
летаетъ.

— Вы, говорю, Марья Сергѣевна?

Спервоначалу она было испугалась, даже оступилась и упала, однако голосу не дала. Я ее бережненько поднялъ, посадилъ на крылечко и фонарь затушилъ.

— Вы, я говорю, не опасайтесь меня, Марья Сергѣевна! . . . Я съ тѣмъ нарочно и пришелъ, чтобъ васъ видѣть. Мочи моей больше нѣтъ; все у меня сердце отъ тоски изорвалось!

Подошелъ я поближе къ ней, взялъ ее за рученьку и слышу, что словно листъ вся трясется.

— Вы вотъ съ господами въ Москву собираетесь, говорю: — стало быть, разстанье будетъ намъ долгое. . . Поэтому я такъ теперь о себѣ понимаю, что самый я безъ васъ буду въ мірѣ несчастный человѣкъ, и стало быть ничего мнѣ другого желать не надо, какъ только руки на себя наложить или въ лѣса отъ такихъ мученьевъ бѣжать. . .

— Да вѣдь и вы, чай, съ нами въ Москву поѣдете? Чтой-то ужъ и бѣжать собрались! . . . словно и разуму своего вы лишились!

— Нѣтъ, говорю, въ Москву я съ вами не поѣду; да и вы, коли меня жалѣете, барина

ъ этого намѣренія отклоните. Потому пер-
е, что въ Москвѣ я надежды на себя не
ѣю. А второе дѣло, мнѣ и здѣсь на ваше
тье смотрѣть совсѣмъ непереносно стало.
Какъ выговорилъ я это, она словно ручьемъ
лилась.

— Такъ вотъ, говоритъ, чѣмъ вы меня по-
екаете! точно сами не знаете, какова моя
зсь жизнь!

— Я, говорю, не съ тѣмъ это сказалъ,
обы васъ попрекать, а съ тѣмъ, что при
ихъ къ вамъ чувствахъ смотрѣть мнѣ на
дѣла не приходится.

Только она еще пуще на это заплакала,
меня ровно тутъ духъ какой обуялъ! Бро-
ся къ ней, поднялъ-это ее къ себѣ на
ки. . . И жалко-то мнѣ ее, и душу-то бы
нее отдалъ, и за сердце словно вотъ кле-
ми хватаетъ: пропадай молъ все, не доста-
ся она ни мнѣ, ни ему! Даже закоченѣлъ
ь, даже не слышу ничего, мну да тираню
сердечную въ рукахъ, будто задушить
ну. . . А она только потихоньку стонетъ,
ваться отъ меня не рвется.

— Ваня! говоритъ: — что ты надо мною
злать хочешь?

Спамятовался я подъ конецъ, выпустилъ ее изъ рукъ. Тяжко мнѣ тутъ сдѣлалось, такъ тяжко, что и сказать нельзя. Смотрю-это на барскій дворъ, а самъ богъ знаетъ что думаю; смотрю тоже на большую дорогу и на лѣсъ дальній, — и все это будто перемѣшалось во мнѣ; точно не самъ я, а именно лукавый во мнѣ думаетъ.

И такова была въ ней душа ангельская, что она не токма-что тиранства моего не попомнила, а меня же звѣря лютаго, утѣшать бросилась.

— Ваня! говоритъ: — голубчикъ ты мой! ахъ, да посмотри же, посмотри же ты на меня! пожалуй ты меня! Легче бы мнѣ въ пропасть теперь сгинуть, чѣмъ сердце твое на себѣ видѣть!

И вотъ, братецъ ты мой, хоть зима на дворѣ стояла: значитъ и теметь, и сивиръ, и снѣгъ, однако краше для меня эта ночь самой теплой лѣтней ночи показалася! Всѣ эти звѣзды, что на небѣ горятъ, словно въ сердцѣ у меня загорѣлися!

На утро прикинулась къ ней горячка. Доложили объ этомъ барину и послали за дохтуромъ. Дохтуръ обозрилъ ее и сказалъ,

что въ Москву ѣхать никакъ нельзя. Сокрушался Семирикъ; однако такую къ Машѣ привычку взялъ, что даже поѣздку въ Москву хотѣлъ отложить. Только тутъ ихняя супруга, дай богъ ей здоровья, за наше счастье вступилася. Семирикъ говоритъ: не поѣду! Семиричиха кричитъ: врешь, поѣдешь! И опять Семирикъ свое долбитъ, а Семиричиха такъ на него и заливается: „и безъ того я отъ тебя невѣсть-что безобразіевъ терплю, чтобъ смѣлъ ты меня на всю жизнь въ деревню запереть!“ Много у насъ тутъ страму на весь домъ было. Однако Семиричиха, какъ была генеральская дочь, одолѣла. Стали сбираться; вышелъ и мнѣ приказъ быть готовымъ.

Ну, нѣтъ, думаю, это видно подождать придется! И удумалъ я тутъ штуку. Явился къ Семирику и, какъ ни воротило мнѣ сердце, палъ къ нему въ ноги взаправду.

— Позвольте, говорю, въ деревнѣ остаться.

— Это еще что за штуки? говоритъ: — и какъ ты смѣлъ прямо на глаза мои показываться!

— Я, говорю, по слабости моей въ Москвѣ надежды на себя не имѣю, потому какъ тамъ

и знакомство у насъ большое, и случаевъ больше есть, а въ деревнѣ все одно, что въ монастырѣ. . .

Понравилось это Семирику. А пуще всего то по сердцу пришлось, что вотъ-молъ лютого звѣря въ смиреніе привелъ!

— Ну, говоритъ, коли есть твое желанье, чтобъ въ исправленіи своемъ укрѣпиться, такъ я препятствовать этому не могу... Взять въ Москву Павлушку!

Уѣхали.

Остались мы съ Машей въ домѣ почесть-что одни. Молодыхъ всѣхъ господа еще съ обозомъ въ Москву угнали, а въ деревнѣ оставили только стариковъ да конюховъ. Къ Машѣ старуху Матрену Ивановну приставили, — золотая это была душа! Стало быть очень намъ было свободно. По началу она еще слабость въ себѣ чувствовала, а недѣльки черезъ двѣ и поправляться стала. А Семирикъ то и дѣло, что изъ Москвы гонца за гонцомъ шлетъ да строго-настрого наказываетъ, чтобъ Машу къ нему въ самой скорой скорости выслать. Однако нѣтъ.

И словно рай промежъ насъ тогда поселился. По времени даже смѣлость такая у

насъ проявилась, что людей совсѣмъ опасаться перестали. Заложишь, бывало, объ вечеръ жеребца съ барской конюшни въ охотницкія саночки, укутаешь ее, голубушку, и пошелъ по полянкамъ гулять, — даже духъ занимается! А ночи-то, братъ, лунныя да морозныя, и снѣгомъ-то кругомъ тебя обдаетъ, и вѣтромъ-то тебя жжетъ . . . жизнь! У Маши, бывало, даже глазенки заискрятся, столь это хорошо!

Ну, и домой тоже пріѣдешь, отогрѣвать ее станешь, на рукахъ словно ребеночка баюкаешь. . .

Да, братъ, — какъ подумаешь да погадаешь, что все это было да сплыло, да быльемъ поросло, и что всему этому житью Семирикъ на всякъ часъ поперекъ можетъ стать, — даже страхъ тебя какой-то беретъ!

И скажи ты мнѣ на милость, отчего бы, напримѣръ, мнѣ счастливымъ не быть? И отчего, напримѣръ, вздумалъ я разъ въ жизни радость свою имѣть, и тутъ вышло, что радость та не моя, а чужая? Отъ этой, братъ, думы и ушелъ я въ лѣса, чтобы больше она меня не тревожила.

Провѣдалъ, однако, прозналъ онъ, какъ, ужъ не знаю, про нашу любовь. Бурмистръ что ли ему отписалъ, — этого доказать не могу; только разъ пріѣзжаемъ мы вечеромъ съ поля, анъ въ барскомъ дворѣ огни горятъ. Маша моя такъ и ахнула. . . Ну, и я тоже маленько будто посумнился.

— Что, говорю, Машенька! ґаркнуть развѣ, и поминай, какъ звали?

Только говорю я это, а самъ вижу, что она ни жива, ни мертва въ саночкахъ сидитъ. „Ну, думаю, плохо, значитъ, наше дѣло, — пришлось въ раздѣлку итти. . .“ Надѣялся было я на первыхъ порахъ во флигель ее схоронить, анъ и тотъ запертъ.

Привели насъ къ Семирику. . . Ну. . . кончилось тѣмъ, что Машу черезъ два дня въ деревню за вдовца за дѣтнаго замужъ отдали, а меня приказали въ солдаты сдать. . .

Въ эту ночь много я отъ холоду вытерпѣлъ, а пуще того отъ думы да отъ тоски сокрушался. То будто зима-зимская, морозная передъ глазами носится, и полянки эти дальныя, и саночки малыя, и Маша, разлюбушка моя, тутъ. . . И словно свѣтъ голубой мнѣ въ глаза бьетъ, и въ этомъ свѣтѣ голу-

бомъ она, моя голубушка, ровно въ воздухѣ и дрожитъ, и колышится . . . залило меня горе всего!

Порѣшилъ я однако бѣжать. Не то, чтобъ солдатства крѣпко боялся, а словно дѣло это для насъ необычное, да и съ Машей разстаться жалко; все думаешь: „не закопаютъ же ее живую въ могилу, — авось можно свидѣться какъ-нибудь.“

Вотъ на другой день подняли меня ранымъ ранехонько. Вывели, всего обшарили. На дворѣ это подвода стоитъ, и отдатчикъ съ подводчикомъ на готовѣ ожидаютъ. Пришли родные, пришла дворня вся; бабы воютъ да стонутъ, особливо матушка. Измаяли они меня.

Привелось намъ мимо скотныхъ дворовъ ѣхать. Не утерпѣлъ я и сталъ проситься, какъ бы Машу мнѣ повидать. Извѣстно, отдатчикъ вмѣсто отвѣта велѣлъ лошадь стегать; однако я вскочилъ и зачалъ его за горло душить!

— Мнѣ, говорю, за одно терпѣть, а тебѣ не быть живу, варвары вы этакіе!

Ну, испугался, — пустилъ. Вошелъ я въ избу: избенка эта темная да смрадная, словно хлѣвъ коровій.

— Много лѣтъ здравствовать, Марья Сергѣевна! говорю.

Только услыхала она мой голосъ, — бросилась это ко мнѣ, уцѣпилась за полушубокъ . . . даже ровно замерла тутъ.

— Погубилъ я тебя, Машенька, говорю: — не будетъ мнѣ за это счастья въ сей землѣ.

— Жить . . . нѣтъ . . . нѣтъ! говоритъ, а сама такъ и дрожитъ, такъ и трясется вся, и въ лицѣ ни единой кровиночки нѣтъ.

Сѣлъ я на лавку, положилъ ее на колѣни къ себѣ и сталъ-это цѣловать да миловать. Только чую, будто слезы у меня горятъ, да и сердце въ груди ровно ширится. Ну, думаю, плакать такъ плакать . . . въ остатній разъ! Плачу я это, даже духъ у меня отъ слезъ словно захлестываетъ . . . только и могу выговорить: „Машенька! Машенька! . . . ахъ, да каково жъ это больше не свидѣться!“ А она даже и не отвѣчаетъ ничего; завернулась, голубка, головонькой подъ полушубокъ ко мнѣ да только руками обѣими меня удерживаетъ . . . И сладко-то, и тоскливо-то мнѣ!

Только, видно, дали во дворъ знать, что двоимъ со мной не сладить; прибѣжало еще

человѣкъ съ пять на подмогу. Стали ее отымать отъ меня; ну, и она по началу ровно не поняла, что съ ней дѣлается, даже взять себя допустила . . . Однако какъ началъ я скотницѣ Аграфенѣ въ ноги кланяться, чтобъ она ее, сиротку, пригрѣла да приголубила, вдругъ она словно разразилася: взвизгнула-это, застонала и зачала изъ ихъ рукъ рваться . . . даже я самъ поскорѣй изъ избы выбѣжалъ.

Ѣду я дорогой, да свое думаю: „Уйду я отъ нихъ, безпремѣнно уйду!“ Гляжу-это на поле дальнее: вонъ въ сторонѣ вихорикъ закружился, вонъ пеленку снѣжную взбуровилъ . . . уйду-молъ отъ нихъ, безпремѣнно уйду! Вонъ мостикъ ветхонькій черезъ рѣчку лежитъ; по краямъ у рѣчки ледокъ, словно хрусталъ чистый, скипѣлся, а середочка плещется, ровно живая журчитъ . . . уйду я отъ нихъ, безпремѣнно уйду! . . . Вонъ лѣсокъ впереди засинѣлся: ишь ты, какой лѣсъ частый да береженый! . . . вонъ и въ деревню въѣхали . . . пошли саночки по ступенямъ тукъ-тукъ . . . ахъ, да уйду я отъ нихъ, безпремѣнно уйду!

— Пусти, Потапъ, говорю отдатчику.

— Что ты! говоритъ: — чай, я не о двухъ головахъ!

— Пусти, Потапъ! въ могилу за тебя живой лягу, души своей не пожалѣю . . . пусти!

Не пустилъ . . . Да уйду же я отъ тебя, безпремѣнно уйду!

Пріѣхали мы на постоялый дворъ ночевать. Сѣли ужинать, а я все одно думаю: „уйду да уйду". Положили они меня для вѣрности промежъ себя спать, даже полушубокъ съ меня сняли да подъ головы себѣ сунули. Однако я не сплю и все въ умѣ одно держу: „уйду я молъ отъ нихъ, безпремѣнно уйду!" Вотъ только слышу я, загудѣло мужичье; были тутъ, кромѣ насъ, извозчики; наѣдятся они на ночь, такъ ровно начнетъ ихъ коробить во снѣ-то. Иной, знаешь, не своимъ голосомъ во снѣ зарычитъ, другой даже вскочитъ съ просоньевъ, посидитъ-посидитъ, словно полоумный, перекрестится да и опять спать. Ну, и я попытать ихъ сначала хотѣлъ; вскочилъ что есть мочи, не шелохнется ли молъ кто? . . . Однако никто голосу не далъ; только Потапъ съ просоньевъ сталъ около себя шарить, да не на ту сторону, сердечный, попалъ и нащупалъ проѣзжаго извозчика. Только я

коли дальше итти, первое дѣло — изъ
выбьюсь, а второе дѣло — хватиться мо
и кто жъ ихъ знаетъ въ какую сторону
лѣшій повернетъ! Показалась въ сто
избушечка, я и повернулъ въ просел
Только она, распроклятая, точно драз
меня: вотъ, кажется, рукой подать, та
вертится передъ глазами; однако за их
мужицкими вавилонами добрыхъ я съ
часа моялся, доколѣ дошелъ.

Тутъ я впервой позналъ, что такое бѣ
человѣкъ значитъ. Пришелъ въ дере
смотрю около себя, а куда идти, — не смы
Словно ужъ судьба сама за меня промыш
да въ овинъ привела; зарылся я въ со
да два дня оттоль не выходилъ, — такт
ѣвши и лежалъ . . . Послѣ сказывали
наши, что и въ этой деревнишкѣ меня отн
вали, однако стало быть не постарались.

Черезъ два дня вышелъ. Ну, прежде в
ѣсть до смерти хочется. На дворѣ еще
неть была, только кой-гдѣ огни въ из
виднѣлися: значитъ, исправная баба
печку затоиила. Подошелъ я къ одной и
вышибъ кулакомъ подворотню, подлѣзъ ск
нее и прямо въ избу къ бабѣ.

— Подавай хлѣба! говорю.

Только — она, какъ была съ ухватомъ въ рукахъ, такъ тутъ на мѣстѣ и обмерла. Я къ столу; досталъ хлѣба, взялъ кстати и ножикъ.

— Только ты пикни у меня, говорю: — не гонѣ, такъ завтра такъ дойму, что навѣкъ языка лишишься!

И точно, дай богъ ей здоровья, — не пикнула.

Наѣлся и опять въ солому залегъ сумерекъ дожидаться. Теперь, думаю, хорошо: и сытъ, да и ножикъ при мнѣ есть . . . И все-то меня къ дому тянетъ.

Вотъ въ сумерки всталъ отъ своего логова и пошелъ-таки прямо въ деревню. Вижу еще издалеча, что въ кучерской у насъ свѣтъ горитъ. Не думавши долго, прямо туда.

— Ребята! говорю: — кто изъ васъ противъ меня измѣнщикомъ хочетъ быть?

Только они сидятъ да помальчиваютъ, да промежъ себя переглядываются.

— Если кто меня выдать хочетъ, говорю: — такъ я тутъ весь; а не желаете выдать, такъ обогрѣйте да накормите меня!

Никто однако противъ своего брата измѣнщикомъ быть не согласился. Тутъ я узналъ,

что въ тотъ самый день Машу на деревню что ни на есть за гадѣчаго мужика отдали замужъ; а Семирикъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сейчасъ послѣ свадьбы въ Москву укатилъ.

Загорѣлось-это во мнѣ; хочу да хочу Машу видѣть! даже ѣсть ие могу; такъ всего и поднимаетъ меня.

Пошелъ на деревню; вижу, стоитъ на краю избенка развалившаяся; подошелъ къ окошку, думаю, нѣтъ ли гульбы у нихъ? Однако, видно бѣдность шибко мужика одолѣла, либо совѣсть на народѣ зазрила, только не чуть въ избѣ никого, кромѣ хозяевъ. Горитъ-это посередь горницы лучина, и ровно чадъ да дымъ отъ нея идетъ, а свѣту почесть ничего-таки нѣтъ; въ углу на полу ребята въ повалку спятъ . . . ну, одно слово, и голодно-то, и холодно-то въ этой избѣ, совсѣмъ, кажется и жить-то нельзя. Одно мнѣ чудно показалось, что они ровно вѣкъ вмѣстѣ жили, — сидятъ около свѣтца. Маша бѣльишко кой-какое дѣткамъ починиваетъ, а Трофимъ сапоги на продажу тачаетъ. Долго я такъ смотрѣлъ на нихъ, все думаю: взойти или не взойти? Однако Маша будто почуяла что:

встала съ мѣста и слушаетъ; ну, и Трофимъ къ окошку побрелъ.

— Это я, говорю, Трофимъ Петровичъ! я молъ бѣглый Иванъ! пустишь, что ли?

Услышавши меня, онъ по началу даже отъ окна отшатнулся, однако вскорѣ опять поправился.

— Пустить, что ли, Марьюшка? спрашиваетъ.

Только она ровно испугалася: побѣжала-эта отъ свѣтца прочь и за печку спряталась.

— Пусти, говорю, Петровичъ! Вотъ тебѣ богъ, что только проститься хочу; одной минуты не пробуду больше!

Взошелъ я въ избу, помолился богу, сѣлъ на лавку.

— Богъ въ помочь! говорю.

Только она вышла ко мнѣ мертвая-размертвая. Однако идетъ твердо.

— Прости меня, Иванушка! говоритъ.

Я заплакалъ; сижу-это на лавкѣ и, словно баба, малодушествую. Господи! какъ же мнѣ горько-то, горько-то въ ту пору было! Словно темь кругомъ меня облегла, словно страхъ да ужасъ на меня напалъ, словно тянетъ сосетъ мнѣ все сердце!

— Прощай, Иванушка! опять говоритъ она, а у самой слезиночка въ голосѣ дрожитъ.

Вскочилъ я; хотѣлъ въ охапку ее схватить; однако вижу — въ углу Трофимъ стоитъ и словно у него зубъ на зубъ не попадаетъ. И она тоже руки впередъ протянула, будто какъ застыдилася. Ну, думаю, стало быть нашему дѣлу и взаправду кончанье пришло!

— Прощай, говорю, Маша! прощай и ты, Трофимъ!

Молчатъ оба.

— Видно-молъ не свидѣться намъ?

— Да, видно не свидѣться! молвилъ Трофимъ.

Словно ожгло меня это слово.

— Звѣрь ты! говорю.

— Нѣтъ, говоритъ, не я звѣрь . . . Ты, говоритъ, рукой махнулъ да въ лѣса бѣжалъ, а ей весь вѣкъ со мной въ голодѣ да въ нуждѣ горе мыкать приходится . . . Такъ инъ лучше не замай ты насъ!

Смотрю я на нее; все думаю: „не скажется ли въ ней хоть на минуточку наше прежнее разлюбовное время-времячко? . . .“

Ну, и нѣтъ, какъ нѣтъ; стоитъ она, какъ безъ чувствъ совсѣмъ, глазами въ землю смо-

гъ; только верхняя губа будто дрожитъ
онько.

- Ну, говорю, инъ и взаправду, Маша,
щай! Однако все-таки на розстаняхъ, чай,
аловаться надо . . .

Такъ наше дѣло и кончилось. Вышелъ
ъ нихъ безъ памяти. Отхваталъ я, братъ,
эту ночь верстъ тридцать съ лишнимъ.
я иду впередъ, а куда иду — даже по-
е потерялъ. Снѣгъ мокрый глаза залѣ-
ѣтъ, вѣтеръ въ лицо дуетъ, ноги въ су-
бахъ тонутъ, а все иду, и все объ чемъ-
думаю, хоть истинной думы и нѣтъ во
. Все это, какъ во снѣ, — отъ одного
другому переходитъ: и Маша-то тутъ, и
бдалъ-то я, и сѣна вонъ стогъ въ полѣ
итъ, и ночь-то была впору холодная да
ная. Останови да спроси: о чемъ-молъ
часъ думалъ? — ни въ свѣтѣ отвѣту
ашь!

днако на утрѣ уморился, и понятіе-это
инѣ изморомъ воротилось. Тутъ только
дался я, что замѣсто того, чтобъ къ на-
ъ на конный дворъ вернуться, я верстъ
цать въ сторону шагнулъ. Ну, не судьба,
итъ!

Вижу, на встрѣчу мнѣ мужичекъ съ дровами ѣдетъ. Мужиченочко этакой худенькой да мозглявенькой. „Ну, на что такому мозглецу топоръ?“ думаю. Подошелъ къ нему.

— Продай-молъ топоръ, дяденька!

Онъ перепугался.

— Христосъ, говоритъ, съ тобой, молодецъ! топоръ отъ мой!

— Извѣстно, говорю, что твой; только и для насъ онъ очень словно надобенъ!

Ну, онъ столько учтивъ былъ, что больше со мной не разговаривалъ.

Такимъ манеромъ прошло больше мѣсяца, что я все дальше да дальше пробирался. Вѣришь ли, даже не обогрѣлся ни разу порядкомъ, ни разу путемъ не поѣлъ. Привычки то къ ночному рукомеслу еще не было, да и шелъ я все глухимъ мѣстомъ да проселкомъ — такъ и въ питейный-то зайти не съ чѣмъ. И страхъ тоже одолѣлъ, потому что зима для бѣглаго человѣка — самое некорыстное время: кругомъ это суметы, ни бѣжать, ни схорониться некуда: того гляди, — какъ зайца изымаютъ!

Однако около Благовѣщенья словно потеплѣло, а въ деревняхъ въ это время на

пригревѣ объ ину-пору даже жарко бываетъ. Тутъ, братецъ мой, только я восчувствовалъ, какова на свѣтѣ жизнь хороша есть. Сядешь, бывало, въ сторонкѣ около стожка: солнышко прямо въ лицо тебѣ поглядываетъ, вѣтерки, словно бархатные, кругомъ поигрываютъ, въ сторонѣ, чу, вода русло себѣ просасываетъ, наверху всякая птица кишнемъ кишитъ, и не видать ее въ вышинѣ, а словно стонъ сверху внизъ стелется. Журчитъ-это, шумитъ все, точно и не одинъ ты въ свѣтѣ, точно завсегда кто ни-на-есть съ тобой присутствуетъ... Самое развеселое это время!

Тутъ и поживишка у меня порядочная случилась. Иду я разъ сумерками своимъ трактомъ и вижу, что посередь самой большой дороги кибитка стоитъ; лошади, пара, сзади привязаны, ящика нѣтъ. Подхожу я къ кибиткѣ, слышу — разговоръ тамъ идетъ; одинъ сѣдокъ, должно быть, заслышалъ меня, всталъ и смотритъ черезъ кибитку... Купецъ.

— Много лѣтъ здравствовать, господа хозяева! говорю.

Только онъ думаетъ, что меня, значитъ, ямщикъ помогать имъ прислалъ.

— Скоро ли же ямщикъ-то вернется? спрашиваетъ.

Пошелъ я впередъ, будто кибитку осматриваю, а самъ примѣчаю, какъ бы за дѣло мнѣ половчѣй взяться. Вижу, — впереди зажора у кибитки одна оглобля напрочь отломлена; значитъ, ни взадъ, ни впередъ нѣтъ возможности.

— Да ты что за человѣкъ? спрашиваетъ купецъ.

А другой, его товарищъ, даже не видѣвши еще ничего, забился въ глубь, да только знай — стонетъ. Вижу я, что они ребята ласковые, и въ разговоръ съ ними взошелъ.

— Вы, говорю, хозяева, просто что лѣдете?

— Нѣтъ, говоритъ, безъ топора тоже не ѣздимъ.

Ну, и топоръ показываетъ.

— А коли есть топоръ, такъ дайте, значитъ, пять цѣлковыхъ, — и богъ съ вами! А не то, будемъ силу пробовать!

Заартачился-было купецъ, да товарищъ его, спасибо, на выручку мнѣ подоспѣлъ. Застоналъ-это, заревѣлъ пуще прежняго: „отдай да отдай пять цѣлковыхъ!“

Расчитались.

Пошелъ я послѣ того въ кабакъ, да тамъ и забылся. Объ ину пору хорошо это бываетъ. Придетъ-это тошно да смутно такъ; назади некорыстно, да и вернуться туда ужъ нельзя, а впереди словно туманъ да темнетъ виситъ . . . куда идти? Думаешь, думаешь, даже головой о стѣну шаркнешься. Косушка вина много тутъ помощи дѣлаетъ. Выпьешь одну, — въ сердцѣ словно радуга просіяетъ; выпьешь другую, — словно по морю по окіяну плывешь; выпьешь третью, — ни земли, ни воды подъ тобой нѣтъ, да и люди — ровно точки въ глазахъ мерещатся . . .

Въ кабакѣ я человѣка встрѣтилъ. Показалось мнѣ, что онъ на меня съ перваго раза слишкомъ зорко посмотрѣлъ да и съ цаловальникомъ словно перемигнулся. Вотъ, выпилъ я свою чарку и сѣлъ въ углу на лавку, будто какъ благодушествую, а у самаго даже муравьи по-за кожей заползали! Все, знаешь, по новости своей думаю, что на лазутчика попалъ. Только они промежъ себя рязговоръ ведутъ съ цаловальникомъ.

— Худо, Савва Дементьичъ! говоритъ человѣкъ, — развѣ вотъ лѣтомъ поправимся, а

не то видно совсѣмъ отсель откочевывать придется.

— Чтожъ такъ?

— Да ровно ужъ слишкомъ много порядковъ здѣсь завелось. Намеднись Сидорку на гумнѣ изловили, отпустить-то отпустили, да ужъ и выкупъ больно несообразный заломили. Надоѣло . . . Только бы вотъ товарищей такихъ подыскать, чтобъ и въ огонь и въ воду охочи были идти, такъ, кажется, ни на минуту бы здѣсь не остался!

— И Дарьюшку ништо не жалко!

— Что Дарьюшка! только связался я съ ней, а то давно бы намъ это дѣло покинуть надо! Намеднись-вотъ мужъ: „ты, говоритъ, меня въ окаянство ввелъ, ты меня воромъ сдѣлалъ, да и жену теперь отнимаешь!“ Какъ будто я задаромъ его воромъ-то сдѣлалъ! И что еще: такъ-это остервенѣлъ, что ухватилъ ножъ да съ ножомъ зря впередъ и лѣзетъ. Даже смотрѣть на него глупо.

Цаловальникъ захохоталъ.

— Однако надо правду-истину сказать, говоритъ, — и ты въ его добрѣ ровно слишкомъ хозяйствуешь!

— Чего хозяйствовать! Съ ней, братъ, всякій хозяйствовать можетъ, — была бы охота! Намеднись вотъ офицеръ поѣзжій ночевать у нихъ становился, такъ мнѣ даже тошно стало, какъ она передъ нимъ привередничала . . .

— Такъ вотъ она какова!

— Да ужъ такъ-то „такова", что опять-таки говорю: найдись у меня теперь товарищъ хорошій, чтобы вмѣстѣ бѣжать отсель, ни на минуту бы даже не задумался.

А самъ говоритъ это, да на меня поглядываетъ. Однако я молчу и все это думаю, что онъ меня испытать хочетъ. Долго ли, коротко ли они промежъ себя побесѣдовали, только онъ не утерпѣлъ, подошелъ ко мнѣ.

— Да ты что, говоритъ, землякъ, въ землю глазами уткнулся да нюни распустилъ?

— А такъ-молъ.

— Что такать-то, а ты говори дѣло. Отколь бредешь?

— Прохожій-молъ; шелъ да зашелъ, — и все тутъ!

— Прохожій Иванъ стащилъ на селѣ кафтанъ; идетъ на большую дорогу за шубой . . . такъ что ли?

— Хоть бы и такъ, тебѣ что за дѣло?

— Больно ты, братъ, гордъ, либо трусливъ ужъ не въ мѣру. Тебя же жалѣючи спрашиваютъ.

— Да ты самъ-то кто таковъ?

— А я, говоритъ, человѣкъ небольшой, по прозванію стражъ ночной; неподалечку бекетъ здѣсь содержимъ да проѣзжихъ въ страхѣ божіемъ держимъ!

Цаловальникъ засмѣялся.

— Да, и уму-разуму наставляемъ ихъ, потому какъ безъ нашей науки они безпремѣнно забылись бы . . . Вотъ еще онамеднись углицкіе купцы тутъ ѣхали; ну, я точно что малую толику отъ нихъ попользовался; однако за это и притчу имъ сказалъ: который-молъ звѣрь всѣхъ звѣрей лютѣе? — левъ. Кто льва лютѣе? — человѣкъ; потому — человѣкъ человѣка погубляетъ, а левъ льва никогда. Кто человѣковъ лютѣе? — разбойникъ! . . . Такъ вы, говорю, ваши здоровья, а въ этомъ мѣстѣ поздно ночью не ѣздите, потому — тутъ шалятъ . . . Такъ хочешь что ли съ нами, молодецъ?

Посумнился я тутъ съ крошечку. Хоть и вижу, что кончанье для меня одно впереди, однако съ непривычки все будто робостно.

— Что задумался? или, братъ, по пословицѣ: собака волка деретъ, и драть не умѣетъ, и оставить не смѣетъ? А ты, коли въ тебѣ живая душа есть, говори прямо: хочешь другомъ быть?

— Ты бы ему поднесъ для куражу, Мироничъ! говоритъ цаловальникъ: — а то вишь какъ онъ отъ дороги осовѣлъ!

Стали мы тутъ пить и бражничали такимъ родомъ дня съ три. На четвертый день такіе ли други-пріятели сдѣлались, словно вотъ вѣкъ только другъ объ дружкѣ и сокрушались. Такъ и рѣшилась моя судьба въ кабакѣ.

Привелъ онъ меня къ своей любезной. Мужъ у ней тутотка на большой дорогѣ съѣзжій дворъ держитъ . . . такъ, небольно чтобъ очень корыстный. Мѣсто это самое глухое да и не пріютное; и стоялъ ихній дворъ, словно торчокъ, одинъ-одинехонекъ; кругомъ верстъ на двѣнадцать лѣсъ дремучій, по дорогѣ песокъ по колѣни: ни воды, ни лужаечки нѣтъ, — такъ, дичь одна. Какъ ѣдетъ, бывало, кто по дорогѣ, такъ издалеча еще слышно, какъ по лѣсу словно щолканье пойдетъ. Стало быть, польза отъ постояль-

цевъ была самая пустая; развѣ ужъ больно кто обночаетъ или кони въ пескахъ шибко замаются, такъ къ Ѳедоту Карпову на часокъ завернутъ, а прочіе норовятъ, бывало, мимо поскорѣй проѣхать. Да и жили они какъ-то смунительно; у другихъ хозяевъ и работникъ и работница путные есть, а у нихъ и всего-то одна работница, да и та нѣмая да дурочка была. Ну, для проѣзжихъ господъ оно и неприглядно; который и остановится случаемъ, такъ все по сторонамъ озирается, не хотятъ ли-молъ рѣзать его.

А Ѳедотъ Карповъ самый изъ себя паренекъ мизирный да нескладный былъ. Махонькой да тощой такой, борода-это клинушкомъ, глазки маленькіе да врозь разбѣгаются, — даже смотрѣть гусно. И все-то бывало или на палатяхъ проклажается либо въ окошко сонной глядитъ, а начнетъ-это работать, такъ и не глядѣлъ бы на него: только въ навозѣ, словно боровъ, копошится . . . А со всѣмъ этимъ такой жадай былъ, что какъ увидитъ монету, даже словно обезпамятѣетъ весь этимъ только и держалъ его Корнѣй въ уздѣ

Зато на Дарьюшку точно-что можно залюбоваться было. И высокая-то, и полная-то

Только она на эти его слова ровно усмѣхнулася; только такъ-то нехорошо да обидно, что разомъ мнѣ Корнѣевы слова вспомнились, которыя онъ цаловальнику въ кабакѣ говорилъ.

— Что смѣешься? правду говорю, что остатніе дни у васъ здѣсь валандаюсь! говоритъ Корнѣй.

— Ну, и съ богомъ! отвѣчаетъ Дарьюшка, а сама все на меня да на меня поглядываетъ.

Словно помертвѣлъ Корнѣй.

— Ишь ты, подлая! говоритъ!

Однако она ничего; сидитъ себѣ да знай полегонечку посмѣивается.

— Такъ неужто жъ, молъ, мнѣ всѣмъ твоимъ прихотямъ подражать? говоритъ: — хочешь идти, такъ иди . . . плакать по тебѣ, что ли?

— И уйду; только такъ я тебя на прощаньи приголюблю, что вѣкъ ты меня не забудешь... змѣя ты!

Чудно мнѣ это показалось. Будь, думаю, я на Корнѣевомъ мѣстѣ, не смотрѣлъ бы на косы твои русыя! Однако онъ смолчалъ: только все у него нутро, словно у звѣря лѣсного, зарычало.

Въ тотъ же вечеръ у нихъ съ Ѳедотомъ Карповымъ дѣла чуть не до убивства дошли, и все опять эта Дарьюшка на озорство завела.

— Слышалъ, говоритъ, Ѳедотъ Карпычъ, что Корнѣй Миронычъ отъ насъ въ дальны стороны собирается?

Какъ сказала она это, Ѳедотъ Карповъ даже помертвѣлъ весь. Ну, и Корнѣй словно потупился. А она за мѣсто того, чтобъ смирять ихъ, только пуще другъ на дружку натравливаетъ.

— Сказываютъ, какъ это тамъ хорошо да привольно, и рѣки-то, слышь, молочныя, и берега-то кисельные, и воруютъ то всѣ безданно-безпошлинно . . . инъ и тебѣ за нимъ ужъ бѣжать, Ѳедотъ Карпычъ?

Слушалъ это Ѳедотъ, а у самаго даже бороденка, словно листъ, трясется.

— Правду что ли баба лаетъ? говоритъ.

Ну, солгать бы тутъ Корнѣю: пошутилъ-молъ, и вся недолга; однако онъ или посовѣстился или не нашелся съ перваго разу: пробормоталъ что-то невнятно въ отвѣтъ и замолчалъ.

— Анъ врешь ты! говоритъ Ѳедотъ: — не посмѣешь отсель уйти!

А самъ и заикается-то, и по столу-то кулакомъ бьетъ . . .

— Али любъ тебѣ сталъ? говоритъ Корнѣй.

— Любъ не любъ, а у меня съ тобой счеты есть . . . Въ кабалу ты ко мнѣ шелъ!

Ну, лѣзетъ на Корнѣя, да и шабашъ, даже на мѣстѣ словно скачетъ; и кулачишкомъ-то, и головой-то ему въ брюхо норовитъ . . . удивленіе да и только!

— Ты, говоритъ, женой у меня завладалъ: такъ задаромъ чтобъ я тебѣ отдалъ?

— Ишь тебя больно спрашивались . . .

А Ѳедотъ все одно:

— Издохнешь, говоритъ, мнѣ служивши! убью я тебя и въ отвѣтѣ не буду! . . . потому — ты воръ . . . да, говоритъ, воръ, воръ, воръ . . . разбойникъ ты!

Корнѣй только-знай рукой отмахивается, какъ онъ слишкомъ на него наскакивать начнетъ.

А Дарьюшка, сдѣлавши свое дѣло, ушла за перегородку, словно горя ей мало; только и слышно, какъ она тамъ позѣвываетъ да потягивается.

— Часто этакъ-то у васъ бываетъ? спрашиваю я ее.

— А кто ихъ знаетъ? Каждый день все ссору да драку заводятъ . . . Что на нихъ смотрѣть-то! Да неужто взаправду Корнѣй на чужую сторону собирается?

— Да, взаправду.

— Куда?

— А куда глаза глядятъ.

— Ну, и богъ съ нимъ!

— Будто тебѣ его не жалко?

Такъ она, братецъ мой, не то-чтобъ поскучать или хоть бы задуматься, — все же чужой человѣкъ передъ ней, даже засмѣялась въ отвѣтъ.

— Ты, говоритъ, съ Корнѣемъ, что ли?

— Съ Корнѣемъ.

— Напрасно . . . кабы ты съ нами остался, и Ѳедотъ бы Карпычъ Корнѣя отпустилъ . . .

Говоритъ это, да такъ-таки прямо въ глаза мнѣ и смотритъ.

— А намеднись, говоритъ, офицеръ поѣзжій у насъ становился, такъ раза съ четыре ворочался: все бѣжать съ собой меня сманивалъ! И опять пріѣхать обѣщался . . .

— А Корнѣй чего смотрѣлъ?

— Что Корнѣй! Извѣстно въ хлѣву злобствовалъ! Развѣ его въ горницу пущаютъ, когда пріѣзжіе господа есть?

— Видно, ты таки охоча гулять-то!

— А для-че не гулять, когда гулять можно... весело гулять! Вотъ у меня баринъ былъ миленькій, — ужъ то-то мы съ нимъ погуливали! . . . Хочешь ли, пѣсню тебѣ спою?

Сняла со стѣны гитару, да словно разлилась тутъ вся.

„Ахъ, гдѣ жена была, гдѣ сударыня
была?
Я была, сударь, была у попа въ
гостяхъ . . .“

И поетъ-то, и плечми-то подергиваетъ, и каблучками-то пристукиваетъ . . . всякая словно жилка въ ней вдругъ заговорила!

А грудь-то бѣлая да полная тяжеленько-это подъ гитарой мечется, ровно моченьки у ней нѣтъ, ровно истомило ее всю, измаяло! Такъ оно хорошо да сладко, что и Корнѣй съ Ѳедотомъ лаяться перестали, а у меня даже свѣтъ въ глазахъ помутился! . . . Какъ легли мы потомъ съ Корнѣевъ на сѣнницѣ спать, долго она мнѣ сквозь сонъ все мерещилась!

Жили мы у нихъ съ мѣсяцъ-мѣста, ничего не дѣлавши; однако я укрѣпился, противъ товарища подлецомъ сдѣлаться не хотѣлъ. Подивился я тутъ на Корнѣя! Ужъ на что, кажется, крѣпкій человѣкъ былъ, а передъ ней и даже передъ этимъ Ѳедоткой словно овца смирная: что хотѣли, изъ него дѣлали. Она, бывало, и за водой его посылаетъ и кушанье стряпать велитъ, — все исправлялъ!

По времени и совсѣмъ тепло установилось. Сталъ Ѳедотъ Карповъ намъ докучать, что мы только руки склавши сидимъ, да чужой хлѣбъ ѣдимъ. Началъ и я Корнѣю вспоминать, что не затѣмъ въ товарищи къ нему пошелъ, чтобъ у бабы подъ юбкой прятаться . . .

Вотъ вышли мы со двора поздно вечеромъ на самый Егорьевъ день. За десять верстъ отъ двора и мѣсто у насъ было такое назначено, чтобъ съ товарищами сойтись. Только идемъ мы опушкой, а у меня словно сердце въ груди измираетъ: то, знаешь, робость непереносная всего обхватываетъ, то вдругъ такую въ себѣ силу и мочь почувствуешь, что, кажется, не шелъ, а летѣлъ бы впередъ да впередъ. И чего-чего тутъ не передумаешь!

и стоны-то загодя тебѣ слышатся, и кровь будто передъ глазами проливается . . .

И ничего-таки этого не бываетъ, и все, братецъ ты мой, это одинъ разговоръ! Настоящій разбойникъ никогда не убиваетъ; убиваетъ больше мелкій воришка, который съ предметомъ своимъ совладать не можетъ. А у насъ всякое дѣло миромъ кончается: одна часть тебѣ, другая часть намъ, — и ступай на всѣ на четыре стороны! Случается, правда, что бабы отъ страху пищатъ, — ну, и Христосъ съ ними, пускай ищатъ!

Потому — какая для насъ корысть человѣка жизни лишать? Первое дѣло — грѣхъ за-напрасно на душу возьмешь, а второе дѣло — слѣдъ безпремѣнно оставишь. Иной, свою часть выручивши, погорюетъ, погорюетъ да и броситъ дѣло такъ, потому дорожнему человѣку съ полицейскими связываться тоже не приходится. Ну, а какъ убьешь-то его, онъ волей-неволей на тебя пожалуется; пойдутъ это шарить да сыскивать, и хоть ничего настоящаго не найдутъ, однако на цѣлый мѣсяцъ все дѣло тебѣ перепакостятъ.

Въ эту ночь мы барина остановили. Молоденькій такой да нѣжненькій, а трясется сер

дечный одинъ на телѣжкѣ. Шибко онъ насъ испугался, даже смѣшался совсѣмъ.

— Что жъ ты не везешь, каналья ты этакая! кричитъ ямщику, а самъ почти плачетъ.

Ну, денегъ мы у него не густо нашли, потому — домой на побывку на легкѣ ѣхалъ, а взяли у него чемоданишко, часы золотые да перстенекъ съ руки. Больно мнѣ его жалко было. И то говорилъ Корнѣю: „что, молъ, молодость обижать?“ Однако онъ не послушалъ . . .

Въ другую ночь видимъ, цѣлый рыдванъ по дорогѣ шестерикомъ ползетъ. Ну, такъ и мерещится мнѣ, что Семириковъ это рыдванъ.

— Братцы, говорю, голубчики! никакъ это мой ѣдетъ!

Однако вышелъ не онъ, а баринъ какой-то большой. Растянулся себѣ на подушкахъ баринъ любезный, спитъ во всю ивановскую, а у самого крестъ на манишкѣ болтается. Ну, мы его разбудили.

— Ваше благородіе! говоритъ Корнѣй: — извольте вставать, на станцію пріѣхали!

Только онъ по началу высоко было взялъ.

— Какъ вы смѣете! говоритъ: — да вы знаете ли, говоритъ, что я васъ туда упеку, куда Макаръ телятъ не гоняетъ! . . .

Потомъ однакожъ урезонился маленько. . . Много онъ намъ ласковыхъ словъ говорилъ: что и воровать-то стыдно, что и братья-то мы всѣ, что обижать намъ другъ дружку стало быть не приходится; однако, какъ наше дѣло къ спѣху было, мы вслушаться въ его рѣчи настоящимъ манеромъ не могли, и такъ-таки въ чистую его обобрали, что даже лошади послѣ того отъ легости рысцой побѣжали.

Стащили мы нашу добычу въ лѣсъ, въ самую трущобу, и хворостомъ тамъ ее завалили. Только въ лѣсу долго оставаться неспособно было. И по дорогѣ и въ полѣ ужъ сухо, а въ лѣсу еще земля словно не весь паръ отдала. Приклонишься къ низу, даже видишь, какъ земля на глазахъ твоихъ отходить начинаетъ, а въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ погуще, словно вотъ легкая-легонькая пеленочка еще лежитъ, — ледокъ, значитъ. А изъ подъ льду ужъ и травка зелененькая выбивается, — ну, возьмешь-это, дыханьемъ пеленочку оттаешь; пущай-молъ божья травинка безъ помѣхи растетъ!

Воротились мы на постоялый раннимъ утромъ, чуть еще солнышко показалось. Въ горницѣ, видно, еще спали; только нѣмая работница за ворота вышла; позѣвываетъ да на восходъ крестится; да и та, увидѣвши насъ, словно испугалась и вдругъ ни съ того, ни съ сего за ворота шарахнулась . . . что за чудо! Однако Корнѣй, должно быть, чутьемъ бѣду свою почуялъ, и самъ за ней слѣдомъ ударился. . .

Только я ужъ засталъ, какъ онъ Ѳедота допрашивалъ; вижу, на немъ и званія лица нѣтъ, а Ѳедотъ стоитъ у стѣны въ одной рубашкѣ, волосы-это растрепаны, рожа немытая; стоитъ да подъ рукой его ровно комаръ топорщится.

— Куда убѣгла? сказывай! говоритъ Корнѣй.

И не то-чтобъ шибко выкрикиваетъ, однако даже мнѣ отъ его голосу жутко стало.

Ну, и Ѳедоткѣ, видно, не до разговоровъ пришлось; лепечетъ чтой-то про себя да руками разводитъ.

— Продалъ ты чтоль ее? опять говоритъ Корнѣй: — сказывай, сказывай ты мнѣ, аспидъ ты эдакой.

Собралъ онъ его, братецъ ты мой, въ охапку и грянулъ объ полъ. Ужъ топталъ онъ, топталъ, ужъ возилъ онъ его по полу-то, возилъ! . . . Давно и душенька-то его смрадная, чай, въ тартарары пошла, а онъ все сытости не чувствуетъ. . . Возьметъ-это, подниметъ его съ полу и опять объ-земь — какъ шваркнетъ!

Ну, подъ конецъ и самъ измаялся; грянулся-это на лавку, да какъ завопитъ да застонетъ, ажъ вчужѣ меня холодный потъ прошибъ!

Часа черезъ два мы этотъ проклятый постоялый дворъ со всѣхъ четырехъ угловъ зажгли. Такъ и сгорѣлъ со всѣми пожитками; даже нѣмая по глупости своей выбѣжать не успѣла. . .

И пошли мы послѣ того въ путь, во дороженьку, отреклись отъ міра прелестнаго, поклонилися бору дремучему, и живемъ, нече сказать, ни худо, ни красно, а хлѣбъ жуемъ не напрасно.

Странствуемъ мы съ нимъ по русскому царству, православному государству, стран-

ъ по горамъ, по доламъ, по полямъ,
:амъ, по зеленымъ лузямъ, а больше
большой дороги держимся.
:ло, братъ! — это ужъ говорить не-
. . т. е. просто у насъ житье-прежитье!
днако идешь-это иной разъ по опушкѣ,
тъ на тебя дурость найдетъ. . . Расту-
:я, разгорюешься и падешь гдѣ-нибудь
:лочкой, тяжеленько вздыхаючи, горьки
роняючи, свою жизнь проклинаючи. . .
чка-это словно тебя понимаетъ: такъ-то
) да заунывно лапами своими надъ то-
омаваетъ: вздохни-молъ, замученный!
ıи, безталанный, безчастный! вздохни,
ı, сиротскій сынъ!
Ѣлъ я сонъ: прихожу будто я въ градъ
и прихожу не одинъ, а съ товарищами:
пріятели есть, сотскими прозываются.
жу-это къ палатамъ пространнымъ: съ
:хъ концовъ башни высятся, спереду
, батюшки-солдатушки; стоятъ солда-
, ружьемъ честь отдаютъ, за бѣлыя руки
принимаютъ, принимаючи разутѣшными
и ублажаютъ: „ты войди-молъ къ намъ,
разбойничекъ! душегубишка ты окаян-
й! Отдохни ты у насъ въ острогѣ ка-

менномъ за затворами крѣпкими, желѣзными!“

И еще видѣлъ я сонъ: стою я на мѣстѣ высокомъ, и къ столбу у меня крѣпко-накрѣпко руки привязаны. Собралось тутъ народу видимо-невидимо, все на меня позѣвать — поглазѣть, на меня, на шельмецкаго шельмеца, на разбойника.

И молился я тутъ Спасову образу
И на всѣ стороны низко кланялся:
Вы простите меня, люди божіи,
Помолитеся за мои грѣхи,
За мои ли грѣхи тяжкіе!
Не успѣлъ я на народъ возрити,
Какъ отсѣкли мою буйную голову
Что по самыя плечи могучія. . .

Ну, этотъ сонъ, нельзя сказать, чтобъ пригожъ былъ. . .

Однако, не лучше ли намъ это бросить — позабыть. . .

Ахъ, въ горѣ жить — не кручинну быть!
А и горе-горе, гореваньице!
Ахъ, въ горѣ жить — не кручинну быть,
Нагому ходить — не стыдитися!

Собраніе произведеній
лучшихъ русскихъ писателей

Содержитъ преимущественно изданія, запрещенныя въ Россіи

Изданіе Гуго Штейница, Берлинъ, Шарлоттенштр. 2.

Verlag von Hugo Steinitz, Berlin, Charlottenstr. 2.

---

50. **Л. Н. Толстой**, О войнѣ и военномъ дѣлѣ (Kriegswerk) 1,50 Мар.
51. —, Что такое религія (Religion) . . . . . 2,— „
52. **А. Амфитеатровъ**, Господа Обмановы (Obmanow) . 1,— „
53. **Л. Н. Толстой**, Мысли о воспитаніи (Erziehung) . . 1,20 „
54. Карповичъ и Балмашевъ передъ судомъ (Karpowicz) 1,— „
55. Л. Н. Толстой къ Духоборцамъ (Sendschreiben) . 1,— „
56. **Л. А. Волкенштейнъ**, 13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости (Schlüsselburger Festung) . . . . . 2,— „
57. Декабристы (Dekabristen) . . . . . 1,— „
58. **Л. Н. Толстой и А. Герценъ**, О насиліи (Gewaltthätigkeiten) . . . . . 1,— „
59. **Пушкинъ, Лермонтовъ и др.**, Революціонныя стихотворенія (Revolutionäre Gedichte) . . . . . 1,20 „
60. Запрещенн. стихотворенія (Verbotene Gedichte) . 1,20 „
61. Софія Перовская (Perowskaja) . . . . . 1,20 „
62. **Л. Н. Толстой**, Къ рабочему народу (Tolstoi, An das arbeitende Volk) . . . . . 1,50 „
63. Политическая безпринципность С. Ю. Витте (Politische Prinzipienlosigkeit Witte's) . . . . . 2,— „
64. **А. Герценъ**, Заговоръ 1825 года (Verschwörung) . . —,80 „
65. **К. Марксъ**, Гражданская война во Франціи (Der Bürgerkrieg in Frankreich) . . . . . 2,— „
66. Какъ царь Ахреннъ ходилъ Богу жаловаться (Wie der Zar zu Gott klagte) . . . . . —,80 „
67. **Л. Н. Толстой**, Противъ войны (Gegen den Krieg) . 1,— „
68. Третье отдѣленіе (Die dritte Abteilung) . . . . —,80 „
69. Отъ розги къ желтому билету (Von der Peitsche zum gelben Billet) . . . . . 1,20 „
70. **А. Амфитеатровъ**, Господа Обмановы II (Obmanow II) 1,— „
71. Шутки самодержавной бюрократіи (Komik) . . . 1,— „
72. Очередной вопросъ революціоннаго дѣла (Eine aktuelle Frage der Revolution) . . . . . 1,50 „
73. Константинъ Константиновичъ (Konstantin Konstantinowitsch) . . . . . 1,— „

менномъ за затворами крѣпкими, желѣзными!“

И еще видѣлъ я сонъ: стою я на мѣстѣ высокомъ, и къ столбу у меня крѣпко-накрѣпко руки привязаны. Собралось тутъ народу видимо-невидимо, все на меня позѣвать — поглазѣть, на меня, на шельмецкого шельмеца, на разбойника.

И молился я тутъ Спасову образу
И на всѣ стороны низко кланялся:
Вы простите меня, люди божіи,
Помолитеся за мои грѣхи,
За мои ли грѣхи тяжкіе!
Не успѣлъ я на народъ возрити,
Какъ отсѣкли мою буйную голову
Что по самыя плечи могучія. . .

Ну, этотъ сонъ, нельзя сказать, чтобъ пригожъ былъ. . .

Однако, не лучше ли намъ это бросить — позабыть. . .

Ахъ, въ горѣ жить — не кручинну быть!
А и горе-горе, гореваньице!
Ахъ, въ горѣ жить — не кручинну быть,
Нагому ходить — не стыдитися!

Собраніе произведеній
лучшихъ русскихъ писателей

Содержитъ преимущественно изданія, запрещенныя въ Россіи

Изданіе Гуго Штейница, Берлинъ, Шарлоттенштр. 2.

Verlag von Hugo Steinitz, Berlin, Charlottenstr. 2.

---

1. **Л. Н. Толстой**, О войнѣ и военномъ дѣлѣ (Kriegswerk) 1,50 Мар.
2. —, Что такое религія (Religion) . . . . . 2,— „
3. **А. Амфитеатровъ**, Господа Обмановы (Obmanow) . 1,— „
4. **Л. Н. Толстой**, Мысли о воспитаніи (Erziehung) . . 1,20 „
5. Карповичъ и Балмашевъ передъ судомъ (Karpowicz) 1,— „
6. Л. Н. Толстой къ Духоборцамъ (Sendschreiben) . 1,— „
7. **Л. А. Волкенштейнъ**, 13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости (Schlüsselburger Festung) . . . . . 2,— „
8. Декабристы (Dekabristen) . . . . . 1,— „
9. **Л. Н. Толстой и А. Герценъ**, О насиліи (Gewaltthätigkeiten) . . . . . 1,— „
10. **Пушкинъ, Лермонтовъ и др.**, Революціонныя стихотворенія (Revolutionäre Gedichte) . . . . . 1,20 „
11. Запрещенн. стихотворенія (Verbotene Gedichte) . 1,20 „
12. Софія Перовская (Perowskaja) . . . . . 1,20 „
13. **Л. Н. Толстой**, Къ рабочему народу (Tolstoi, An das arbeitende Volk) . . . . . 1,50 „
14. Политическая безпринципность С. Ю. Витте (Politische Prinzipienlosigkeit Witte's) . . . . . 2,— „
15. **А. Герценъ**, Заговоръ 1825 года (Verschwörung) . . —,80 „
16. **К. Марксъ**, Гражданская война во Франціи (Der Bürgerkrieg in Frankreich) . . . . . 2,— „
17. Какъ царь Ахреянъ ходилъ Богу жаловаться (Wie der Zar zu Gott klagte) . . . . . —,80 „
18. **Л. Н. Толстой**, Противъ войны (Gegen den Krieg) . 1,— „
19. Третье отдѣленіе (Die dritte Abteilung) . . . . —,80 „
20. Отъ розги къ желтому билету (Von der Peitsche zum gelben Billet) . . . . . 1,20 „
21. **А. Амфитеатровъ**, Господа Обмановы II (Obmanow II) 1,— „
22. Шутки самодержавной бюрократіи (Komik) . . . 1,— „
23. Очередной вопросъ революціоннаго дѣла (Eine aktuelle Frage der Revolution) . . . . . 1,50 „
24. Константинъ Константиновичъ (Konstantin Konstantinowitch) . . . . . 1,— „

Собраніе произведеній
лучшихъ русскихъ писателе

Содержитъ преимущественно изданія, запрещенныя въ Россіи.

Изданіе Гуго Штейница, Берлинъ, Шарлоттенштр. 2.

Verlag von Hugo Steinitz, Berlin, Charlottenstr. 2.

---

54. **Д-ръ Зальцбахеръ**, Анархизмъ (Anarchismus) . . . . 5,—
55. **Л. Н. Толстой**, Воскресеніе ада (Auferstehung der Hölle) 1,20
56. —, Обращеніе къ духовенству (Geistlichkeit) . . . 1,20
57. Саратовская демонстрація (Saratower Demonstrat.) 1,50
58. Шутки русской жизни (Anekdoten) . . . . . 1,—
59. Подъ розгой (Unter der Knute) . . . . . 1,—
60. Горе Натальи (Nataliens Unglück) . . . . . 1,—
61. Радостное извѣстіе (Eine glückliche Nachricht) . . 1,—
62. Похожденія русскаго духовенства (Das Treiben der russischen Geistlichkeit) 1,50
63. Ненастоящая тюрьма (Das Gefängnis) 1,20
64. Всходы (Neue Triebe) 1,70
65. Записки князя Трубецкаго (Trubezki Memoiren) . 1,50
66. Спорное дѣло (Ein streitiger Punkt) . . . . . 1,—
67. **Д-ръ Лео**, Почему и какъ мы приближ. къ анархіи (Anarchismus) . . . . . 2,—
68. **Н. Щедринъ**, Какъ высѣкли дѣйствительн. статск. совѣтника (Staatsrat) 1,0
69. —, Три сказки для дѣтей (Drei Geschichten) . . 1,2
70. **И. С. Тургеневъ**, Попъ (Der Pope) . . . . . 1,—
71. **М. Горькій, Вл. Короленко, Л. Н. Толстой**, Запрещенные очерки (Drei verbotene Erzählungen) 1,0
72. **Н. Щедринъ**, Новыя сказки для дѣтей (Drei Märchen) 1,5
73. **Л. Н. Толстой**, Къ политическимъ дѣятелямъ (Politiker) 1,—
74. **М. А. Бакунинъ**, Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ землямъ (An die slavischen Länder) . 1,2
75. **М. Горькій**, Протестъ, **Л. Н. Толстой**, Письма по поводу Кишинева, **Вл. Короленко**, Домъ № 13 (Kischinew) 1,5
76. * * *, Новыя революціонныя стихотворенія (Neue revolutionäre Gedichte) . . . . . 1,—
77. **М. Горькій, Л. Н. Толстой, Н. Щедринъ**, Три революціонныя сатиры (Drei Satyren) 1,0
78. **Н. Щедринъ**, Развеселое житье (Fröhliches Leben) . 1,5
79. —, Письма къ тетенькѣ (Briefe an die Tante) . . 1,2

Изданіе лучшихъ русскихъ произведеній.

Н. ЩЕДРИНЪ.

НОВЫЯ СКАЗКИ

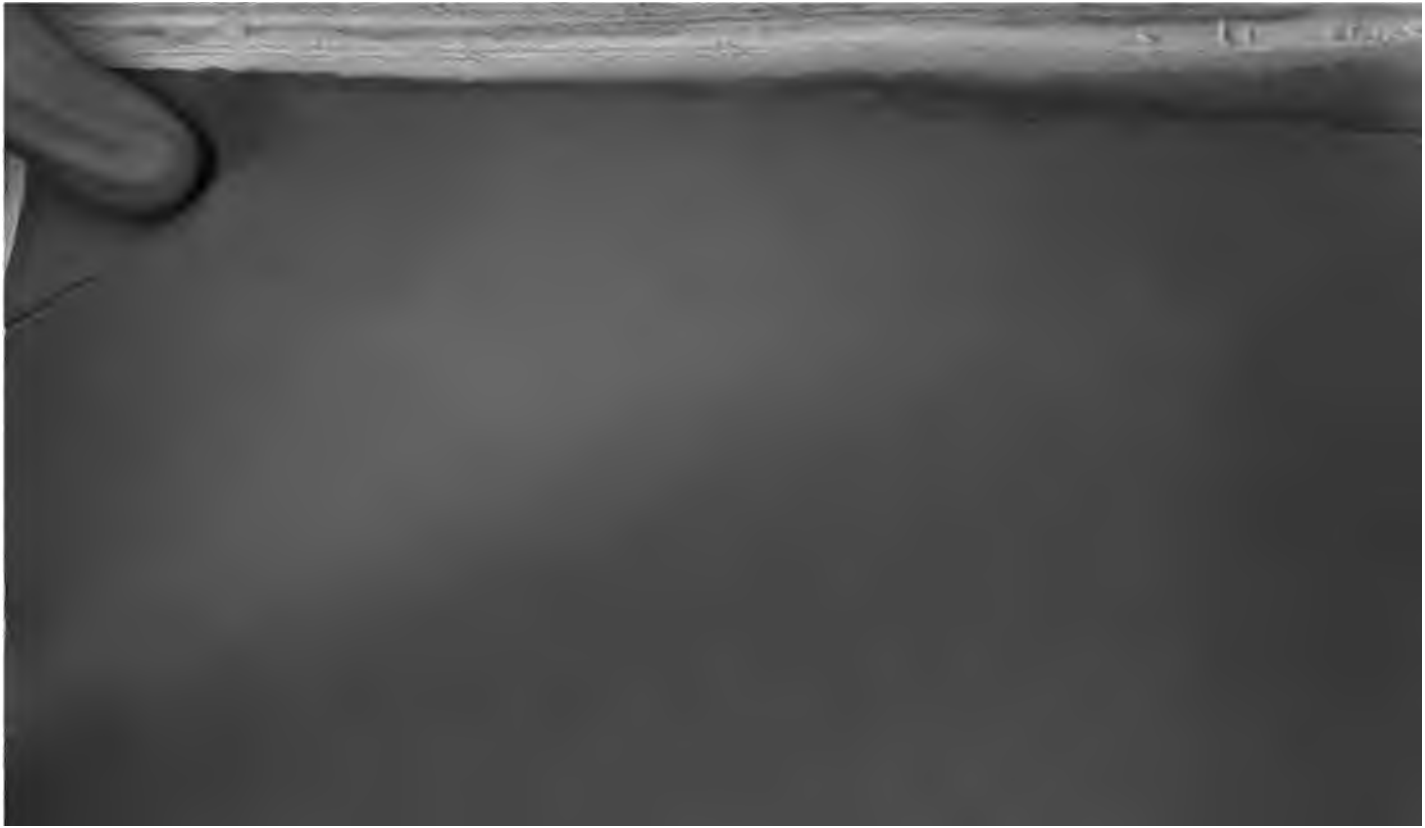
ДЛЯ ДѢТЕЙ

ЗРѢЛАГО ВОЗРАСТА.

1. Добродѣтель и порокъ.
2. Чистый и нечистый.
   Тетрадь I.
   Тетрадь II.
   Тетрадь III.
3. Великій Бѣлый.

Neue Märchen. — Trois contes.

Изданіе Фирмы Шрейеръ. — Verlag Schreier.
1905.



Н. ЩЕДРИНЪ.

НОВЫЯ СКАЗКИ.

Н. ЩЕДРИНЪ.

НОВЫЯ СКАЗКИ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

ИЗРЯДНАГО ВОЗРАСТА.

1. Добродѣтели и Пороки.
2. Медвѣдь на воеводствѣ.
   Топтыгинъ I.
   Топтыгинъ II.
   Топтыгинъ III.
3. Вяленая Вобла.

БЕРЛИНЪ.
Изданіе Гуго Штейница.
Шарлоттенштрассе 2.

I.

Добродѣтели и Пороки.

Добродѣтели съ Пороками изстари во враждѣ были. Пороки жили весело и ловко свои дѣла обдѣлывали, а Добродѣтели жили посѣрѣе, но за то во всѣхъ азбукахъ и христоматіяхъ для подражанія приводились. А въ тихомолку между тѣмъ думали: „вотъ кабы и намъ подобно Порокамъ удалось хорошенькое дѣльце обдѣлать.“ Да, признаться сказать, подъ шумокъ и обдѣлывали. Трудно сказать съ чего у нихъ первоначально распря пошла и кто кого задралъ. Кажется, что Добродѣтели первыя начали. Порокъ-то хитрый былъ и на выдумки гораздый! Какъ пошелъ, словно конь борзый, пространство ногами забирать, да въ парчахъ да въ шелкахъ по бѣлу свѣту щеголять. Добродѣтели, — тѣ за ними и не поспѣли. И, не поспѣвши, огорчились. „Ладно,

говорятъ, щеголяй нахалъ въ шелкахъ! Мы и въ рубищахъ отъ всѣхъ уважены будемъ.“ А Пороки имъ въ отвѣтъ: „и пребывайте съ богомъ?“ Не стерпѣли Добродѣтели насмѣшки и стали на всѣ перекрестки ходить. Выйдутъ въ рубищахъ на перепутье и пристаютъ къ прохожимъ: „Не правда ли, господа, что мы и въ рубищахъ милы?“ а прохожіе имъ въ отвѣтъ: „ишь, васъ, салопницы, сколько развелось! проходите, не задерживайтесь! Богъ подастъ!“ Пробовали Добродѣтели и къ городовымъ за содѣйствіемъ обращаться: „вы чего смотрите! совсѣмъ публику распустили! Вѣдь она, поглядите, по уши въ Порокахъ погрязнетъ!“ Но городовые знай себѣ стоятъ, да Порокамъ подъ козырекъ дѣлаютъ. Такъ и остались Добродѣтели не при чемъ, только пригрозились съ досады: „вотъ погодите! ушлютъ васъ уже за ваши дѣла на каторгу!“ А Пороки между тѣмъ все впередъ да впередъ бѣгутъ да еще и похваляются. „Нашли, говорятъ, чѣмъ стращать, — каторгой! для насъ-то либо будетъ каторга, либо нѣтъ, а вы съ самаго рожденія въ ней по уши сидите. Ишь злецы! кости да кожа, — а глаза посмотрите какъ горятъ! щелкаютъ на пи-

рогъ зубами, а какъ къ нему приступиться не знаютъ!“ Словомъ сказать, разгоралась распря съ каждымъ днемъ все больше и больше. Сколько разъ даже до открытаго боя доходило, но и тутъ фортуна почти всегда Добродѣтелямъ измѣняла. Одолѣютъ Пороки и закуютъ Добродѣтели въ кандалы: „сидите, злоумышленники, смирно!“ и сидятъ покуда начальство не вступится да на волю не выпуститъ. Въ одну изъ такихъ баталій нашъ Иванушка дурачекъ, остановился и говоритъ сражающимся: „Глупые вы глупые! изъ за чего только вы другъ друга увѣчите? Вѣдь первоначально вы всѣ одиноково свойствами были, а это уже потомъ отъ безалаберности да отъ каверзы людской Добродѣтели да Пороки пошли. Одни свойства — копытями, другимъ, вольный ходъ дали, колесики-то въ машинѣ и попортились. И водворились на свѣтѣ слезы, ссора и скорьбъ. А вы вотъ что сдѣлайте: обратитесь къ первоначальному источнику, можетъ быть въ чемъ нибудь и сойдетесь.“ Сказавъ это, и пошелъ путемъ — дорогой въ казначейство, подать вносить. Подѣйствовали ли на сражающихся Иванушкины слова, или пороху для продолженія битвы не

достало, только вложили бойцы мечи въ ножны и задумались.

„Хорошо ему про свойство говорить, первое молвило Смиренномудріе: — мы и сами не хуже его эти свойства знаемъ. Да вотъ одни свойства въ бархатѣ щеголяютъ и на золотѣ ѣдятъ, другія въ затрапезьи ходятъ да по цѣлымъ днямъ не ѣвши сидятъ. Иванушкѣ-то съ полъ-горя: онъ набилъ мамонъ мякиной, и правъ, а насъ вѣдь на мякинѣ не проведешь, тоже знаемъ гдѣ раки зимуютъ! — „Да и что за „свойства“ такія проявились? встревожилось Благочиніе: — нѣтъ ли тутъ штуки какой: все были добродѣтели, были и пороки; сотни тысячъ лѣтъ это дѣло ведется, сотни тысячъ томовъ объ этомъ написали, а онъ, — натко! сразу рѣшилъ: „свойства“ - Нѣтъ, ты попробуй приступить къ этимъ сотнямъ тысячъ томовъ, такъ и увидишь какая отъ нихъ пыль столбомъ полетитъ! Судили, рядили, и наконецъ порѣшили. Благочиніе правду сказало. Сколько тысячъ вѣковъ добродѣтели числились добродѣтелями, пороки пороками; сколько тысячъ книгъ объ этомъ написано, какая масса бумаги и чернилъ изведена. Добродѣтели всегда одесную

стояли, пороки ошую, и вдругъ, по дурацкому Иванушкину слову отъ всего отложись и назовись какими-то „свойствами!“ Вѣдь это почти уже отъ правъ состоянія отказаться и человѣкомъ назваться! Просто то оно, конечно, просто, да вѣдь иная простота хуже воровства. Поди-ка спроста-то коснись, а инъ съ перваго же шага въ такое несмѣтное количество капкановъ попадешь, что и голову тамъ пожалуй оставишь. Нѣтъ, объ свойствахъ думать нечего, а вотъ компромиссъ какой съискать, или, какъ по русски зовется, фортель, — это, пожалуй, дѣльно будетъ; такой фортель, который бы и добродѣтели возвеличилъ, да и порокамъ по нраву бы пришелся, потому что вѣдь и порокамъ подчасъ жутко приходится. Вотъ намеднясь Любострастіе съ поличнымъ въ банѣ поймали, протоколъ составили, да въ ту же ночь Прелюбодѣяніе въ одномъ бѣльѣ по лѣстницѣ спустили. Вольномысліе-то давно ли пышными цвѣтами цвѣло, а теперь его съ корнемъ вырвали! Стало быть и порокамъ на фортель пойти не безвыгодно. Милостивые государи! Милостивые государи, не угодно ли кому предложить, у кого, напримѣръ, средствица есть?

На вызовъ этотъ прежде всѣхъ выступилъ древній старичекъ, Опытомъ называемый (есть два Опыта, одинъ порочный, а другой добродѣтельный, такъ этотъ добродѣтельный былъ), и предложилъ онъ штуку: „отъищите, говоритъ, такое сокровище, которое и добродѣтели бы уважали, да и отъ пороковъ было бы непрочь, и пошлите его парламентомъ во вражескій лагерь. Стали искать, и, разумѣется, нашли, — нашли двухъ бобылевъ. Умѣренность и Аккуратность. Обѣ на заводахъ въ добродѣтельныхъ селеніяхъ проживали, сиротскій надѣлъ держали, торговали корчемнымъ виномъ и потихоньку Порока у себя принимали. Однако первый блинъ комомъ. Бобылки были и мало представительны, и слишкомъ податливы, чтобы выносить возложенную на нихъ задачу. Едва появились они въ лагерѣ Пороковъ, едва начали канитель разводить: „по маленьку-то попокойнѣе, и потихоньку — вѣрнѣе“, какъ Пороки всемъ скопомъ загалдѣли: „давно вы съ ними около насъ похаживаете, да не въ коня кормъ! Уходите съ богомъ бобылки, не проѣдайтесь!“ И какъ бы для того, чтобы доказать Добродѣтелямъ, что ихъ на кривой не

ъѣдешь, на всю ночь закатили въ Самар-
андъ, а подъ утро, расходясь оттуда, пой-
али Воздержаніе и Непрелюботвореніе и по-
тупили съ ними до такой степени строго,
го даже татары изъ Самарканда дивились —
орошіе господа, а что дѣлаютъ! Поняли
огда Добродѣтели, что дѣло серьезно, и надо
а него настоящимъ образомъ приняться. Про-
зошло въ ту пору между ними существо
редняго рода: ни рыба ни ракъ, ни курица
и птица, ни дама ни кавалеръ, а всего по-
емногу. Произросло, выровнилось и раз-
вѣло. И было этому межеумку имя тоже
редняго рода: Лицемѣріе... Все въ этомъ
существѣ было загадкою, начиная съ проис-
хожденія. Сказывали старожилы, что однажды
Смиреніе съ Любострастіемъ въ темномъ кор-
ридорѣ спознались, и отъ этого произошелъ
плодъ. Плодъ этотъ Добродѣтели сообща
выкормили и выпоили, а потомъ и въ пан-
сіонъ къ француженкѣ Комильфо отдали. До-
гадку эту подтверждалъ и наружный видъ
Лицемѣрія, потому что, хотя оно и ходило не
иначе какъ съ опущенными глазами, но про-
ворливцы неразъ замѣчали, что по лицу его
частенько пробѣгаютъ любострастныя тѣни,

а поясница при случаѣ даже очень не хорошо вздрагиваетъ. Несомнѣнно, что въ этомъ наружномъ двоегласіи въ значительной мѣрѣ виноватъ былъ и пансіонъ Комильфо. Тамъ Лицемѣріе всѣмъ главнымъ наукамъ научилось: и какъ „подходить", и какъ „безъ масла въ душу влезть", словомъ сказать всему, что добродѣтельное житье обезпечиваетъ. Но въ то же время оно не избѣгло вліянія канкана, которымъ и стѣны, и воздухъ пансіона были пропитаны. Да кромѣ того то же Комильфо еще и тѣмъ подгадило, что сообщило Лицемѣрію подробности объ его родителяхъ, объ отцѣ (Любострастіи) созналось, что онъ былъ мове-тонъ и дерзкій, ко всѣмъ щипаться лезъ! О матери (Смиреніи) что она, хотя не имѣла блестящей наружности, но такъ мило выкрикивала, когда ее изгнали, что даже нерасположенные къ изгнанію Пороки (каковы Мздоимство, Любоначиліе, Уныніе и пр.), и тѣ не могли отказать себѣ въ этомъ удовольствіи. Вотъ это-то среднее существо, глаза долу опускавшее, и выбрали Добродѣтели чтобы войти въ переговоры съ Пороками и такой общій modus vivendi, изобрѣсти, при которомъ и тѣмъ и другимъ было бы жить вольготно.

„Да ты по нашему-то умѣешь ли?“ вздумали было предварительно проэкзаменовать его галантерейное образованіе. „Я-то, изумилось Лицемѣріе: — да я вотъ какъ“... И не успѣли Добродѣтели опомниться, какъ у Лицемѣрія ужъ и глазки опущены, и руки на груди сложены, и румянчикъ на щекахъ играетъ. Дѣвица да и шабашъ! Ишь дошло! — „Ну, а по ихнему, по порочному... какъ?“ Но Лицемѣріе даже не отвѣтило на этотъ вопросъ. Въ одинъ моментъ оно учинило нѣчто неявственное, невидимое, но до такой степени достовѣрное, что Прозорливость только склюнула — тфу! И за тѣмъ всѣ одинаково рѣшили: написать у нотаріуса довѣренность для хожденія по всѣмъ добродѣтельскимъ дѣламъ и вручили ее Лицемѣрію. Взялся за гужъ, не говори что не дюжъ. Какъ ни горько, а пришлось у Пороковъ пардону просить. Идетъ Лицемѣріе въ ихній подлый вертепъ и отъ стыда не знаетъ куда глаза дѣвать. „Вездѣ то это паскудство развелось,“ жалуется оно вслухъ, а мысленно прибавляетъ: „ахъ! хорошо Пороки живутъ!“

И точно, не успѣло Лицемѣріе съ версту отъ Добродѣтельской резиденціи отойти, какъ

уже со всѣхъ сторонъ на него разливаннымъ моремъ пахнуло: смѣхи, да пляски, да игры, стонъ стоитъ отъ вяселья. И городъ какой отмѣнный Пороки для себя выстроили: просторный, свѣтлый, съ улицами, переулками, площадями, и бульварами. Вотъ улица Лжесвидѣтельства, а вотъ Срамной бульваръ; самъ отецъ Лжи здѣсь сидѣлъ и клеветой распивочно и навыносъ торговалъ. Но какъ ни весело жили Пороки, какъ ни опытны они были въ разныхъ канальскихъ дѣлахъ, а увидѣвши Лицемѣріе, они ахнули. Съ виду, ни дать ни взять сущая дѣвица, но точно-ли сущая, это самъ чертъ не разберетъ. Даже отецъ Лжи, который думалъ что нѣтъ въ мірѣ той подлости, которой бы онъ не произошелъ, и тотъ глаза вытаращилъ. — „Ну, говоритъ, это я о себѣ напрасно. Я — что?! Вотъ онъ, настоящій-то ядъ гдѣ! Я больше нахальствомъ норовлю, оттого меня отъ времени до времени съ лѣстницы въ три шеи спускаютъ, а это сокровище какъ прильнетъ, отъ него уже не отвернешься! Такъ тебя окутаетъ, такъ окружитъ, что покуда всѣ соки не вызудитъ, не выпуститъ!“ Тѣмъ не менѣе, какъ ни великъ былъ энтузіазмъ, возбужденный Лицемѣріемъ,

однако и тутъ безъ розни не обошлось. Пороки солидные, аборигены, паче всего дорожившіе преданіями старины, какъ напр. Суемудріе, Пустомысліе, Гордость, Человѣконенавистничество и пр. не только сами не пошли на встрѣчу Лицемѣрію, но и другихъ остерегали. „Истинный Порокъ не нуждается въ прикрытіи, говорили они, но самъ свое знамя высоко и гордо держитъ. Что существенно новаго можетъ открыть намъ Лицемѣріе, чего бы отъ начала вѣковъ мы не практиковали? Положительно ничего. Напротивъ, оно научаетъ насъ опаснымъ изворотамъ и заставитъ насъ ежели не прямо стыдиться, самихъ себя, то во всякомъ случаѣ показывать видъ, что мы стыдимся. Caveant consules! Хотя до сихъ поръ у насъ было достаточно твердыхъ послѣдователей, но вѣдь и они, видя наши извороты, могутъ сказать: ложно быть и впрямь Порокамъ туго пришлось, когда они сами отъ себя отрицаться должны!“

Такъ говорили замоторѣлые Пороки-Катоны, не признававшіе никакихъ новыхъ вѣяній, ни обольщеній, ни обстановки. Родившись на навозѣ, они предпочитали задохнуться въ немъ, лишь бы не отступать отъ староотче-

скихъ преданій. За ними шла другая катего рія Пороковъ, которые не выказывали большаго энтузіазма при встрѣчѣ съ Лицемѣріемъ, но не потому однако чтобы послѣднее претило имъ, а потому что они уже и безъ посредства Лицемѣрія состояли въ секретныхъ сношеніяхъ съ Добродѣтелями. Сюда принадлежали: Измѣна, Вѣроломство, Предательство, Ябеда и пр. Они не разразились криками торжества, не рукоплескали, не предлагали здравицъ, а только подмигнули глазомъ: милости молъ просимъ. Какъ бы то ни было, а торжество Лицемѣрія было обезпечено. Молодежъ въ лицѣ Прелюбодѣянія, Пьянства, Объядѣнія, Распутства, Мордобитія и пр. сразу собрала сходку и встрѣтила парламентера такими оваціями, что Суемудріе тутъ же нашлось вынужденнымъ прекратить свою воркотню навсегда. „Вы только мутите всѣхъ, старые пакостинки! кричала старикамъ молодежъ: — мы жить хотимъ, а вы уныніе наводите! Мы въ христоматію попадемъ, въ салонѣ блистать будемъ, насъ старушки любить будутъ!“ Словомъ сказать, почва для соглашенія была найдена сразу, такъ что когда Лицемѣріе, возвратившись во свояси, отдало

отчетъ Добродѣтелямъ о своей миссіи, то было единогласно признано, что всякій поводъ для существованія раздора Добродѣтелей и Пороковъ, какъ отдѣльныхъ и враждебныхъ другъ-другу групъ, устраненъ навсегда. Тѣмъ неменѣе старую номенклатуру упразднить сразу не рѣшались: почемъ знать, можетъ быть и понадобится! Но положили употреблять ее съ такимъ разсчетомъ, чтобы всѣмъ было видно, что она прикрываетъ собою одинъ только прахъ. Съ тѣхъ поръ пошло между Добродѣтелями и Пороками гостепріимство великое. Захочетъ Распутство побывать въ гостяхъ у Воздержанія, возьметъ подъ руку Лицемѣріе, и Воздержаніе, уже издали завидѣвъ ихъ, привѣтствуетъ: „милости просимъ! Покорно прошу! У насъ про васъ . . .! и наоборотъ, захочетъ Воздержаніе у Распутства постненькимъ полакомиться, возьметъ подъ руку Лицемѣріе, а у Распутства и двери всѣ настежь. „Милости просимъ! Покорно прошу! У насъ про васъ . . .!“ Въ постные дни постненькимъ подчуютъ, въ скоромные скоромненькимъ. Одной рукой крестное знаменіе творятъ, другой неистовствуютъ. Одно око горѣ возводятъ, другимъ непрестанно воздѣ-

ваютъ. Впервые Добродѣтели сладость узнали, да и Пороки не остались въ убыткѣ. Напротивъ, сами говорятъ: „никогда у насъ такихъ лакомствъ не бывало, какими теперь походя жуируемъ!“

А Иванушка дурачекъ и о сю пору не можетъ понять: отчего Добродѣтели и Пороки такъ охотно помирились на Лицемѣріи, тогда какъ гораздо естественнѣе было бы сойтись на томъ, что тѣ и другія суть „свойства“, только и всего.

II.

Медвѣдь на воеводствѣ.

Злодѣйства крупныя и серьезныя нерѣдко именуются блестящими и, въ качествѣ таковыхъ, вносятся въ скрижали Исторіи. Злодѣйства же малыя и шуточныя не только Исторію въ заблужденіе не вводятъ, но и отъ современниковъ не получаютъ похвалы.

ТОПТЫГИНЪ I.

Топтыгинъ I отлично это понималъ. Былъ онъ старый служака-звѣрь, умѣлъ берлоги строить и деревья съ корнями выкорачивать, слѣдовательно и до нѣкоторой степени инженерное искусство зналъ. Но самое драгоцѣнное его качество заключалось въ томъ, что онъ во что бы то ни стало на скрижали Исторіи попасть желалъ, и ради этого всему на свѣтѣ предпочиталъ кровопролитіе; такъ

что о чемъ бы съ нимъ не заговорили: о торговлѣ-ли, о промышленности-ли, о наукахъ-ли, онъ все на одно поворачивалъ: „Кровопролитіе, кровопролитіе, вотъ что нужно!“ за это Левъ произвелъ его въ маіорскій чинъ и послалъ въ далній лѣсъ, въ родѣ какъ бы воеводой, внутреннихъ супостатовъ усмирять. Узнала мѣстная челядь, что маіоръ къ нимъ въ лѣсъ ѣдетъ, и задумались. Такая въ ту пору мельница между лѣсными мужиками шла, что всякій по своему норовилъ: звѣри рыскали, птицы летали, насѣкомыя ползали, а въ ногу никто маршировать не хотѣлъ. Поняли мужики, что ихъ за это не похвалятъ, но сами собою остепениться уже не могли. „Вотъ ужо пріѣдетъ маіоръ, говорили они, — засыплетъ онъ намъ, тогда мы и узнаемъ какъ Кузькину тещу зовутъ!“

И точно, не успѣли мужики оглянуться, какъ Топтыгинъ ужъ тутъ какъ тутъ. Прибылъ онъ на воеводство въ самый Михайловъ день и сейчасъ же рѣшилъ: быть завтра же кровопролитію. Что заставило его принять такое рѣшеніе — неизвѣстно, ибо онъ, собственно говоря, не былъ золъ, а такъ — скотина. И непремѣнно бы онъ свой планъ

выполнилъ, если бы лукавый его не попуталъ. Дѣло въ томъ, что задумалъ Топтыгинъ свои имянины отпраздновать, купилъ ведро водки и напился пьянъ. А такъ какъ берлоги онъ для себя еще не выстроилъ, то пришлось ему пьяному среди полянки спать лечь. Улегся и захрапѣлъ, а подъ утро, какъ на грѣхъ, случилось мимо той полянки летѣть Чижику. Особенный это былъ Чижикъ, умный; и ведерко таскать умѣлъ, и спѣть по нуждѣ за Канарейку могъ. Всѣ птицы, глядя на него, радовались, говорили: „увидите что нашъ Чижикъ современемъ поноску носить будетъ". Даже до Льва объ его умѣ слухъ дошелъ и не разъ Онъ Ослу говаривалъ (Оселъ у него въ ту пору въ совѣтахъ за мудреца слылъ): „хоть однимъ бы ухомъ послушалъ, какъ Чижикъ у меня въ когтяхъ пѣть будетъ". Но какъ ни уменъ былъ Чижикъ, а тутъ не догадался. Думалъ что гнилой чурбанъ на полянкѣ валяется, сѣлъ на Медвѣдя и запѣлъ. А у Топтыгина слухъ тонокъ; чуетъ онъ, что на тушѣ у него кто-то прыгаетъ и думаетъ: безпремѣнно это долженъ быть внутренній супостатъ". — „Кто тамъ бездѣльнымъ обычаемъ по воеводской тушѣ пры-

гаетъ?“ рявкнулъ онъ наконецъ. Улетѣть бы Чижику надо, а онъ и тутъ не догадался. Сидитъ себѣ да дивится: чурбанъ заговорилъ! Ну, натурально, маіоръ не стерпѣлъ, сгребъ грубіана въ лапы, да не разсмотрѣвши съ похмелья, и съѣлъ.

Съѣсть то онъ его съѣлъ, да съѣвши спохватился, — „что такое я съѣлъ? И какой же это супостатъ, отъ котораго даже на зубахъ ничего не осталось?“ Думалъ, думалъ, да ничего скотина не выдумалъ. Съѣлъ только и всего. И никакимъ родомъ этого глупаго дѣла поправить нельзя, потому что если даже самую невинную птицу сожрать, то и она точно также въ маіорскомъ брюхѣ сгніетъ, какъ и самая преступная. „Зачѣмъ я его съѣлъ? допрашивалъ самъ себя Топтыгинъ: меня Левъ сюда для кровопролитія послалъ, а я Чижика слопать вздумалъ. Ну, да ничего! Первый блинъ всегда комомъ. Хорошо что по раннему времени никто дурачества моего не видалъ“. Увы! не зналъ видно Топтыгинъ, что въ средѣ административной дѣятельности первыя ошибки и суть самыя фатальныя, что давши съ самаго начала административному бѣгу направленіе

вкось, оно впослѣдствіи все больше и больше будетъ отклоняться отъ прямой линіи. И точно, не успѣлъ онъ успокоиться на мысли, что никто его дурачества не видѣлъ, какъ слышитъ, что Скворецъ ему съ сосѣдней березы кричитъ: „Дуракъ! его просили къ одному знаменателю насъ приводить, а онъ Чижика съѣлъ!“ Взбѣленился маіоръ, полезъ за Скворцомъ на березу, а Скворецъ не будь глупъ, на другую перепорхнулъ. Медвѣдь на другую, а Скворецъ опять на первую. Лазилъ, лазилъ, мочи нѣтъ измучился. А глядя на Скворца, и Ворона осмѣлилась: „Вотъ, молъ, скотина! Добрые люди отъ него кровопролитіевъ ждали, а онъ Чижика съѣлъ!“ Онъ за Вороной, анъ изъ-за куста Заинька выпрыгнулъ: „Чурбанъ стоеросовый! Чижика съѣлъ!“ Комаръ изъ-за тридевять земель прилетѣлъ, „Форма пряничная! Чижика съѣлъ!“ Лягушка въ болотѣ квакнула: „Олухъ царя небеснаго! Чижика съѣлъ!“

Тычется маіоръ то въ ту, то въ другую сторону, хочетъ супостатовъ перехватать, и все мимо. И что больше старается, то у него глупѣе выходитъ. Не прошло и часу,

какъ въ лѣсу всѣ, отъ мала до велика, знали что Топтыгинъ-маіоръ Чижика съѣлъ. Весь лѣсъ вознегодовалъ. Не того отъ новаго воеводы ждали. Думали, что онъ добрый, и болота блескомъ кровопролитія воспрославитъ, а онъ — натко! что сдѣлалъ! И куда ни направитъ Михайло Ивановичъ свой путь, вездѣ по сторонамъ словно стонъ стоитъ: „Дурень ты, дурень! Чижика съѣлъ!“ Замѣтался Топтыгинъ, благимъ матомъ заревѣлъ. Только однажды въ жизни нѣчто подобное съ нимъ случилось. Выгнали его въ ту пору изъ берлоги и напустили стаю шавокъ, — такъ впились, собачьи дѣти, и въ уши, и въ загривокъ, и подъ хвостъ! Вотъ такъ уже подлинно онъ смерть въ глаза видѣлъ! Однако все-таки кой-какъ отбоярился: штукъ съ десятокъ шавокъ перекалѣчилъ, а отъ остальныхъ ушелъ. Всякій кустъ, всякое дерево, всякая кочка, точно живыя, дразнятся. Филипъ, ужь на что глупая птица, а и тотъ, наслышавшись отъ другихъ, по ночамъ ухаетъ: „Дуракъ! Чижика съѣлъ!“ Но что всего важнѣе, — не только онъ самъ униженіе терпитъ, но вотъ что: начальственный авторитетъ съ каждымъ днемъ

все больше и больше умаляется. Того и гляди въ сосѣднія трущобы слухъ пройдетъ, и тамъ всѣ на смѣхъ подымутъ. Удивительно, какъ иногда причины самыя ничтожныя къ самымъ великимъ послѣдствіямъ приводятъ. Маленькая птица Чижикъ, а какому, можно сказать, стервятнику репутацію на вѣкъ изгадилъ! Покуда не съѣлъ его маіоръ, никому и въ голову не приходило сказать, что Топтыгинъ дуракъ! Всѣ говорили: „Ваше Степенство! Вы наши отцы, а мы ваши дѣти". Всѣ знали что самъ Оселъ за него предо Львомъ представительствуетъ, а уже если Оселъ кого цѣнитъ, стало быть онъ того стоитъ. И вотъ, благодаря какой-то ничтожнѣйшей административной ошибкѣ, всѣмъ сразу открылось. У всѣхъ словно само собою съ языка слетѣло, „дуракъ! Чижика съѣлъ!" Все равно какъ если бы кто бѣднаго крохотнаго гимназистика педагогическими мѣрами до самоубійства довелъ. Но нѣтъ! И это не такъ; потому довести гимназистика до самоубійства, — это уже не маленькое злодѣйство, а самое настоящее, къ которому, пожалуй, приглашается и Исторія. . . Но Чижикъ! Скажійте на милость!

Чижикъ! Risum teneatis amici! Крикнули хоромъ Воробьи, Ежи и Лягушки. Сначала о поступкѣ Топтыгина говорили съ негодованіемъ („за родную трущобу стыдно!"); потомъ стали дразнитсься. Сначала дразнили окольные, потомъ дальніе; сначала птицы, потомъ Лягушки, Комары, Мухи, все болото, весь лѣсъ! А Исторія такое большое дѣло, что Топтыгинъ при упоминованіи о ней задумывался. Самъ по себѣ онъ зналъ о ней очень смутно, но отъ Осла слыхалъ что даже Левъ ея боится. „Не хорошо, говоритъ, въ зверскомъ образѣ на скрижали попасть!" Исторія только отмѣннѣйшее кровопролитіе цѣнитъ, а о малыхъ упоминаетъ съ оплеваніемъ. Вотъ если бы онъ для начала стадо коровъ перерѣзалъ, цѣлую деревню воровствомъ обездолилъ, или избу у полѣсовщика по бревну раскаталъ — ну тогда Исторія. Главное — Левъ бы его тогда навѣрное лаской своей почтилъ! Изъ за тысячъ верстъ приказалъ, сколько прогоновъ и порціоновъ извелъ, и первымъ дѣломъ Чижика съѣлъ! Охъ! мальчики на школьныхъ скамьяхъ будетъ знать! И дикій Тунгузъ, и сынъ степей — Калмыкъ, всѣ будутъ говорить: „Маіора

птыгина послали супостата покорить, а
ь, вмѣсто того, Чижика съѣлъ!“ Вѣдь у
го, у маіора, у самого дѣти въ гимназію
дятъ! До сихъ поръ ихъ маіорскими дѣтьми
личали, а на предки прохода не дадутъ
ъ, школяры будутъ кричать: „Чижика
ѣлъ! Чижика съѣлъ! Сколько потребуется
нералъныхъ кровопролитіевъ учинить, чтобы
акую пакость загладить! Скольку народу
рабить, раззорить, загубить! Проклятое
время, которое съ помощью глупыхъ зло-
зяній цитадели общественнаго благоустрой-
ва сокрушаетъ, но срамное, срамное, ты-
ча кратъ срамное то время, которое мнитъ
й же цѣли достигнуть съ помощью злодѣя-
й, срамныхъ и малыхъ! Мечется Топты-
нъ, ночей не спитъ, докладовъ не прини-
етъ, все объ одномъ думаетъ: „Ахъ! что-
Оселъ объ моей маіорской проказѣ ска-
етъ?“ И вдругъ словно, сонъ въ руку,
едписаніе отъ Осла: „До свѣденія его Вы-
костепенства господина Льва дошло, что
и внутреннихъ враговъ не примирили, а
ижика съѣли, — правда ли?“ Пришлось
знаться. Раскаялся Топтыгинъ, написалъ
портъ, и ждалъ. Разумѣется, никакого от-

вѣта и быть не могло, кромѣ того:
ракъ! Чижика съѣлъ?“ Но частнымъ
зомъ Оселъ далъ виноватому знать (Ме
то ему колодку съ медомъ въ презент
рапортѣ представилъ): „Непремѣнно
нужно особливое кровопролитіе учинить,
гнусное оное впечатлѣніе истребить!“

„Коли за этимъ дѣло стало, такъ я
репутацію свою поправлю“, молвилъ Ми
Ивановичъ, и сейчасъ же напалъ на
барановъ и всѣхъ до единаго перерѣ
Потомъ бабу въ малинникѣ поймалъ
кошко съ малиной отнялъ. Потомъ,
корни и нити разыскивать, да кстати и
лѣсъ основъ выхватилъ. Наконецъ заб
ночью въ типотрафію, станки разбилъ, шр
смѣшалъ, а произведенія ума человѣче
въ отхожую ему свалилъ. Сдѣлавши
это, сѣлъ сукинъ сынъ на корточки и ж
поощренія. Однако ожиданіе его не сбы
Хотя Оселъ, воспользовавшись первымъ
чаемъ, подвига Топтыгина въ лучшемъ
расписалъ, но Левъ не только не награ
но собственною лапою на Ослиномъ до
нацарапалъ: „Не вѣрю штопъ сей
церъ храпръ былъ, ибо это тотъ с

Топтыгинъ, который маво любимаваго Мижика съѣлъ!“ И приказалъ огчислить его по инфантеріи. Такъ и остался Топтыгинъ I маіоромъ на вѣкъ, а если-бъ онъ прямо съ типографіи началъ, быть бы ему теперь генераломъ!

ТОПТЫГИНЪ II.

Но бываетъ и такъ, что блестящія злодѣянія въ ирокъ не идутъ. Плачевный примѣръ тому суждено было представить другому Топтыгину. Въ то же самое время, когда Топтыгинъ I отличался въ свой трущобѣ, въ другую такую же трущобу послалъ Левъ другого воевода, тоже маіора, и тоже Топтыгина. Этотъ былъ умнѣе своего тезки, и что всего важнѣе, понималъ что въ дѣлѣ административной репутаціи отъ перваго шага зависитъ все будущее администратора. Поэтому, еще до полученія прогонныхъ денегъ, онъ зрѣло обдумалъ свой планъ компаніи, и тогда только побѣжалъ на воеводство. Тѣмъ неменѣе карьера его была еще менѣе продолжительна,

нежели Топтыгина I-го. Главнымъ образомъ онъ разсчитывалъ на то, что какъ прійдетъ на мѣсто, такъ сейчасъ же раззоритъ типографію. Это ему и оселъ совѣтовалъ. Оказалось однако, что во ввѣренной ему трущобѣ ни одной типографіи нѣтъ, хотя сторожилы и припоминали что существовалъ нѣкогда, вотъ подъ этой сосной, казенный ручной станокъ, который лѣсные куранты печаталъ, но еще при Магницкомъ этотъ станокъ былъ публично сожженъ, и оставлено было только цензурное вѣдомство, которое возложило обязанность курантовъ на Скворцовъ. Послѣдніе каждое утро летали по лѣсу, разносили политическія новости дня, и никто отъ того никакихъ неудобствъ не ощущалъ. Затѣмъ извѣстно было еще что Дятелъ на древесной корѣ не переставаючи пишетъ „Исторію лѣсной трущобы“, на эту кору, по мѣрѣ начертанія на сей письменъ, точили и растаскивали воры муравьи. И такимъ образомъ лѣсные мужики жили не зная ни прошедшаго ни настоящаго, и не заглядывая въ будущее, или, другими словами, слонялись изъ угла въ уголъ, окутанные мракомъ времени. Тогда маіоръ спросилъ, нѣтъ ли въ лѣсу по крайней мѣрѣ

университета или хоть академіи, чтобы ее спалить; но оказалось что и тутъ Магницкій предвосхитилъ его намѣреніе: университетъ въ полномъ составѣ разверсталъ въ линейные батальоны, а академиковъ заточилъ въ дупло, гдѣ они и поднесь въ летаргическомъ снѣ пребываютъ. Разсердился Топтыгинъ, и потребовалъ чтобъ къ нему привели Магницкаго, дабы его разтерзать (similia similebus curantur), но получилъ въ отвѣтъ, что Магницкій волею божьею помре! Нечего дѣлать, потужилъ Топтыгинъ II, но въ уныніе не впалъ. „Коли душу у нихъ, у мерзавцевъ, за неимѣніемъ ея, погубить нельзя, сказалъ онъ себѣ, стало быть прямо за шкуру приниматься надо!“ Сказано сдѣлано. Выбралъ онъ ночку потемнѣе, и забрался во дворъ къ сосѣднему мужику. Поочереди лошадь задралъ, корову, свинью, пару овецъ, и хоть знаетъ, негодяй, что въ лоскъ мужичка разорилъ, и все ему мало кажется. „Постой, говоритъ, я у тебя дворъ по бревну растаскаю, на вѣки тебя по міру съ сумой пущу“. И, сказавши это, полезъ на крышу, чтобы злодѣйство свое выполнить. Только не разсчиталъ, что матица-то гнилая была; какъ

только онъ на нее ступилъ, она возьми да и провались. Повисъ маіоръ на воздухѣ, видитъ, что неминуемо объ землю грохнуться, а ему не хочется. Облапилъ бревно, и заревѣлъ. Сбѣжались на ревъ мужики, кто съ коломъ, кто съ топоромъ, а кто и съ рогатиной. Куда ни обернутся, кругомъ вездѣ погромъ. Загородки поломаны, дворъ раскрытъ, въ хлѣвахъ лужи крови стоятъ. А по среди двора и самъ воръ виситъ. — „Ишь, анафема! Передъ начальствомъ выслужиться хотѣлъ, а мы черезъ это пропадать должны! А, нутка, братцы, уважимъ его!“ Сказавши это, поставили рогатину на то самое мѣсто, гдѣ Топтыгину упасть надлежало, и уважили. Затѣмъ содрали съ него шкуру, а стерву вывезли въ болото, гдѣ къ утру его расклевали хищныя птицы. Такимъ образомъ явилась новая лѣсная практика, которая установила, что и блестящія злодѣйства могутъ имѣть послѣдствія неменѣе плачевныя, какъ и злодѣйства срамныя. Эту вновь установившуюся практику подтвердила и Лѣсная Исторія, присовокупивъ, для вящей вразумительности, что принятое въ историскихъ руководствахъ (для среднихъ учебныхъ заведеній издаваемыхъ)

подраздѣленіе злодѣйствъ на блестящія и срамныя упраздняется навсегда, и что отнынѣ всѣмъ вообще злодѣйствамъ, каковы бы ни были ихъ размѣры, присвояется наименованіе срамныхъ. По докладу о семъ Осла Левъ собственноручно на ономъ начерталъ: „О приговорѣ Исторіи дать знать маіору Топтыгину III-му, пускай изворачивается.“

ТОПТЫГИНЪ III.

Третій Топтыгинъ былъ умнѣе своихъ незнаменитыхъ предшественниковъ. „Дѣло то выходитъ бросовое, сказалъ онъ себѣ, прочитавъ резолюцію Льва: — мало напакостить — поднимутъ на смѣхъ; много напакостить, — на рогатину поднимутъ. . . Полно, ѣхать ли ужь? Спрашивалъ онъ рапортомъ у Осла: „ежели-де ни малыя, ни большія злодѣянія совершать не разрѣшается, то нельзя ли хоть среднія злодѣянія совершать?“ Но Оселъ отвѣтилъ уклончиво: „всѣ-де нужныя по сему предмету указанія Вы найдете въ Лѣсномъ Уставѣ“. Заглянулъ онъ въ Лѣсной Уставъ,

но тамъ обо всемъ говорилось, и о пущной подати, и о грибной, и объ ягодной, даже о шишкахъ еловыхъ, но о злодѣяніяхъ — молчокъ! И за тѣмъ на всѣ его дальнѣйшія докуки и настоянія Оселъ отвѣчалъ съ одинаковой настойчивостью: „Дѣйствуйте по пристойности!“

„Вотъ до какого времени мы дожили! роптал Топтыгинъ III: — чинъ на тебя большой налагаютъ, а какими злодѣйствами его подтвердить — не указываютъ!“ И опять мелькнуло у него въ головѣ: „полно, ѣхать ли!“ И если бы не вспомнилось ему какая уйма подъемныхъ и прогонныхъ денегъ для него въ казначействѣ припасено, право онъ не поѣхалъ бы. Прибылъ онъ въ трущобу на своихъ на двоихъ, — очень скромно. Ни оффиціальныхъ пріемовъ не назначалъ, ни докладныхъ дней, а прямо юркнулъ въ берлогу, засунулъ лапу въ хайло и залегъ. Лежитъ и думаетъ: „Даже и съ Зайца шкуру содрать нельзя, и то, пожалуй, за злодѣйство сочтутъ. И кто сочтетъ? Добро бы Левъ или Оселъ, — это бы куда ни шло! А то мужики какіе-то. Да Исторію еще какую-то нашли — вотъ ужь подлинно-то смѣхъ!!“ Хохочетъ Топты-

гинъ въ берлогѣ, про Исторію вспоминаючи, а на сердце у него жутко; чуетъ онъ, что самъ Левъ Исторію боится, какъ тутъ будешь подтягивать — и ума приложить не можетъ. Спрашиваютъ съ него много, а разбойничать не велятъ. Въ какую бы сторону онъ ни устремился, только что разбѣжится, — стой, погоди! Не въ свое мѣсто заѣхалъ! Вездѣ „права“ завелись. Даже у Бѣлки, и у той нынче „права“! Дробину тебѣ въ носъ, — вотъ какіе твои права! У нихъ „права“ а у него, вишь, „обязанности“! Да и обязанностей настоящихъ нѣтъ — просто пустое мѣсто! Они другъ друга поѣдомъ ѣдятъ, а онъ задрать никого не смей, на что похоже? А все Оселъ! Онъ, именно онъ мудритъ, онъ канитель разводитъ. На что похоже? Узы ему кто разрѣшилъ? Вотъ о чемъ нужно ему всечасно подумать, а онъ о правахъ мычитъ! „Дѣйствуйте по пристойности“ — а—ахъ?

Долго онъ такимъ образомъ лапу сосалъ, и настоящимъ образомъ въ управленіе ввѣренной ему трущобы не вступалъ. Пробовалъ онъ однажды о себѣ „по пристойности“ заявить, — влезъ на самую высокую сосну, и оттуда не своимъ голосомъ рявкнулъ, но и

отъ этого пользы не вышло, лѣсная сволочь, давно не видя злодѣйства, до того распустилась, что услышавъ его ревъ, только молвила: „Чу, Мишка реветъ. Гляди что лапу во снѣ прокусилъ“. Съ тѣмъ и отъѣхалъ Топтыгинъ III опять въ берлогу. Но повторяю, онъ былъ Медвѣдь умный, и не затѣмъ въ берлогу залегъ, чтобы въ безплодныхъ сѣтованіяхъ изнывать, а чтобы до чего нибудь настоящаго додуматься.

И додумался.

Дѣло въ томъ, что покуда онъ лежалъ, въ лѣсу все само собой установленнымъ порядкомъ шло. Порядокъ этотъ, конечно, нельзя было назвать вполнѣ „благополучнымъ“, но вѣдь задача воеводства совсѣмъ не въ томъ состоитъ чтобы достигать какого нибудь мечтательнаго благополучія, а въ томъ, чтобы изстари заведенный порядокъ (хотя бы и не благополучный) отъ поврежденій оберегать и ограждать. Ежели изстари завелось что Волки съ Зайцевъ шкуру дерутъ, а Коршуны Сову и Ворону ощипываютъ, то, хотя въ такомъ порядкѣ ничего благополучнаго нѣтъ, но такъ какъ это все-таки „порядокъ“, стало быть и слѣдуетъ признать его за таковой. А ежели

при этомъ ни Зайцы, ни Вороны, не только не ропщутъ, но продолжаютъ плодиться и населять землю, то это значитъ что порядокъ не выходитъ изъ опредѣленныхъ ему искони границъ, и слѣдовательно „все обстоитъ благополучно“. Въ данномъ случаѣ не именно такъ происходило. Ни разу лѣсъ не измѣнялъ той физіономіи, которая ему приличествуетъ. И днемъ, и ночью онъ гремѣлъ милліонами голосовъ, изъ которыхъ одни представляли агонизирующій вопль, другіе побѣдный кликъ. И наружныя формы, и звуки, и свѣто-тѣни, и составъ населенія, все представлялось неизмѣннымъ, какъ бы застывшимъ. Словомъ сказать, это былъ порядокъ до такой степени установившійся и прочный, что при видѣ его самому лютому и рьяному воеводѣ не могла прійти въ голову мысль о какихъ либо блистательныхъ злодѣйствахъ, да еще „подъ личною Вашего Степенства отвѣтственностью“. Словомъ сказать, подъ умственнымъ взоромъ Топтыгина III выросла цѣлая теорія неблагополучнаго благополучія. Выросла со всѣми подробностями, и даже счетовою провѣркой на практикѣ. И вспомнилось ему какъ однажды, въ дружеской бесѣдѣ, Оселъ

говорилъ: „Главное въ вашемъ ремеслѣ, это laissez faire, laissez passer! Или, по русски выражаясь, такъ: дуракъ на дуракѣ сидитъ и дуракомъ погоняетъ. „Если Вы, другъ мой, будете этого правила держаться, то все у васъ будетъ обстоять бдагополучно.“ Такъ оно именно и выходитъ. Надо только сидѣть и радоваться, что дуракъ дуракомъ погоняетъ, а все остальное приложится. „Я даже не понимаю, зачѣмъ воеводъ посылать! Вѣдь и безъ нихъ! . . .“ Либеральничалъ было маіоръ, но вспомнивъ о присвоенномъ ему содержаніи, замялъ скоро нескромную мысль: ничего, ничего, молчаніе. . . Съ этими словами онъ перевернулся на другой бокъ и рѣшилъ выходить изъ берлоги только для полученія присвоеннаго ему содержанія. И затѣмъ все пошло въ лѣсу какъ по маслу. Маіоръ спалъ, а мужики приносили поросятъ, куръ, меду, и даже сивухи, и складывали свои дани у входа въ берлогу. Въ указанные часы маіоръ просыпался, выходилъ изъ берлоги и жралъ. Такимъ образомъ пролежалъ Топтыгинъ III многіе годы. И такъ какъ неблагополучные, но вожделенные лѣсные порядки ни разу въ это время нарушены не были, т

Левъ не оставилъ его своею милостью. :ачала произвелъ въ подполковники, по-мъ въ полковники, и наконецъ . . . Но гъ явились въ трущобу мужики-лукаши*), зышелъ Топтыгинъ III изъ берлоги въ поле. здѣсь его постигла участь всѣхъ пушныхъ ѣрей.

---

*) „Лукаши", мужики изъ Велики-Лужскаго уѣзда ковской губерніи, которые занимаются изученіемъ ивычекъ и нравовъ лѣсныхъ звѣрей, и потому едлагаютъ охотникамъ свои услуги для облавъ.

III.

Вяленая Вобла.

Воблу поймали, вычистили внутренности (только молоки для приплоду оставили) и вывѣсили на веревочкѣ на солнце: пускай провялится. Повисѣла Вобла денекъ, другой, а на третій у ней и кожица на брюхѣ сморщилась, и голова подсохла, и мозгъ, какой въ головѣ былъ, вывѣтрился, дряблый сдѣлался.

И стала Вобла жить да поживать*).

Какъ это хорошо, говорила Вяленая Вобла, что со мной эту процедуру продѣлали. Теперь у меня ни лишнихъ мыслей, ни лишнихъ чувствъ, ни лишней совѣсти — ничего такого не будетъ! Все у меня лишнее вывѣтрилось

*) Я знаю, что въ натурѣ этого не бываетъ, но такъ какъ изъ сказки слова не выкинешь, то видно быть этому дѣлу такъ.

нистили и вывялили, и буду я свою ли-
› потихоньку, да полегоньку вести.
Ито бываютъ на свѣтѣ лишнія мысли, лиш-
ı совѣсть, лишнія чувства — объ этомъ
е живучи на волѣ Вобла слышала. И ни-
:да признаться не завидовала тѣмъ, кото-
.е такими излишками обладали. Отъ рож-
нія она была Вобла степенная, не въ свое
ло носа не совала, за „лишнимъ“ не гна-
сь въ эмпиреяхъ не витала и не благона-
жныхъ компаній удалялась. Еще гдѣ бы-
ло заслышитъ, что пискари объ конститу-
ıхъ болтаютъ — сейчасъ на лѣво кругомъ
подъ лопухъ сторонится. Однако-жъ и за
ѣмъ тѣмъ, не безъ страху жила, потому
о не ровенъ часъ, вдругъ . . . „Мудреное
інче время! думала она: — такое мудреное,
о и невинный за виноватаго какъ разъ сой-
гъ. Начнутъ это шарить, а она около
ѣ нибудь спряталась, анъ и около поша-
гъ! Гдѣ была? по какому случаю? какимъ
неромъ? Господи спаси и помилуй!“ Стало
ть, можете себѣ представить какъ она была
да, когда ее изловили, и всѣ мысли и чув-
за у ней выхолостили! „Теперь милости
осимъ! торжествовала она: — когда угодно

и, кто угодно приходи! теперь у меня всѣ доказательства на лицо.

Что именно разумѣла Вяленая Вобла подъ названіемъ лишнихъ мыслей и чувствъ, - неизвѣстно, но что, дѣйствительно на нашихъ глазахъ много лишняго завелось — съ этимъ я не согласиться не могу. Сущность этого лишняго никто не называлъ по имени, но всякій смутно чувствуетъ, что куда не обернись — вездѣ какой-то привѣсокъ выглядываетъ. И хоть ты что хочешь, а надобно этотъ привѣсокъ или въ разсчетъ принять, или такъ его обойти, чтобъ онъ и не подумалъ, что его надуваютъ. Вотъ это порождаетъ тьму новыхъ заботъ, осложненій и безпокойствъ вообще. Хочется, по старинному, прямикомъ пройти, анъ прямикъ буреломомъ завалило, промыслами исковеркало — ну, и ступайте за семь верстъ киселя ѣсть. Всякій партикулярный человѣкъ какъ-то эту тягость сознаетъ уже, и какое для начальства отягощеніе. Этого ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Штаты-то старинные, а дѣла-то новыя; да и въ штатахъ-то самихъ привѣски завелись. Прежде у чиновника-то чугунная поясница была, какъ сѣлъ на мѣсто

десять часовъ утра, такъ и не встаетъ до тырехъ — все служитъ! А нынче, прій-тъ онъ въ часъ, ужъ позавтракавши: часъ пиросу куритъ, часъ куплеты напѣваетъ, а тальное время — такъ около столовъ ко-бродитъ. И тайны канцелярской совсѣмъ держитъ. Учнетъ одно дѣло перелисты-ть — „посмотрите, какой курьезъ!“ за дру-е возьмется: „глядите! вѣдь это отдай все, и мало!“ Наберетъ курьезовъ съ три ко-ба, да къ Палкину обѣдать. А какъ ты ержишься, чтобы курьезомъ стѣнъ трактира алкина не огласить. Да, ежели я вамъ до-жу, за каждую канцелярскую нескромность детъ каторга обѣщана, такъ и тогда отъ скромностей не уйти! Спрашивается, съ змъ же тутъ начальству подняться! У всѣхъ ть пособники, а у него нѣтъ; у всѣхъ есть крыватели, а у него нѣтъ! Какъ тутъ оста-овить наплывъ лишняго въ партикулярномъ рѣ, когда въ своей собственной цитадели, уда ни вскинь глазами, — вездѣ лишнее, да е надлежащее такъ и хлыщетъ черезъ край. рудно, ахъ, какъ трудно среди всей массы ривѣсковъ жить; приходится всю дорогу цупью идти. Думается, что настоящее мѣ-

сто нашарилъ, а оказывается, что шарилъ „около“. Безполезно, жестоко, безплодно, срамно. Положимъ, что и не великая бѣда, что невиноватый за виноватаго сошелъ — много ихъ, невиноватыхъ-то этихъ! Сегодня онъ не виноватъ, а завтра кто-жъ его знаетъ! да вотъ въ чемъ настоящая бѣда — подлиннаго виноватаго все-таки нѣтъ! Стало быть и опять нащупывать надо, и опять мимо! Въ томъ все время и проходитъ. Понятно, что даже самые умудренные партикулярные люди (тѣ, которые сальныхъ свѣчей не ѣдятъ и стекломъ не утираются) и тѣ стали въ тупикъ! Но зря-то голымъ тѣломъ никому не охота садиться — вотъ всякій и вопитъ: Господи, пронеси! Нѣтъ, какъ хотите, а надо когда нибудь эти привѣски счесть да и присмотрѣться къ нимъ. Узнать: откуда они пришли? зачѣмъ? куда пролѣзть хотятъ? Не всѣ вѣдь кагаломъ безъ толку лѣзутъ — иное что и полезное сыщется.

Очень впрочемъ возможно, что Воблѣ эти вопросы и на умъ не приходили. Однако повторяю: и она вмѣстѣ съ прочими чувствовала, что или отъ привѣсковъ, или по поводу привѣсковъ — ей всячески матъ. И только

отда ее на солнцѣ хорошенько провялили и вывѣтрили, когда она убѣдилась, что внутри у нея ничего кромѣ молокъ не осталось, только тогда она ободрилась и сказала себѣ: ну, теперь мнѣ на все наплевать! И точно: теперь она даже противъ прежняго сдѣлалась солиднѣе и благонадежнѣе. Мысли у нея резонныя, чувства никого незадѣвающія, совѣсти на мѣдный пятакъ. Сидитъ себѣ съ краю и говоритъ какъ пишетъ. Нищій къ ней подойдетъ — оглянется, коли есть посторонніе, сунетъ нищему грошикъ; коли нѣтъ никого — кивнетъ головой: Богъ подастъ! Встрѣтится съ кѣмъ нибудь, непремѣнно въ разговоръ вступитъ, откровенно мнѣніе свое выскажетъ и всѣхъ основательностью восхититъ. Не рвется, не мечется, не протестуетъ, не клянетъ, а резонно объ резонныхъ дѣлахъ калякаетъ. О томъ, что тише ѣдешь — дальше будешь; что маленькая рыбка лучше, чѣмъ большой тараканъ; что поспѣшишь — людей насмѣшишь и т. п. А всего больше о томъ, что уши выше лба не ростутъ.

Ахъ Воблушка! какъ ты скучна на бобахъ разводишь! воскликнетъ собесѣдникъ, если онъ изъ свѣженькихъ.

— И всѣмъ скучно сначала кажется — стыдливо отвѣтитъ Воблушка. Сначала скучно, а потомъ хорошо. Вотъ какъ поживешь на свѣтѣ, да пошарятъ около тебя вдоволь — тогда и объ Воблушкѣ вспомнишь — скажешь: спасибо ей что уму разуму учила. Нельзя и не сказать спасибо, потому что, если по правдѣ разсудить, такъ именно одна только Воблушка въ центру попала. Бываютъ такія обстановочки, когда настоящей цѣны разума — и слыхомъ не слыхать. А есть только Воблушкинъ умъ — разумъ. А люди ходятъ, какъ сонные, ни къ чему приступиться не умѣютъ, ничему не радуются и даже ничѣмъ не печалятся. И вдругъ въ ушахъ раздается ея успокоительно-соблазнительный шопотъ: потихоньку, да по легоньку, двухъ смертей не бываетъ, одной не миновать . . . Это она, это Воблушка шепчетъ! Спасибо тебѣ, Воблушка! Поклонъ до сырой земли! Вотъ ужь именно двухъ смертей не бываетъ, а одна искони за плечами ходитъ!

Не явись на выручку Воблушка, одно бы оставалось — пропасть. Вѣдь она не только на убѣжище указала, а цѣлую цитадель создала. Да не такую цитадель, въ которой

сидятъ озорники, да курьезы подъискиваютъ, а заправскую цитадель, при взглядѣ на которую и мысли обрешахъ никому не прійдетъ! Вотъ ужь тамъ-то все ясно да гладко, тамъ-то ужь ни о какихъ привѣскахъ и слыхомъ неслыхать! Ѣсть захотѣлось — ѣшь! спать вздумалось — спи! ходи, сиди, калякай! Къ этому-то и привѣсить ничего нельзя. Будь счастливъ — только и всего. И самъ будешь счастливъ и тѣ, которые около тебя, — всѣ будутъ счастливы! Ты никого не тронешь и тебя никто не троетъ. Спите, други, — поживайте! И пошаривать около васъ не для чего, потому что вездѣ путь торный и всѣ двери настежъ. „Впередъ, безъ страха и сомнѣнія“, или, говоря другими словами, шествуй въ надлежащее мѣсто!

— И откуда у тебя. Воблушка, такая ума палата? спрашиваютъ ее благородные пискари, которые по милости ея совѣтовъ не искалеченными остались.

— Отъ рожденья Богъ меня разумомъ наградилъ, скромничаетъ Воблушка; а сверхъ того и во время вяленья мозгъ у меня въ головѣ вывѣтрился. Съ тѣхъ поръ и начала я умомъ раскидывать. . .

И, дѣйствительно, покуда наивные люди въ эмпиреяхъ витаютъ, а злобы ядомъ передовыхъ статей жизнь отравляютъ. Воблушка только умомъ раскидываетъ и тѣмъ пользу приноситъ. Никакія клеветы, никакое человѣко-ненавистничество, никакія передовыя статьи не дѣйствуютъ такъ воспитательно, какъ дѣйствуетъ скромный Воблушкинъ примѣръ. „Уши выше лба не ростутъ!“ вѣдь это то самое, о чемъ древніе римляне говорили: respice finem! Только еще болѣе ко двору. Хороша клевета, а человѣко-ненавистничество еще того лучше, но онѣ такъ сильно въ носъ бьютъ, что не всякій простецъ вмѣстить можетъ.

А главное конца краю нѣтъ. Слушаешь или читаешь и все думаешь: ловко-то ловко, да что же дальше! А дальше опять клевета, опять ядъ. . . Вотъ это-то и смущаетъ. Толи дѣло скромная Воблушкина резонность. „Ты никого не тронь — и тебя никто не тронетъ!“ вѣдь это цѣлая поэма! Тускленькая, правда, эта пресловутая резонность, но посмотрите, какъ цѣпко она человѣка нащупываетъ, какъ аккуратно его обшариваетъ! Сначала клевета поизмучаетъ, потомъ хлѣбный

ъ одурманитъ и когда процессъ мучитель-
а завершитъ свой циклъ, когда человѣкъ
чувствуетъ, что нѣтъ во всемъ его орга-
змѣ мѣста, которое бы не было, а въ душѣ
гъ иново ощущенія кромѣ безграничной
:ки — вотъ тогда и выступаетъ Воблушка
своими скромными афоризмами. Она без-
мно подкрадывается къ искалеченному и
зболѣзненно додурманиваетъ его; и при-
ія его къ стѣнѣ говоритъ: вонъ, сколько
ракуль тамъ написано! всю жизнь разбирай
:го не разберешь!

Смотри на эти каракули и, если есть охота
доискивайся ихъ смысла. Тутъ все въ
ю мѣсто скучено: завѣты прошлаго, и ядъ
стоящаго, и загадки будущаго. И надъ
ѣмъ легъ густой слой всякаго рода грязи,
адковъ, вешнихъ потоковъ и слѣдовъ на-
совъ. А ежели разбирать въ каракуляхъ
оты нѣтъ, то тѣмъ еще лучше. Вѣрь на
ово, что суть этихъ каракуль можетъ быть
ражена въ немногихъ словахъ; выше лба
и не растутъ. И затѣмъ — живи.

Все это отлично поняла Вяленая Вобла,
и лучше сказать не сама она поняла, а при-
съ ей это пониманіе тотъ процессъ вяленія,

сквозь которой она прошла. А впослѣдствіи время и обстоятельства усыновили ее и дали широкій просторъ для примѣненій.

Всѣ поприща поочередно открывались передъ ней и на всякомъ она службу сослужила. Вездѣ она свое слово сказала, слово пустомысленное, бросовое, но именно какъ разъ такое, что, по обстоятельствамъ, лучше и не надо.

Записавшись въ ряды бюрократіи, она паче всего на канцелярской тайнѣ, да на округленіи періодовъ настаивала. „Главное", твердила она, — чтобъ никто ничего не понималъ, чтобъ всѣ ходили, какъ пьяные!" И всѣмъ, дѣйствительно сдѣлалось ясно, что именно это и надо. Что же касается до округленія періодовъ, то Воблушка резонно утверждала, что безъ этого никакъ слѣды замести нельзя. На свѣтѣ существуетъ множество всякихъ словъ, но самыя опасныя изъ нихъ — это слова прямыя, настоящія. Никогда не нужно настоящихъ словъ говорить, потому что изъ за нихъ изъяны выглядываютъ. А ты пустопорожнее слово возьми и начинай имъ кружить. И кружи, и кружи и съ одной стороны взгляни и съ другой за-

бѣги, умѣй „къ сожалѣнію сознаться“ и въ то же время не ослабѣваючи уповай; сошлись на духъ времени, но не упускай изъ виду и разнузданность страстей. Тогда изъяны стушуются сами собой, а останется одна Воблушкина правда. Та вожделенная правда, которая помогаетъ нынѣшній день пережить, а объ завтрешнемъ не загадывать.

Забралась Вяленая Вобла и въ ряды „излюбленныхъ“ и тутъ службу сослужила. По началу излюбленные довольно таки гордо себя повели: мы — ста, да вы — ста . . . повергнуть ваши умныя мысли къ стопамъ! Только и слово. А Воблушка сидитъ себѣ скромненько въ углу и думаетъ про себя: моя рѣчь еще впереди. И дѣйствительно; разъ — повергли, въ другой — повергли, въ третій — опять было повергнуть собрались, да концы съ концами свести не могутъ. Одинъ кричитъ — мало! другой перекрикиваетъ — много! а третій прямо бунтъ объявляетъ: ѣдемъ, братцы, прямо . . . такъ васъ и пустили!

Вотъ тутъ-то Воблушка и оказала себя. Выждала минутку, когда у всѣхъ въ горлѣ пересохло, и говоритъ: „Повергать, говоритъ,

мы тогда можемъ, коли насъ спрашиваютъ, а ежели насъ не спрашиваютъ, то должны мы сидѣть смирно и получать присвоенное содержаніе". — Какъ такъ? почему? — „А потому, говоритъ, что такъ истари заведено: коли спрашиваютъ — повергай! а не спрашиваютъ — сиди и памятуй, что выше лба уши не ростутъ!" И вдругъ отъ этихъ простыхъ Воблушкиныхъ словъ у всѣхъ словно пелена съ глазъ упала! И стали излюбленные люди хвалить Воблушку и дивиться уму — разуму.

— Откуда у тебя такая ума палата взялась? обступили ее со всѣхъ сторонъ: вѣдь, кабы не ты, — мы, навѣрное, съ Макаромъ, телятъ не гоняющимъ, познакомились бы!

А Воблушка скромно радовалась своему подвигу и объясняла: оттого я такъ умна, что своевременно меня провалили. Съ тѣхъ поръ меня точно свѣтъ осіялъ: ни лишнихъ чувствъ, ни лишнихъ мыслей, ни лишней совѣсти — ничего во мнѣ нѣтъ. Объ одномъ всечасно и себѣ и другимъ твержу: не ростутъ уши выше лба! не ростутъ!

— Правильно! согласились излюбленные люди и тутъ же разъ навсегда постановили: коли

спрашиваютъ — повергать, а не спрашиваютъ — сидѣть и получать присвоенное содержаніе . . .

Каковое правило соблюдается и до нынѣ.

Пробовала Вяленая Вобла и заблужденія человѣческія судить — и тоже хорошо у ней вышло. Тутъ она нагляднымъ образомъ доказала, что ежели лишнія чувства и лишнія мысли безъ нужды осложняютъ жизнь, то лишняя совѣсть — и тѣмъ паче не ко двору. Лишняя совѣсть наполняетъ сердце робостью, останавливаетъ руку, которая готова камень бросить, шепчетъ судьѣ: провѣрь самаго себя!

А ежели у кого совѣсть вмѣстѣ съ остальною требухой изъ нутра вычистили, у того и робости въ заводѣ нѣтъ, а за то камней — полна пазуха.

Смотритъ себѣ Вяленая Вобла, не сморгнувши, на заблужденія человѣческія, и знай себѣ камни пошвыриваетъ. Каждое заблужденіе у ней подъ номеромъ. Остается только нелицепріятную бухгалтерію завести. Ежели слѣдуетъ искалѣчить полностью — такъ полностью искалѣчь: самъ виноватъ! Ежели слѣдуетъ искалѣчить въ частности — искалѣчь частицу: впередъ наука! И такъ она этою

своею резонностью всѣмъ понравилась, что только и разговоровъ было: да гдѣ ты, Воблушка, ума разума набралась? А про совѣсть, разумѣется, никто безъ смѣха и вспомнить не могъ . . .

Но больше всего была богата послѣдствіями добровольческая Воблушкина дѣятельность по распространенію здравыхъ мыслей въ обществѣ. Съ утра до вечера ходила она не уставаючи по градамъ и весямъ и все одну самую здравую пѣсню пѣла: не рости ушамъ выше лба! не рости! И не то чтобъ съ азартомъ пѣла, а солидно, разсудительно, такъ что и разсердиться на нее было не за что. Развѣ кто въ горячахъ крикнетъ: ишь, паскуда, распѣлась! — ну, да вѣдь въ дѣлѣ распространенія здравыхъ мыслей безъ того нельзя, чтобъ кто нибудь на путственнаго словца не сказалъ . . .

Вяленая Вобла, впрочемъ, не смущалась этими напутствіями. Она не безъ основанія говорила себѣ: пускай сначала къ голосу моему привыкнутъ, а затѣмъ я своего ужь добьюсь . . .

Надо сказать правду: общество, къ которому обращались поученія Воблы, не пред-

ставляло особенной устойчивости. Были въ немъ и убѣжденные люди, но болѣе преобладалъ пестрый человѣкъ. Это, положимъ, и вездѣ такъ, но въ другихъ мѣстахъ для убѣжденныхъ людей выдаются свѣтлые промежутки, а тутъ и они коротенькіе. Извольтека въ одночасъ всю эту массу пестрыхъ людей на правую стезю поставить, извольте добиться, чтобъ они усвоили себѣ представленіе о своемъ правѣ на жизнь, да не машинально только усвоили, а съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности и защитить это право. Утвердительно можно сказать, что эта задача мучительная. А, между тѣмъ, сколько во имя ея погубляется жизней, сколько проливается поту и крови, сколько передумывается скорбныхъ и тяжелыхъ думъ! И ежели въ результатѣ этихъ усилій блеснетъ одна единственная минута радости (вдобавокъ мнимой), то это уже награда, которая оправдала цѣлые годы посдѣдующихъ отравъ . . .

А кромѣ того и время стояло смутное, невѣрное и жестокое. Убѣжденные люди надрывались, мучались, метались, вопрошали и, вмѣсто отвѣта, встрѣчали запертую дверь. Пестрые люди слѣдили въ недоумѣніи за ихъ

потугами и въ то же время нюхали въ воздухѣ, чѣмъ пахнетъ. Пахло нехорошо; ощущалось присутствіе желѣзнаго кольца, которое съ каждымъ днемъ все больше и больше стягивалось. Кто то насъ выручитъ? кто то подходящее слово скажетъ? ежели мгновенно тосковали пестрые люди и были рады радёхонька, когда въ ушахъ ихъ раздались знакомые отрезвляющіе звуки.

Наступаетъ короткій періодъ задумчивости: пестрые люди уже рѣшились, но еще стыдяться. Затѣмъ пестрая масса начинаетъ мало по малу волноваться, больше, больше и вдругъ вопль: не ростутъ уши выше лба, не ростутъ!

Общество отрезвилось. Это зрѣлище поголовнаго освобожденія отъ лишнихъ мыслей, лишнихъ чувствъ и лишней совѣсти до такой степени умилительно, что даже клеветники и человѣконенавистники на время умолкаютъ. Они вынуждены сознаться, что простая Вобла съ провяленными молоками и вывѣтрившимся мозгомъ совершила такія чудеса консерватизма, о которомъ они и гадать не смѣли. Одно утѣшаетъ ихъ: что эти подвиги подъяты Воблой подъ прикрытіемъ ихъ человѣко-

ненавистническихъ воплей. Если-бъ они не взывали къ посредничеству ежевыхъ рукавицъ, если-бъ не угрожали согнутіемъ въ бараній рогъ — могла ли бы Вобла съ успѣхомъ вести свою мирно-возродительную пропаганду? Не заклевали ли бы ее? Не насмѣялись ли бы надъ нею? и, наконецъ, не перспектива ли скорпіоновъ и ранъ, ежеминутно ими, клеветниками, показываемая, повліяла на рѣшеніе пестрыхъ людей?

Нѣкоторые изъ клеветниковъ даже устраивали на всякій случай лазейку. Хвалить хвалили, но камень за пазухой все-таки приберегали.

— „Прекрасно, говорили они, — мы съ удовольствіемъ допускаемъ, что общество отрезвилось, что химера упразднена, а на мѣсто ея вступила въ свои права здоровая, неподкрашенная жизнь. Но на долго ли? но прочно ли наше отрезвленіе — вотъ вопросъ. Въ этомъ смыслѣ мирный характеръ, который ознаменовалъ процессъ нашего возрожденія, наводитъ на очень серьезныя мысли. До сихъ поръ мы знали, что заблужденія не такъ то легко полагаютъ оружіе даже передъ очевидностью совершившихся фактовъ, а тутъ

вдругъ нежданно — негаданно, благодаря авторитету пословицы — является радикальное и повсемѣстное отрезвленіе! Полно, такъ ли это? искренно ли состоявшееся на самыхъ глазахъ обращеніе? не представляетъ ли оно искуснаго компромисса или временнаго modus vivendi, допущеннаго для отвода глазъ? И нѣтъ ли въ самыхъ пріемахъ, которыми сопровождалось возрожденіе, признаковъ того легковѣснаго либерализма, который избѣгая такія испытанныя средства, какъ ежевыя рукавицы, мечтаетъ кроткими мѣрами разгонять тяготѣющую надъ нами хандру? Не забывается ли при этомъ слишкомъ легко, что общество наше есть ничто иное, какъ разношерстный и безхарактерный агломератъ всевозможныхъ вѣяній и наслоеній и что съ успѣхомъ можно дѣйствовать на этотъ агломератъ лишь тогда, когда разнообразные элементы, его составляющіе, предварительно приведены къ одному знаменателю?“

Какъ бы то ни было, но настоящій, здоровый тонъ былъ найденъ. Сперва его въ салонахъ усвоили; потомъ онъ въ трактиры проникъ, потомъ . . . Дамочки радовались и — говорили: теперь у насъ балы начнутся. Гостинно-

дворцы развертывали матерій и ожидали оживленія промышленности.

Оставалось одно: отыскать настоящее, здоровое „дѣло“.

Однако тутъ совершилось нѣчто необыкновенное.

Оказалось, что у всѣхъ на умѣ были только ежевыя рукавицы, а объ дѣлѣ такъ мало думали, что никто даже по имени не могъ его назвать. Всѣ говорятъ охотно: надо дѣло дѣлать, не какое не знаютъ. А Вобла наша живетъ, между тѣмъ, среди возрожденной толпы и самодовольно выкрикиваетъ: не ростутъ уши выше лба! не ростутъ!

Помилуй, Воблушка! да вѣдь это только „тонъ“, а не „дѣло“, — возражаютъ ей: — дѣло то какое намъ предпредстоитъ скажи!

Но она заладила одно и ни на пядь уступить не согласна! Такъ ни отъ кого на счетъ дѣла ничего и не узнали.

Но кромѣ того, тутъ же сбоку выскочилъ и другой вопросъ, а что если настоящее дѣло наконецъ и откроется — кто его дѣлать будетъ?

— Вы, Иванъ Ивановичъ, будете дѣло дѣлать?

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

Д-ръ ЛЕО.

ПОЧЕМУ и КАКЪ

МЫ ПРИБЛИЖАЕМСЯ

КЪ АНАРХІИ?

Цѣна 2 мар.

Собраніе произведеній
лучшихъ русскихъ писателей

Содержитъ преимущественно изданія, запрещенныя въ Россіи

Изданіе Гуго Штейница, Берлинъ, Шарлоттенштр. 2. — Verlag von Hugo Steinitz, Berlin, Charlottenstr. 2.

1. **Шидаръ**, Нравственныя задачи XX-го вѣка (Moralische Aufgaben) . . . 1,50 Мар.
2. **Л. Н. Толстой**, Письма къ Полякамъ (Polen-Briefe) . . . —,60 „
3. —, Разумъ (Vernunft, Glaube) . . . —,80 „
4. —, Не воевай (Kämpfe nicht) . . . —,80 „
5. —, Палкинъ (Palkin) . . . —,80 „
6. —, Патріотизмъ или миръ? (Patriotismus) . . . —,80 „
7. —, Плоды просвѣщенія (Früchte) . . . 1,— „
8. —, Крестникъ (Patenkind) . . . 1,— „
9. —, Мысли о Богѣ (Gedanken) . . . 1,20 „
10. —, Рабство нашего времени (Sklaverei) . . . 1,50 „
11. —, О смыслѣ жизни (Sinn des Lebens) . . . 1,50 „
12. —, Христіанство (Christentum) . . . 2,— „
13. —, Половой вопросъ (Sexuelle Frage) . . . 2,— „
14. —, Воскресеніе (Auferstehung) . . . 3,00 „
15. —, Царство Божіе, 2 части (Reich Gottes) . . . 6,— „
16. **Б. Чичеринъ**, Польскій и еврейскій вопросы (Polnische und jüdische Frage) . . . 1,— „
17. **М. Горькій**, Запрещенное (Verbotenes) . . . 1,— „
18. **Толстой и Синодъ** (Tolstoi und Synod) . . . 1,50 „
19. *******, Россія наканунѣ двадцатаго столѣтія (Russland am Vorabend) . . . 2,— „
20. *******, Послѣднія революціи событія (Ereignisse) . . . 2,— „
21. **Н. Т.**, Тайны зимняго дворца (Geheimnisse) . . . 2,— „
22. **М. Горькій, Л. Н. Толстой и др.**, На злобу дня (Gorki, Tolstoi etc., Tagesfrage) . . . 1,— „
23. *******, Жизнь и ученіе Магомеда (Mohamed) . . . 2,— „
24. **Л. Н. Толстой**, Письма о его ученіи (Tolstoi Lehre) . . . 1,— „
25. —, Единственное средство (Einzige Mittel) . . . 1,— „
26. —, Крейцерова соната (Kreutzersonate) . . . 1,50 „
27. —, Исповѣдь (Beichte) . . . 2,— „
28. —, Въ чемъ моя вѣра? (Glaube) . . . 4,— „
29. *******, Изъ революціонной русской литературы (Revol. Literatur I) . . . 3,— „
30. **Л. Н. Толстой**, О войнѣ и военномъ дѣлѣ (Kriegswesen) . . . 1,50 „
31. —, Что такое религія (Religion) . . . 2,— „
32. **А. Амфитеатровъ**, Господа Обмановы (Obmanow) . . . 1,— „
33. **Л. Н. Толстой**, Мысли о воспитаніи (Erziehung) . . . 1,20 „
34. Карповичъ и Балмашевъ передъ судомъ (Karpowicz) . . . 1,— „
35. Л. Н. Толстой въ Духоборцахъ (Sendschreiben) . . . 1,— „
36. **А. А. Волконскій**, 13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости (Schlüsselburger Festung) . . . 2,— „
37. Декабристы (Dekabristen) . . . 1,— „
38. **Л. Н. Толстой и А. Герценъ**, О насиліи (Gewaltthätigkeiten) . . . 1,— „
39. **Пушкинъ, Лермонтовъ и др.**, Революціонныя стихотворенія (Revolutionäre Gedichte) . . . 1,20 „

[illegible] Wille's) . . . . . .

55. **A. Горький.** [illegible] (Verschwörung)

56. **Н. Марсо.** Грехопадение ангелов на Украине (Der Sündenfall in Transkiew) . . . . . .

57. [illegible] (Wie der Zar zu Tode kam) . . . . . .

58. **Д. Н. Сергеев.** Оригинал, копия (Gegen den Strom) . . . . . .

59. Третье отделение (Die Dritte Abteilung) . . . . . .

60. [illegible] (Wie der Hitler zum [illegible] Hitler) . . . . . .

61. **А. Амфитеатров.** Господа Обломовы II (Obloms II) . . . . . .

62. [illegible] (Die [illegible]) . . . . . .

63. [illegible] (Die [illegible] der Revolution) . . . . . .

64. [illegible] (Die [illegible]) . . . . . .

65. **Дм. Мережковский.** [illegible] (Antichrist) . . . . . .

66. **Д. Н. Сергеев.** [illegible] (Die [illegible]) . . . . . .

67. [illegible] (Die [illegible]) . . . . . .

68. [illegible] (Messiaus Dementyev) . . . . . .

69. [illegible] (Die [illegible]) . . . . . .

70. [illegible] (Die [illegible]) . . . . . .

71. [illegible] (Die [illegible]) . . . . . .

72. [illegible] (Die [illegible] der [illegible]) . . . . . .

73. [illegible] (Die [illegible]) . . . . . .

74. [illegible] (Die [illegible]) . . . . . .

75. [illegible] (Die [illegible]) . . . . . .

76. [illegible] (Die [illegible]) . . . . . .

77. **Дм. Мережковский.** [illegible] (Die [illegible]) . . . . . .

HOOVER INSTITUTION
To avoid fine this book should be returned on
or before the date last stamped below
10M-5-70-26940
STANFORD LIB
FOR USE IN
LIBRARY ONLY

PG 3361 .S3 P4
Pisma k tetenkie / AMD8544
Hoover Institution Library
3 6105 082 434 593

PG 3361
S3 P4